

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Нина Емузова
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

2. 2018 МАРТ – АПРЕЛЬ

Алим КЕШОКОВ

КОРНИ

Главы из романа

Отпуск! Завтра я увижу город моей мечты. Разве не странно дожить до моих лет и ни разу там не побывать, но так сложилось. А ведь не край земли, и с самого детства знаю в подробностях историю обычного на первый взгляд южного городка – Анапы.

В древности звался он Хатрамтуг, построен был зихами – нашими далекими предками. Два с половиной тысячелетия назад именно здесь завязывались связи с греками, а также с обитателями других колоний-городов – Фанагории, Гермонасса, Кепы. И входили все эти города в Боспорское царство, со столицей в городе Тамтараке (это по нашим источникам, а более известное название – Пантикапей). Обнесено было то царство каменными стенами и глубоким рвом. Со стороны Тамани виднелся величественный монастырь Афродиты в Фанагории. Славился город своими ремесленниками – оружейниками и седельщиками, златокузнецами и чеканщиками, – каких только мастеровых не было на его шумных улицах. Творения их хранятся ныне в Эрмитаже, через увеличительное стекло можно разглядеть знак мастера на дорогой посуде черного или красного лака, черепичных безделушках, глиняных фигурках животных. Славу красивейшего из городов снискали Кепы – он так и звался «город-сад», а жили в нем бжедугские адыги, отсюда и второе название – Бжедугкале – «Город бжедугов». Внук древнегреческого философа Демосфена Гилон получил этот город в дар после женитьбы на дочери бжедугского царя. Он так и остался жить среди бжедугов. А вот с тех пор, как казаки захватили Бжедугкале и изгнали коренных жителей, минуло каких-то лет триста.

Закрываю глаза и вижу воображаемый город Матрадж, что был на месте нынешней Тамани. Крымские сеймены – воины и сборщики дани – пересекали море и становились здесь лагерем, готовясь к нашествиям. Через полуостров устремлялись они черной тучей в Междуречье и обрушивались на адыгские селения. В один из таких набегов на Кызылташ адыги Шапсугии, преследуя налетчиков, потерпели столь сокрушительное поражение, что не осталось в живых ни человека единого, ни даже лошади. А вдовы, находя на поле брани башлык или папаху, поднимали плач по покойнику, словно нашли тело своего воина.

Была у моих героических предков в ходу поговорка: ушедшего достойно – хоронят без слез. Только под силу ли было хранить достоинство женщинам, своими глазами видевшим, как у таманских берегов погибал цвет нации в ненасытной морской пучине. Да и мужчины, оставшиеся в живых, надвигали папахи на глаза... Девушки облачались в одеяния замужних женщин и бросались в море, в надежде соединиться с возлюбленными по ту сторону жизни... Надрез на ухе – своим и своего коня – делали многие, чтобы не забыть об этой трагедии. Случилось это в Елеев день¹, что стал потом зваться днем всеобщей скорби.

Быль о Кызылташе много раз рассказывала мне прабабушка, и в воображении моем воскресали воины, так верхом и ушедшие на дно морское. Прабабушка верила, что всадники прогневали Бога Странствий, потому и обрушил он на них гром небесный. И всякий раз в грозу я сжималась в комок в страхе перед разгневанным божеством.

Хатрамтуг был местом погибельным, в здешний порт свозили награбленное добро и живой товар, здесь же все сбывалось и развозилось на кораблях в чужие пределы, откуда не было возврата. О женщинах, проданных в рабство, рассказывала прабабушка, и сердце мое болезненно трепетало от жалости и тревоги.

Неподалеку от Хатрамтуга живет моя сестра с семьей. Приезжая домой, она много рассказывает о городе, освежая мои детские впечатления от прабабушкиных рассказов, и потому неотвратимо тянет меня в те края. По преданиям, город был окружен рвом и насыпью, на кирпичных стенах стояли пушки. Внутри крепости находился городок с кривыми улочками, на одной жили греки, на другой – армяне, день-деньской витали здесь запахи жареного мяса, перца, лука, чеснока. По словам сестры, не так давно снесены старые постройки прежних обитателей, а на их месте возведены новые жилые дома и курзал, посажены сады.

Наша прабабушка о событиях прошлого знала не понаслышке. Начнем с того, что она была родом из тех мест. Самые тяжкие испытания начались с того, что она попала в руки работорговцев и чудом спаслась, но об этом позже. История эта состоит из множества обрывочных картин, которые я порой рассказываю своим больным, чтобы отвлечь их от боли. Иной раз, правда, позволяю себе незначительную вольность, чтобы приукрасить печальное повествование. О чем бы я ни говорила – привношу что-нибудь из сегодняшней жизни. А как иначе? В каком бы времени ни жили женщины из моих историй – есть между ними незримая связь, души их настроены на одну волну, а если сравнивать судьбы – тут сходства еще больше, разница лишь в малых деталях.

Мечта о Хатрамтуге зародилась во мне еще в детстве, как только я выучила русский язык и начала читать Пушкина. «Не в набегах отбивать

¹ *Елеев день* – древний языческий праздник в честь бога дождя и грома.

коней с ногайскими быками, и с боя взятыми рабами суда в Анапе нагружать...» – прочитала я однажды. Прабабушкины рассказы наложились на поразившие меня строки – круг замкнулся.

Поразительно, что Пушкин в своем Петербурге знал больше о южных нравах, чем я, родившаяся и выросшая здесь, на этой земле. Всего-то несколько слов, а как точно легли в цель. Откуда он знал, например, что ногайские быки были в особой цене – их откармливали по-особому, коров после отела не доили, оставляя все молоко теленку. Потому и скот у ногайцев был особенный, мясо самое вкусное, и цена соответственно высокая...

Телефон вернул меня к реальности. Кто бы это мог быть? Вроде никому не сказала об отпуске, чтобы никто не помешал моим планам. Может, и не мне вовсе звонят. Я в городской квартире практически не живу, разве что в дни дежурств, больше в селе нахожусь, зашла только вещи собрать перед отъездом. Не брать трубку, и все тут. После минутного колебания все же подхожу к телефону. В трубке встревоженный женский голос:

– Дафарадж Шагировна?

Узнаю голос Анны Павловны, моей коллеги.

– Да, я. Как вы меня нашли? Я третий день в отпуске, на минутку забежала за вещами. А так сижу на чемоданах, – уже чувствуя, как портится настроение, бодро рапортую я, но она будто не слышит меня.

– Я уж обзвонилась, уже и «скорую» за вами в село послала. Слава богу, нашла. Знаю, что вы в отпуске, я бы ни за что вас не потревожила... Если бы не крайняя нужда. Положение безвыходное, а то бы я...

– Ладно, говорите уже. Я как чувствовала. Ничего, у вас тоже будет отпуск, и я вас заставлю сдать билет.

– Выслушайте меня внимательно, именем матери вас заклинаю. Я знаю, вы уезжаете, и автобус у вас вечером. По крайней мере, осмотрите нашу больную. Только вы сможете ей помочь. Кто ни посмотрит – воротят нос, мол, сама себя сгубила... Боятся все. Вся надежда на вас. Приедете?

Все ясно. Не видать мне моего Хатрамтуга. И сестре обещала... Опять ругаться будет: мол, всем положен отдых, только не тебе. Вот так всегда: утром дают отпуск, вечером забирают.

Но ведь звонит коллега, а она бы не позвонила, если бы не припекло. Интересно, главврач наш, Латифа Камизова, в курсе? Они с Анной Павловной были раньше не разлей вода, а потом не поделили чего-то и рассорились. Ей может не понравиться, что меня вызывают, еще начнет совать нос куда не следует... Всех по себе судит. Они с Анной Павловной из-за чего расплевались? Латифа... как бы это сказать... не против подношений от больных. Анна Павловна сторонится этого, как огня. Не так давно выплыла наружу одна неприглядная история. Во время операции нагрязнула какая-то комиссия. Стоявшая за операционным столом Латифа прослышала об этом краем уха. Что тут началось! Она машет рукой со скальпелем и кричит:

– Халат! Халат!

Ассистирующей медсестре слышится сквозь маску: «Хьэлэч! Хьэлэч!» («Ужасно!»). Она напугана: значит, с больной все ужасно, она умирает на столе, и все они будут повинны в ее смерти! Медсестра застыла от ужаса и не может двинуться с места.

– Халат, говорю! Оглохла?!

Старшая медсестра сообразила, резво стащила с Латифы испачканный кровью халат, карман которого был красноречиво оттопырен. Засунув его в дальний угол, достала из тумбочки отглаженный халат и надела на врача. Лишь после этого Латифа перевела дух. От страха она забыла, что никакая милиция не имеет права зайти в операционную.

Разве скроешь что от людей? Слух об этом казусе разнесли по всей больнице. Анна Павловна в тот день окончательно разочаровалась в своей приятельнице. Дошел слухок и до студентов, которые также не преминули продемонстрировать свое отношение: на лекцию Латифы пришел только один человек, и тот, оказалось, попал не в ту аудиторию. Она стала гадать, кто же просветил студентов, и выбор ее остановился на мне, поскольку я ближе к студентам: кроме Гиппократ в юбке, решила она, никто не мог меня заложить. Теперь воротит нос при встрече, так и сверкает на меня глазами, а я считаю ниже своего достоинства спросить, за что она на меня сердится. Да и к чему мне первой заводить разговор? Еще виноватой окажешься. Переживу. Меня все знают. И у студентов мой авторитет непререкаем. Они верят, что я храню верность клятве Гиппократ, и той же тропой я веду их. А Латифа заметила это и старается всячески очернить меня в глазах учеников, не стесняясь даже сочинять обо мне нелепые слухи. Вот и вся история наших отношений. Сказать, что мы с ней враги – нельзя, но некая неприязнь постоянно присутствует.

Анна Павловна вызвала меня, как оказалось, к единственной дочери районного главы. Я сталкивалась с ним всего раз, когда написала ему заявление – как наказ избирателя – с просьбой провести мне телефон. Он ответил, что просьбу мою выполнит, если я сама найду требуемое количество столбов, пять километров кабеля, изолятор и прочие необходимые вещи. Такой вот «слуга народа». Теперь вот понадобилась моя помощь. Разумеется, я далека от мысли, что он мне не помог, значит, и я ему ничем не обязана. Врачебная этика – великая вещь. Да и к чему сейчас эти досужие рассуждения...

– Что с больной? – спрашиваю.

– Не по телефону, ладно, дорогая? Девочка при смерти. – Анна Павловна шмыгнула носом и замолчала. Разжалобить хочет? Почему по телефону нельзя? Бывает, что болезнь скрывают, но не от врача же!.. Впрочем, я могу догадаться. Сколько я их перевидала и спасла от верной смерти, этих самых непутевых девчонок. Боже, ну почему все они спотыкаются на одном и том же месте. Нет, чтобы поостеречься, поучиться на чужих ошибках. Нет же, одна за другой, одна за другой...

В больнице собрался врачебный синклит во главе с Латифой Камизовой. Из всех меня ждала с нетерпением, наверно, только Анна Павловна. Увидев меня, Латифа переменилась в лице. В глазах ее был вопрос: кто ее вызвал?..

Мы с ней учились вместе, некоторое время работали в паре, и отношения были вполне дружеские, только остыли понемногу. Мы с ней всегда были очень разные. Латифа старалась произвести впечатление на парней, и внешностью ее Бог не обидел. А вот к учебе относилась прохладно. Я же старалась преуспеть в медицине. Если нарекли нас в старину лекарями, значит, надо уметь лечить как подобает. Похвалюсь, у меня неплохой багаж знаний, а с практикой пришел и опыт. К досаде других, при каждом экстренном случае вызывают меня. Бывает, что в районные больницы приходится выезжать на сложные случаи. Раньше кабардинки предпочли бы умереть, чем рассказать о деликатной проблеме, а теперь, чуть что – сразу к врачу. А вот больная, к которой меня вызвали, действительно тяжелая. Анна Павловна говорит, что со вчерашнего дня держится температура. Я просмотрела историю болезни. Назначения правильные, только эффекта от них мало...

Совсем девчонка, бледная, худенькая. Рассыпавшиеся волосы обрамляют пылающее нездоровым румянцем лицо, бусинки пота обсыпали кожу, сухие губы горят горячечным огнем. И по виду, и по анализам очевидно: сепсис.

Интересно, что думают собравшиеся врачи? И кто их собрал? Ясно, что не ко всем пациентам съезжаются лучшие силы. Признаться, они могли бы обойтись и без меня.

Консилиум совещался недолго. Все были единодушны: больную спасти не удастся. Жить ей осталось день-два. Зачем тогда было выдергивать меня? Анна Павловна ловит мой досадливый взгляд и опускает голову. Латифа – само воплощение достоинства и гнева – молча выслушала всех, а в заключение словно зачитала приговор суда:

– Дело это подсудное, потому подготовьте грамотно документы, и пусть все распишутся в акте. На благополучный исход рассчитывать не приходится, это очевидно. Конечно, некоторые особо идейные начнут читать прописные истины о ценности каждой жизни. Только в этом случае я считаю иначе... Все понятно?

Не дожидаясь ответа врачей, я взорвалась:

– Анна Павловна, вы тоже такого мнения? – Та ответила обреченным взглядом. Я пожалела о своих словах: ведь именно она молила меня о помощи. Ладно, по крайней мере, я выказала свою позицию.

– Не знаю, что и сказать, – решила, наконец, Анна Павловна. – Если исход предрешен – чем мы сможем помочь? Но неужели мы будем безучастно смотреть, как человек умирает?! Потому я и вызвала вас, – она посмотрела мне в глаза. На минуту меня посетило сомнение: не потому ли понадобилось мое присутствие, что они ищут крайнего на случай

летального исхода? Хотя вряд ли. Все знают, что в тяжелых случаях я рискованнее других, вот и вся причина. От Анны Павловны я никогда не жду подвоха, не такой она человек. Есть у нее своя история. Ей, грамотному специалисту, все прочили карьерный рост. На беду, где-то в верхах понадобилось освободить от должности некоего чиновника. С Анны Павловны потребовали медицинское заключение о его недееспособности. Она отказалась. Ей пригрозили освобождением от должности заведением – не подействовало. В результате она много лет работает рядовым врачом. По иронии судьбы, опальный чиновник, который на самом деле был здоров, после таких стрессов заболел, потерял работу и, в конце концов, спился. Словно укор нестигаемой докторше: ну и что, стоило оно таких жертв?..

– И все же я не согласна с общим мнением, – снова подала я голос. Услышанное возмутило меня до глубины души: вот так, значит, запросто решаются вопросы жизни и смерти! Мама любила повторять: сразу видно, что ты правнучка своей прабабушки Дафарадж! Мне, конечно, льстило такое сравнение. – Давайте сделаем повторные анализы, и, если есть хоть один шанс...

– О каком шансе ты говоришь! – перебила меня Камизова. – Она умрет на операционном столе!

Я знала: Латифе возражать – здоровью вредить. Всякое несогласие, как она считает, подмачивает ее авторитет. И все же продолжала:

– Понимаю, что в случае неудачи мы делаем подарок ремесленнику, сгубившему женщину, потому что мы вровень с ним окажемся виноватыми. – При этих словах все устремили на меня недоуменные, сочувственные взгляды: ну что ты вечно лезешь на рожон! Ко всему, без согласия родителей оперировать нельзя. А тут еще отец – глава района. Пахнет скандалом.

Латифа встала и вышла из кабинета, показывая, что разговор окончен. Воцарилась тишина.

Я обратилась к Анне Павловне:

– Хорошо бы проконсультироваться с главным анестезиологом. Пригласите его, если можно.

Говорят, анестезиолога вызвали в район. Анна Павловна проявила резвость, села на телефон и разыскала другого специалиста, тут же послала «скорую». Довольно быстро приехала моя старая знакомая, с которой мы не раз встречались у операционного стола, – Варвара Романовна, женщина маленького росточка, с круглыми, будто удивленными глазами на смуглом курносом личике. С ней приятно работать, она никогда не задает лишних вопросов, понимает тебя с полуслова и вообще слышет одним из самых опытных специалистов. Мне она доверяла и, не раздумывая, вставала рядом в самых сложных случаях.

Гинекология – это отдельное государство, или отдельно стоящее дерево с гнездами. Кто-то вьет гнездо повыше, кто-то пониже, но все – только на

этом дереве. Бывают здесь свои конфликты, но обычно они не выходят за границы этого суверенного, в чем-то даже закрытого государства, потому что все обитатели его знают сферу своего влияния: это исключительно женщины с их болячками, проблемами, ошибками и тайнами. Нет, иной раз решаются здесь и проблемы мужчин, и связано бывает это чаще всего с теми же пресловутыми «ошибками». Говорят же: «Собака научится плавать, лишь когда под хвост попадет вода». Частенько верх берет желание выйти сухим из этой воды, а женщину можно оставить тонуть...

Варвара Романовна вошла в палату к больной, посмотрела ее карту, анализы и вернулась весьма расстроенной.

– Не надо было меня вызывать, смысла не вижу, – отрезала она прежде, чем я успела произнести слово. Я и сама понимала, насколько рискованно давать наркоз больной в таком состоянии. Но без помощи Варвары Романовны я тоже ничего не смогу сделать. И потому я начала говорить если не просящим, то вкрадчивым тоном:

– Подождите, давайте посмотрим в суть. Если есть хоть один шанс, надо его использовать.

– Да видела я эту суть! – безнадежно махнула рукой Варвара Романовна.

– И что?

– Вряд ли мы ей поможем. Может, не надо...

– Ни слова больше. Ни слова. Вы – великий доктор, и человек душевный. Забыли, какие у нас с вами случаи бывали?..

– Вы знаете, что ради вас я готова на многое. Просто... не верю я сейчас в успех.

– А вы поверьте. Сейчас вызову лаборантов, сделаем повторные анализы. Вы только дайте хирургический наркоз, дальше мое дело... Ассистировать возьму лечащего врача. Будь что будет. Мы сделаем все, от нас зависящее.

Варвара Романовна согласна. Но между слов ее я улавливаю нечто, удивившее меня. Оказывается, ее пугает больше не перспектива смерти больной на операционном столе, а сама скандальность ситуации. Ей уже успели шепнуть на ушко, что дело пахнет судом, а еще – что некая записка дошла до министра.

– Ладно. Чему быть, того не миновать. Раз вы так настаиваете... Вся надежда на ваши золотые руки, – обреченно говорит Варвара Романовна, а через минуту опять: – Боже, а вдруг не выдержит?!

– Да слышала я это уже, слышала! Ну не смотреть же, как на глазах умирает человек?! Зачем тогда нужны врачи? Давайте хоть анализы посмотрим для начала.

Она кивнула, и ее кивок означал окончательное решение. Она всегда так – сначала упрется, а потом надавишь слегка – и сдается.

Повторные анализы были ничуть не лучше. Но отступать было поздно. Я собрала всех врачей отделения. Вопрос поставила один: кто

будет ассистировать? Все сосредоточились на рассматривании носков своих туфель. Спросила каждого поименно – у всех своя копеечная отговорка: кто-то занят, кого-то вызвали в горздрав, у третьего в кармане бюллетень. Ясно как день: все боятся гнева Камизовой. Она сказала, что больная умирает – значит, так тому и быть.

– Да и у меня есть серьезная причина, – я открыла сумочку и помахала билетом. – Вечерний рейс. Как вы понимаете, моя поездка летит к черту.

У Латифы только на меня нет управы. Если что, у меня есть работа на кафедре, я привожу сюда на практику своих студентов. Все прочие у нее в кулаке. Пусть кто попробует пикнуть – наказание последует незамедлительно. Впрочем, она и на меня может наехать, при всей моей независимости.

Наши с Латифой отношения испортились давно, сразу после защиты моей диссертации. А началось все, в сущности, с пустяка. В начало работы я вынесла эпиграф: «Женщина – основа государства, если женщина благополучна – благополучно и государство, если женщина в упадке – в упадке и государство». Автора не указала. Увидела Латифу – и удивилась: откуда цитата? Я не смогла отказать себе в удовольствии поизмываться над ней: догадайся, мол, сама, – может, из Энгельса, а может, Тагора? А потом объявила: «Это слова пророка Мухаммеда». Что тут с ней было! По всем кабинетам прошлась, от рядовых сотрудников до высоких чиновников, и настучала, что я диссертацию предварилась словами из священного писания. Факт обращения к религиозному источнику заинтересовал всех больше, чем сама диссертация. Впрочем, был в этом и свой позитив: при более детальном изучении в моей работе можно было найти некоторые недочеты, но обсуждение, благодаря пикантности эпиграфа, получилось поверхностным, а я просто убрала злополучный эпиграф – и защита состоялась в срок. С тех пор мы с Латифой не ладим, она буквально ходит за мной по пятам, выискивая, к чему бы придраться, а уж если сильно повезет и на меня кто-то пожалуется – она тут же создает комиссию, все мои дела потрошат, вплоть до моих назначений и лекарственных остатков... Мое счастье, если эта операция пройдет успешно. В случае неудачи моя «подруга» взметет пыль до небес: создаст, по обыкновению, комиссию, назначит вскрытие и сама же возглавит следствие, да еще подключит кое-каких влиятельных друзей мужского пола, у которых голова кружится от запаха духов Латифы... Нет, не о том я должна сейчас думать.

Вошла анестезиолог.

– Если так надо, Дафарадж Шагировна, я готова дать больной наркоз.

Врачи изумленно переглянулись. Я же почувствовала удивительную легкость и решительность:

– Спасибо, Варя, я в тебе не сомневалась... А вы, коллеги, несколько меня не удивили. Иного я и не ожидала. Вы так запуганы, будто жизни

ваши в руках у Латифы. Просто хотелось услышать, какие отговорки у вас будут на сей раз. Что ж, не впервые вы меня оставляете один на один с проблемами. Легче всего дать больному таблетку, правда? Таблеточка круглая, как колесико, садись верхом и катись с горки. А Латифа – та даже в гору может въехать на таблетке... Ассистировать будет лечащий врач, остальные свободны.

Я думала, после таких слов все разбегутся. Но они так и остались стоять, как вкопанные. Может, хотят выждать и посмотреть, как я переменюсь в лице, когда на моем столе станет умирать пациентка?

Мы с анестезиологом удалились в операционную и стали обсуждать предстоящую операцию. Анна Павловна приготовила все требуемое, мы уже собирались сделать заключительный анализ и приниматься за дело, как в глубине коридора возник невнятный гвалт и, нарастая, покатился в сторону операционной. Что бы это могло быть? Различаю гневный голос санитарки Тамары – ее-то всегда слышно, она грубоватая, шумная, но очень добрая. Бедняжка, она сейчас беременна, потому облик ее, и без того не очень женственный, изменился: пробилась усика на губе, и кто-то даже может принять ее за переодетого мужчину.

Тамара с размаху открыла дверь:

– Явились родители! Прямо огонь изрыгают! Где, говорят, наша дочь. Ее, говорю, оперируют, сейчас к ней нельзя, так нет же: мое, говорит, дитя, сейчас же мне ее покажите! И отец что-то бормочет, про исполком там, и всякую чушь.

Тамару обидеть ничего не стоит. Душа у нее за грубой внешностью очень тонкая и деликатная. Однажды прибежала ко мне в слезах: кто-то из особо назойливых посетителей сказал в насмешку: «Такою красавицу только ангел мог обрюхатить». Я долго ее утешала: слово дурака, мол, что собачий брех, пройди мимо и забудь, просто делай свое дело и никого не слушай. И вот теперь опять приходится приводить ее в чувство:

– Ты помнишь, что я тебе говорила?

– Помню.

– Вот и славно. Ты санитарка, не суйся не в свое дело. У кого голова болит, тот находит доктора, поняла?

Тамара кивнула и вышла, ее тяжелые шаги гулко простучали по коридору. Ходит она тоже по-мужски, будто меряет землю шагами. Директор детдома, где она росла, не раз говорила ей: «Ты не мужчина, учись ходить как женщина». Тамара иногда вспоминает эти нравоучения и пытается ступать чинно и мягко, но получается очень смешно, будто у нее множество ног, и она не успевает их переставлять. Нрав у нее при этом золотой, о чем ни попроси – отказа не будет.

Присутствующие переглянулись: ага, началось. Я и сама понимаю, что эта ненужная перепалка сейчас неизбежна, да и надо же у родителей спросить разрешения на операцию.

В сутуловатом мужчине с намокшими усами я узнала отца больной. Он меня, кажется, тоже узнал и посмотрел затравленным взглядом. Жена

его рядом обливается слезами. Варвара Романовна пощупала ее пульс. При этом женщина умудрилась кинуть в карман доктора два золотых кольца, обронив при этом: «Одно – для Дафарадж». Но Варвара Романовна, продолжавшая держать ее за руку, надела кольца на ее толстые, как сосиски, пальцы. Я облегченно вздыхаю и обращаюсь к мужчине:

– Хорошо, что вы пришли. Девочка очень тяжелая. Без операции нельзя, и в то же время операция очень сложная, не знаю, что и сказать...

– Убили, погубили, – мать попыталась встать, снова рухнула на диван и завывала. Варвара Романовна сделала ей успокоительное. Районный глава собрался с духом, скомкал шляпу и кинул ее на столик:

– Да, загубили, а как же иначе, если всю медицину отдали в руки женщинам. А ум у них, как говорится, короче волоса. Творят, что вздумается, а не получится – тут же в кусты, как гайщики... – Он хотел и дальше продолжать свою обвинительную речь, но взглянул на жену и умолк.

Я бы стерпела любую выходку: когда ребенок при смерти, и не такое с языка сорвется. Но при чем тут женщины? Да и вообще, я не забыла, как он меня унизил из-за какого-то телефона:

– А в чем дело, уважаемый, чем это женщины глупее мужчин? Где мы, по-вашему, были, в каком уголке сидели, когда бог ум раздавал? Где же ваши трибунные речи о равенстве мужчины и женщины? Быстро же вы меняете политику. Так вот, ни в каком деле мы вам не уступаем, разве что в крепких выражениях слабее. Запомните это, и передайте своим гайщикам. – Мне стало смешно, потому что я слышала, что высокопоставленные охотники любят брать его с собой на охоту – на удачу именно в качестве гайщика.

Он оторопел от моей смелости, а может, понял, что здесь не место размахивать кулаками, особенно в присутствии той, в чьих руках жизнь твоей дочери:

– Не сердитесь, я не вас имел в виду...

Еще больше перепугались врачи:

– Дафарадж Шагировна, успокойтесь, вам на операцию...

– Значит, и я не про вас говорила.

Я направилась в операционную, однако на полпути меня перехватила Пижина Бореева. Как не вовремя! Лицо, как тыква, бордовые всклокоченные волосы, бегающие глаза навывкате – ее взгляд никогда не поймает. Она схватила меня за руку и потащила к кушетке пытаясь усадить силком.

– Что ты в меня вцепилась, как клещ? Отпусти, я на операцию спешу.

– Что? На операцию? Да она умрет у тебя на столе, не видишь разве? Ты что, слепая? Анализы ее видела? К чему брать на себя чужой грех? Я своими ушами слышала, как Латифа сказала...

Меня совсем не интересовало мнение Латифы:

– Значит, надо отойти в сторонку и дать ей умереть?

– Если она выживет, погибну я, – говорит она вдруг и трагически вытягивает шею. Я смотрю на нее и не могу понять, какая связь между

ней и больной. Она тоже гинеколог, но отношения к этой пациентке, насколько я знаю, не имеет... Но выяснять нет времени, да и желания тоже, я отпихиваю ее и скрываюсь за дверью операционной. За мной тут же захлопнули дверь перед носом Пижины. Гляжу – Анна Павловна на страже:

– Откуда она взялась? Бессовестная, хватило же наглости явиться сюда!

– Не понимаю.

– Это же на ее сынке вина.

– Вот оно что!

– А ты думала, отчего его матушке нейдет?

– Все, хватит об этом. Нельзя в растрепанных чувствах приступать к операции.

Пижину Борееву я знаю не один год, она прославилась многочисленными криминальными абортами, многие из них сошли ей с рук, за многие она несла наказание. Но особенно громко ее имя зазвучало, когда умерла ее одинокая тетушка. Пижина заявила в дом покойной с гробом, сама же уложила тетушку в гроб и украсила его бумажными цветами. Люди тут же начали расходиться, и даже старики не остались хоронить бедняжку. Пижина испугалась, что останется совсем одна с покойницей на руках, обежала соседей, но никто не захотел прийти. Тогда она нашла кучку алкашей, которые согласились схоронить усопшую за деньги, выпивку и закуску. Кстати, выходка ее никого не удивила: все, что касается этикета и совести, она оставила в стенах тюрьмы...

Теперь эта бессовестная сидит и молится о смерти для своей жертвы. Думает, если она умрет во время операции, вся вина падет на нас, а истинный виновник останется в стороне.

Операция началась. Врачи выстроились вокруг нас. Слышны только короткие приказы анестезиолога: «Дыши, милая. Глубокий вдох. Еще вдох». Я жду, держа наготове скальпель. Гляжу на юное обнаженное тело. До чего же красива. Ослепительно белая кожа без единого изъяна, плавный изгиб бедра, крепкая девичья грудь. У кого-то же хватило совести надругаться над этой красотой. А мне еще предстоит вторгнуться в это совершенство с ножом...

Привычным движением делаю надрез и чувствую, как беззвучно охают врачи за моей спиной – вроде люди опытные, а нет же, невозможно к этому привыкнуть. Я уже не вижу и не слышу ничего, кроме этого беззащитного существа, чья душа сейчас свила гнездышко в моей ладони, и я стараюсь смягчить свои движения, чтобы не спугнуть ее. Мои ассистенты понимают меня без слов. Кажется, даже огонь не смог бы отвлечь меня от моего дела.

До начала операции я боялась, что мне может не хватить медсестер, но присутствующие врачи выказывают готовность помочь, вот понадобилось укол сделать больной – сразу две вызвались. Выходит, не окончательно их задавила Камизова.

Операция завершена. Мы хорошо к ней подготовились и сработали, как слаженный квартет. Ребенок был мертв уже не первый день, к тому же налицо были внутриутробные отклонения. Позже мы узнали, что во время операции было много звонков: справлялись о больной.

Можно утверждать, что девушка спасена, но расслабляться рано. Требуется многократное переливание крови. О моей поездке не может быть и речи, и я сдаю билет завхозу. С этой минуты мы с Анной Павловой не отходим от больной ни на минуту...

На исходе третьего дня наша подопечная приоткрыла глаза, посмотрела на меня и слабо улыбнулась. От радости слезы выступили на моих глазах. Пододвинула табуретку поближе и присела, коснулась ладонью покрытого испариной чистого лба. Девушка прошептала что-то, и я по губам прочитала одно слово:

– Мама...

Она еще очень слаба после наркоза, и видно, приняла меня за свою мать. А может, поняла, что именно я спасла ее от смерти?

– Что, моя девочка? Тебе лучше? – сказала я и не узнала свой голос. – Все позади, операция прошла успешно.

Она не ответила, снова закрыла глаза. Потом опять попыталась заговорить:

– Я... здесь еще?

Я заторопилась и заговорила без остановки:

– Ну, конечно же, ты здесь, ты жива. Знаешь, как обрадуется твоя мама! А отец! Ты умничка, ты мне очень помогла, не испугалась, не отступила... «Как будто у бедняжки был выбор», – подумала я.

Салима – так звали нашу больную – лежала в боксе, это было удобнее и для нее, и для меня. Нужно было пока запретить посещения, а в общей палате это стало бы невозможным. Нельзя забывать и о криминальной стороне: недаром же поговаривали о подсудном деле. Мне успели донести, будто злые языки объясняют мое рвение страхом перед наказанием. Но я так и не могла понять, за что меня наказывать. Пижина якобы пытается раздобыть некую записку, подписанную мной, и терроризирует Тамару, она упирается, не желая навредить мне. А та все давит на бедную женщину:

– Да ты на себя посмотри, тебе рожать со дня на день. И куда ты пойдешь с дитем на руках? Думаешь, тебе позволят остаться при больнице, на этих нищенских харчах? И Дафарадж тебе не поможет, она сама на волоске висит. От тебя требуется лишь клочок бумаги, а там увидишь, что я смогу для тебя сделать.

– Эти нищенские харчи я зарабатываю своим трудом. А про записку я спрошу у самой Дафарадж...

Пижина оборвала Тамару:

– Только попробуй! Душу выну, если пикнешь!..

Самое время рассказать историю жизни Тамары, хотя бы частичку ее, потому что всего за раз не перескажешь. Тому, что беременная женщина работает в больнице санитаркой, есть свои причины. Она появилась в отделении и, по обыкновению всех ее подруг по несчастью, бросилась мне в ноги со слезами, грозя самоубийством, если я тут же не сделаю ей аборт. Я усадила ее на кушетку, поговорила с ней и убедила рожать. Она оказалась к тому времени в тяжелой жизненной ситуации, осталась практически без пристанища, и я предложила ей остаться в отделении санитаркой. Вот и работает, на совесть работает. Скоро ей рожать, а там время покажет.

Пижина не оставляла своих попыток:

– Глупая, что тебе стоит? Никуда эта записка не делась, где-нибудь в вещах Салимы. Поищи в палате, в тумбочке!

Та снова увернулась. Тем временем мне сообщили, что меня обыскала Камизова. Я вышла и столкнулась у дверей с Тамарой.

– Иди к Салиме и никого к ней не пускай, – приказала я.

– К ней Пижина рвется, – робко сказала Тамара.

– Вот ей особенно путь в эту палату закрыт! Ты разве не поняла до сих пор?

– Еще как поняла!

– Вот и сторожи.

Я заторопилась к заведующей, думая, что ее интересует состояние моей больной. Но не тут-то было! Суровая, преисполненная собственной значительности, Латифа восседала за огромным столом с кипой бумаг, держа руку на телефоне. В кабинете нельзя было вдохнуть от сладкого запаха духов. Не предлагая сесть, она двумя пальцами протянула мне клочок бумаги:

– Это что такое?

Читаю – и ничего не понимаю. Безграмотный текст ужасным почерком: «Катуша, очень прошу сделат то что просит Лидочка Батракова. Дафарадж».

– Какая Лидочка Батракова? – опешила я.

– Тебе лучше знать. Я тут задаю вопросы.

Я невольно улыбнулась. Какая дешевка!

– Подписано тобой.

– Мной? Это похоже на мой почерк?

Латифа вспыхнула и заерзала всем своим тучным телом так, что под ней закрипел массивный стул. Еще бы, совсем себя распустила, ест без передышки. Многочисленные кольца едва налезают на толстые пальцы, жирные лодыжки наплывают на края туфель...

– А это что? – она постучала крашеным ногтем по слову «Дафарадж». Ошибки в корявом тексте ее нисколько не смущали.

Мне стало не по себе. Лишь теперь до меня дошло, что имею дело с пресловутой «запиской». И как я сразу не догадалась? Я взглянула на эту женщину, возомнившую себя прокурором – и меня разобрал смех:

– Послушай, кому, как не тебе, знать мой почерк? Не тебе ли я давала прочитать в рукописи мою диссертацию? Ту, которую ты окрестила «болтотерапией»?

О диссертации лучше было не вспоминать. Лицо Камизовой побагровело так, что не спасал и толстый слой тонального крема. Увы, подумала я, все мы бессильны перед старением, с годами косметика не просто перестает красить, а даже подчеркивает досадные перемены. А ведь Латифа была просто красоткой. Потому получала хорошие должности без выслуги лет, правда, скоро ее покровители пожалели о своей горячности, так много глупостей наделала их подопечная. А потом открылись некие пикантные подробности о ее романтических отношениях с вышестоящими товарищами. Муж, ясное дело, пригрозил разводом. Но ему объяснили, что молчание – золото. Ему ничего не оставалось делать, как завести собственный роман с официанточкой из ресторана с красноречивым названием «Вдали от жен». Официантки там были все, как на подбор, красавицы, и толстосумы, попадавшие туда хоть раз, непременно возвращались снова, и всякий раз немалые средства из их карманов перекачывали в карманы оборотистых официанток. Что интересно, внешне все выглядело вполне благопристойно: никого внаглую не обсчитывали, а результат всегда был один и тот же. Директор ресторана, Раиса Муратовна, была крутого нрава и не потерпела бы явных нарушений, тем более что у нее были свои источники дохода. Хитростями этого бизнеса она владела виртуозно. Например, фургон мяса мог иметь большие расхождения в весе на момент загрузки и момент разгрузки, или после оттаивания мерзлого мяса. Закупки она любила делать где-нибудь на отгонных пастбищах, где можно было пожить любой живностью за полцены. Латифе далеко до размаха Раисы Муратовны, но корчит из себя крутую начальницу.

Я окончательно успокоилась: из-за какой еще чепухи я должна тревожиться?

– Почерк меняют, когда пишут анонимки, я понимаю. Но кто же подписывается своим именем. Может, еще одна Дафарадж объявилась?

– Нет, ни у кого больше нет такого имени, мы узнавали. Признайся лучше.

– В чем?!

– Не хочешь признаваться – катись отсюда!

Я резко развернулась к двери, но остановилась:

– И ты даже не спросишь о состоянии Салимы? Ты ведь клялась, что она умрет у меня на столе.

– Ты имеешь в виду Лиду Батракову?

– Какую Батракову Лиду? – От неожиданности я так и села. Лишь теперь до меня дошла суть этой дурацкой записки. А ведь могла догадаться. Я вспомнила слова Анны Павловны об участии Пижины и ее сына в этой истории. Вот почему она ищет некую записку – ведь это ее рук дело! Она хочет спрятать концы в воду. Врач-ремесленник, к которому Салима поехала по наущению Пижины, ни за что не признается, что сделал неудачный аборт. Бедная девушка взяла трехдневный отпуск, чтобы разобраться со своей бедой, но ни один гинеколог не согласился ей помочь. Тогда Ботях – отпрыск Пижины – позвонил своей матери. Та посоветовала нацарапать какую-нибудь записку, якобы от меня, и направила в районную больницу. Главный гинеколог от больной отказалась, а вот записку приберегла – на всякий случай. Ботях же второпях нашел и уговорил какого-то неуча... Девушка едва не истекла кровью. Испуганный врач потребовал немедленно забрать от него больную, по первому требованию вернул деньги, да еще приплатил, лишь бы его не выдали. Одним словом, истерзанную девушку виновник ее несчастья привез домой в беспамятстве, положил на крыльцо, постучал в дверь и скрылся. Открывшая дверь мать ужаснулась, она решила, что на дочь напали. С трудом затащила ее в дом и уложила, потом схватилась за телефон – вызвать милицию. Салима запротестовала и даже поднялась из последних сил. Ей легче было умереть, чем признаться.

– Но что с тобой, моя девочка, скажи своей маме. Я все сделаю, что ты захочешь, – умоляла мать, но Салима хотела одного – чтоб ее оставили в покое.

– Ничего, мама, полежу – полегчает. Простыла, наверно. – Держась за стенку, она ушла в свою комнату и закрылась на ключ.

Всю ночь она металась от боли и жара. Мать не сомкнула глаз, однако отцу, вернувшемуся за полночь, ничего не сказала. Утром, проводив его на работу, она все-таки побежала за врачом. Тот осмотрел больную вполглаза, пробурчал кое-какие незначительные рекомендации – и был таков. Так и упустили драгоценное время. Мать не везла дочь в больницу, боясь гнева отца – она начала догадываться об истинной причине ее болезни. И лишь когда дочь впала в бредовое состояние, вызвали «скорую». Анна Павловна сразу поставила диагноз и начала лечение, но оно результатов не дало. Это был день моего несостоявшегося отъезда в город мечты. И в тот же день врач районной больницы переслала Камизовой злополучную записку – вдруг пригодится.

Моей подопечной чуть полегчало, и я могу теперь хоть изредка уходить домой, на свою городскую квартиру. По правде, я ее и домом-то не считаю, предпочитаю жить в своем сельском доме, но сейчас мне нельзя далеко отлучаться.

Вижу легкую улыбку Салимы при моем появлении – и на душе светлеет. Пододвигаю табуретку поближе, кладу ей на лоб прохладную ладонь:

– Ну, как ты, моя девочка?

Она улыбается в ответ одними глазами, шевелит губами, но она еще слишком слаба, чтобы разговаривать. Выпростала из-под одеяла руку и взяла мою руку, прижала ее к груди, как куклу. Я понимаю ее молчаливый жест любви и благодарности, и ком подступает к горлу.

– Да-фа-раджд... – произносит она едва слышно.

– Что, милая? Ты и имя мое узнала?

– Никогда... не слышала...

– Да, имя редкое. Хотя раньше им, наверно, многих называли. Так звали мою прабабушку. – Я говорю сейчас без остановки, ведь ей самой лучше молчать, а общение необходимо. – О, у меня была удивительная прабабушка. Как овдовела, взяла на себя все – и сено косила с мужчинами наравне, и землю пахала. И еще она была целительницей. Когда в гареме турецкого султана вспыхнула чума, он прислал за ней корабль, пообещал все сокровища Стамбула, если она спасет его красавиц.

– Спасла?..

– Да, загрузила судно целебными травами и отплыла в Турцию.

– Вы... расскажете мне?

– Хочешь послушать? Ладно, расскажу, вот придешь в себя немного – тогда и расскажу.

Я невольно перешла к древней медицине моего народа, что звалась чопшако. Смысл ее был в том, что больного всеми силами отвлекали от боли. В его комнате собирались друзья, молодежь устраивала шуточные турниры, а то и песни с плясками. Говорят, даже во время родов возле роженицы девушки пели красивые песни. Раненому удаляли стрелу или пулю только под молитвенные песнопения, а для скорейшего заживления раны в комнате подвешивался колокол или иной металлический предмет, в который бил каждый входящий. Фольклор сохранил тексты песнопений при разных болезнях. Например, при оспе распевались слова:

*Незванный явился,
А всего в нем три бусины,
Три бусины, и все врозь, –
По одному брось...*

Мелодическая терапия – так нарекла этот древний метод современная медицина. Конечно, было в обрядах чопшако много и от суеверий, от веры в шайтана и алмасты – снежного человека. Но сейчас-то можно все это привести в систему, очистить от всего излишнего и нецелесообразного и поставить на службу целительству, которое и есть в принципе сама медицина. Особенно актуально было бы применение подобных эмпирических, психотерапевтических методов в послеоперационный период. Не было у адыгов книг, но владели они многими знаниями. Чего стоят

их уникальные методы лечения ран, или профилактики оспы у детей. Метод был прост: здорового ребенка укладывали в постель вместе с заболевшим, в результате ребенок заболевал более легкой формой и приобретал иммунитет на всю жизнь. В наше время в этих же целях применяют сыворотку. В моей диссертации одна глава посвящена народным методам лечения у адыгов, и я могу рассказывать об этом бесконечно.

Взгляд Салимы оживился, в знак того, что она готова слушать меня. Что ж, больница потихоньку утихомиривается, вечерние процедуры подходят к концу, можно посидеть и поговорить. Рассказ мой длинный, но он состоит из разных осколков – чтобы можно было прерваться, а потом продолжить с любого места

– Тебе уже сделали уколы?.. И таблетки выпила? Умница. Тогда слушай.

Прабабушку мою звали удивительным именем Дафарадж. Она рано овдовела, успев родить лишь одного ребенка. После она вышла замуж во второй раз и прожила до ста лет в кругу своих внуков и правнуков. Но обо всем по порядку. Мужа своего она в шутку называла «мой убыхский тыквояд». Надо сказать, это была совершенная напраслина: правая рука князя, он должен был сопровождать его во всех походах, а в редкие свободные дни без передышки работал в своем хозяйстве: прополка посевов, уборка хлеба, сенокос, уход за скотом – все было на нем, и народная острота про ожорство, тем более дармоедство, была явно не про него.

Излюбленным направлением походов было в те времена Междуречье, долина между Псыжем-Кубанью и Индылом-Волгой. Только управятся с осенними работами, засыпят урожай в закрома – тут же несутся горячие головы в сторону Дона и блуждают в степи в поисках добычи и приключений. Многие находили погибель на этих зыбких дорогах, так что зачастую и весточки от них не оставалось. Но князь был в расцвете сил, и никакая опасность не могла бы удержать его в четырех стенах. Едва запахнет осенью – он начинал собираться в поход, словно торопился навстречу злему року. Как водится, спасшегося от чумы унес хумбылей¹. Так случилось и с князем. Выходивший невредимым из многих переделок, нашел он свою смерть в ближнем городе. Хатрамтуг пользовался дурной славой гиблого места, особенно с тех пор, как обосновался в нем турецкий наместник Хасан-паша.

Это был неукротимый и ненасытный воитель. Со своим войском он нападал на непокорные адыгские села и грабил, разорял их дотла.

¹ *Хумбылей* – хмель, по другой версии – название речушки, сильно разливавшейся во время паводков. Смысл поговорки: избежав большой опасности, можно погибнуть от мелочи.

Хасан-паша поставил себе целью усмирить адыгов и установить на их земле свое владычество. Сговорились несколько князей устроить ночной набег на Хатрамтуг. Был с ними и муж Дафарадж. На второй день друзья привезли его домой на черной бурке, под гибзу-плач о погибшем герое... Собрались родные, завернули убитого в белый саван и похоронили. Родственницы и соседки оплакали покойного, а молодая вдова не проронила ни слезинки.

Больше года носила она траур по мужу. Однажды направилась с маленьким сыном к реке замочить коноплю. Раньше она остерегалась ходить одна – ради безопасности и своего доброго имени, но с некоторых пор махнула рукой на все условности. И в этот раз даже не подумала, что за ней могут следить. Один берег Фарса зарос колючим кустарником, а другой затенял густой дубровник, разросшийся за много лет, как настоящий лес. Тхашагидж – так называли люди эту рощу, что означало «Древнее Место Богов». Здесь издревле собирались окрестные жители для молитв и священных ритуалов. Женщины никогда не ходили к реке поодиночке, всегда собирались группой, да еще и охрану с собой брали.

А Дафарадж была отважной. Кто позарится на женщину с ребенком, – так, наверно, она рассуждала. Люди удивлялись смелости молодой вдовы, которая после родов только вступила в пору настоящей женской красоты. А сама же она была убеждена, что охотятся только на девушек и юношей: девушек продают в рабство, юношей насильно забирают служить в войске.

Погрузив охапку конопли в чистую воду и придерживая одной рукой, чтобы течением не снесло, она стала выбирать камни для гнета. Неожиданно и бесшумно появился из зарослей всадник. С деланным равнодушием проезжая мимо женщины, он как бы ненароком обронил плетку. Как полагалось по хабзе, женщина встала и потянулась за плеткой, чтобы подать незнакомцу. Тому только того и надо было: он пригнулся и резким движением схватил ее. Крики и отчаянное сопротивление не возымели действия. Всадник умыкнул женщину. Ребенок испуганно закричал и побежал вслед, но далеко ли он уйдет? Вынырнул из кустов второй всадник и подхватил малыша: «Умолкни, собачий сын, сейчас догонишь свою мать».

Ее засунули в мешок, сунули в рот кляп, и теперь она не могла не то что звать на помощь, но и дышать. Говорили же старшие: остерегайтесь злых людей. Не слушала никого, словно был у нее какой-то могучий заступник. И теперь путь ей в турецкий застенек. Говорят, там тьма таких, как она, и по всей Турции таких домов для пленных, для живого товара, не сосчитать. И никто еще не возвращался из-за этих высоких каменных стен... Охотники за людьми шарят по всей земле, с кандалами и запасными лошадьми наизготовку. Свою добычу они сбывают туркам, а те уже сортируют купленный товар, что ни ночь – груженные пленными суда

отходят от пристани, направляясь к турецкому берегу, а там, в Турции, попробуй найти след – кого кому продали...

Услышав скрежет открываемых ворот, Дафарадж поняла: случилось то, чего она боялась больше всего на свете. Говорила ей мать: женское счастье замешано на слезах...

С нее стянули мешок, вынули кляп изо рта, стало легче дышать. Увидела большой двор, обнесенный каменной стеной, длинные строения, из-за крепких дверей которых раздаются то ли невнятные голоса, то ли плач.

– Вставай! Как говорится, пора ненастья – пора выделки конопли, пора тыквы – пора блаженства для женщин. Так вот, кончилась твоя конопля, но, может быть пришла пора тыквы, – развязно сказал похититель и ткнул ее носком сапога.

– Мой мальчик! Где мой ребенок?! – женщина вскочила на ноги и стала дико озираться по сторонам.

– Найдется, успокойся, – он подтолкнул ее в сторону мрачных строений.

В темном сарае ничего нельзя было разглядеть, но осязалось, что здесь полно людей. Со всех сторон раздавались женские всхлипы и стоны. Несчастные, подумала Дафарадж, всем нам уготована одна судьба: не сегодня так завтра отведут нас в порт, на невольничий рынок...

Вырастив ребенка, адыгская мать говорит ему в напутствие: «Я оградила тебя от огня, я не дала тебе обвариться кипятком». Это означало, что она свой долг исполнила, а дальше человеку надлежит заботиться о себе самому. Но знали ли наши бедные матери, что мы попадем в такую беду, что никакая защита нам не поможет...

Всплыло в сознании давно услышанное слово «сидаси». Созвучно с ласкательным «си таса» – «мой родной». Сидаси так зовут мальчика-подростка лет четырнадцати, шести пядей в росте от щиколоток до края уха. Так измеряли мальчиков на невольничьих дворах. От цены на мальчиков зависят цены на весь другой живой товар. Мужчина после сорока пяти ничего не стоит, его и даром никто не возьмет: затрат на него он отработать не успеет, так считают работоторговцы. На невольничьем рынке обычным считается вопрос: «Интересно, почему сегодня сидаси?» Дрожь прошла по телу Дафарадж. Где ее мальчик?

Дверь в вонючий сарай приоткрылась, и внутрь втокнули плачущего малыша:

– Иди, ищи свою мать!

– Сынок! Тлигур! Иди ко мне, маленький! – Дафарадж прижала мальчика к груди. – Я уж думала, ты потерялся. Не плачь, мой свет. Мы ведь не одни. Здесь много девочек. Ты среди нас единственный мужчина. Вот рассветет – увидишь все сам.

– А когда рассветет? – захныкал малыш.

Откуда же ей знать, когда кончится эта бесконечная ночь? Сколько времени минуло с того часа, как ее запихнули в мешок и застили белый свет? Она молча сглотнула горькие слезы.

Из темноты выступила женская фигура. Глаза начали привыкать к темноте, и Дафарадж разглядела девушку в нарядном платье, с длинной косой. До чего же несуразно смотрелась она в этой грязи и неуютности!

– Бедняжка, проголодался, видно, – произнесла девушка, – бери, маленький, вот чурек, у меня еще яблоко есть, хочешь? – она присела на корточки, и Дафарадж почувствовала запах ее духов. Мальчик перестал плакать и уставился на незнакомку испуганными глазенками.

– Возьми, сынок, не стесняйся, – сказала она, – ты с утра ничего не ел.

Девушка, видно, и сама искала здесь, среди чужих несчастных людей, защиты или хотя бы сочувствия.

– Значит, тебя зовут Тлигур? У меня тоже есть братик, такой же, как ты, третий годик. Увижу ли я его снова?.. – Голос ее дрогнул. – На, малыш, бери чурек. Я едва успела взять его со стола, а съесть не успела... – тут она не выдержала и разрыдалась.

– Как же ты попала? – жалостливо спросила Дафарадж.

– На свадьбе. И зачем я туда поехала? Мать отговаривала, а я просилась...

Услышав плач, дали волю слезам и другие заточенные. Казалось, будто все здесь собрались на похороны.

Во дворе раздались голоса: «Пора отправляться. Скорее накормите ясырей». У Дафарадж волосы стали дыбом. Она слышала это слово всякий раз, когда в родном доме вспоминали двух ее братьев, знакомых ей только по именам. Они пропали еще маленькими. Старшего похитили, как ее сейчас, и теперь он, говорят, находится в Мысыре, служит в армии. Младший попал в турецкую армию. Его увезли после того, как адыгские пленники взбунтовались на увозившем их судне и убили старшего из корабельной команды. Турецкий паша в Хатрамтуге в наказание обложил адыгов данью – по одному юноше от каждого дома. Вот так, ни за что ни про что, попал в число пленных маленький братик Дафарадж. Рассказывали, что у него на поясе висел самодельный деревянный кинжал. Увозивший его варвар расхохотался: «Оставь его дома, тебе там выдадут настоящий».

Женщина, жалуясь на мужа, говорит обычно: «Я для него рожала, детей растила!» Дафарадж всегда поражалась таким словам. Разве она рождает только для него, а не для себя тоже? И сейчас, в этом хлеву, вдруг пришли ей на память эти слова, и пришло прозрение: на самом деле, если рождается сын, он обречен или на службу идти, или же быть подневольным и охранять покой сильных мира сего. И у девочки не более завидная доля – быть проданной в рабство или в лучшем случае в гарем какого-нибудь любвеобильного бея. О Всевышний, в каком уголке ютилась женщина, когда ты раздавал счастье своим земным чадам? Создал ли Ты ее лишь для беспросветного злосчастия?

Мелькнула тень в дверной расщелине, Дафарадж пригляделась и увидела двоих мужчин, они несли плетеный камышовый коврик – ар-

джен, на нем ломти хлеба горкой, в руке у одного – кувшин, у другого – деревянная миска. Распахнулась дверь.

– А ну, саранча, налетай! Ну и темно тут, хоть глаз выколи. Живее, кому сказано! Каждому по куску хлеба, сразу съедаете и запиваете миской кислого молока, миску сразу возвращаете, понятно? Миска одна на всех. Ну, давай, кто первый!

Второго, видно, раздражала такая обходительность:

– Чего расселись, как на похоронах! Торопитесь, говорят вам, как пожрете – сразу в путь. Можно красоту навести, чтобы покупателям понравиться.

Разбойники торопились, но разве ребенок это понимает? Молоко оказалось слишком кислым, он отпил глоток и вернул миску матери. Девочки тоже, раз попробовав, возвращали прокисший айран и давились сухим хлебом. Многим же, несмотря на голод, и вовсе кусок не лез в горло. У них не оставалось сомнений в том, какая судьба им уготована. Значит, надо прихорашиваться? и кому же они достанутся? Покупатели ясырей знают толк в торге. Они сначала ощупают девушек, не обращая внимания на их протестующие крики.

Заговорившая с ребенком девушка Гуаша стояла рядом, не в силах взять в рот кусок черствого хлеба. Она старалась держаться рядом с Дафарадж – все же взрослая женщина, какая-никакая, а защита. Маленькому Тлигуру не сиделось на месте. Он ходил по сараю и изучал плачущих незнакомок по углам. Гуаша бежала за ним и возвращала к матери. Отчаянное положение сблизило женщин, они вполголоса рассказывали друг другу о своей жизни.

Несмотря на юность, Гуаша тоже успела хлебнуть лиха. Бывая с родителями на базаре в Хатрамтуге и Хафице, она видела несколько раз, как торговали людьми. Когда в селе исчезал человек, все мужчины седлали коней и скакали в порт Хатрамтуга. Бывало, похищенного находили, но иногда за него требовали непосильный выкуп, и тогда завязывался бой. Бывало и иначе, когда похищенной девушке удавалось сбежать, а затем вместе с возлюбленным скрыться вблизи какого-нибудь русского города или поселения, получить там надел земли и выстроить себе дом. Родители пугали строптивых дочерей: «Хочешь досидеться, пока тебя работорговцы не умыкнут?!» Это обычно действовало, и девушка соглашалась выйти замуж за того, с кем сошелся в цене отец.

Отведя душу, Гуаша немного успокоилась:

– Как бы я хотела, чтобы мы с тобой были вместе.

– Конечно, сестренка, почему нет? – ответила Дафарадж.

– У тебя ребенок на руках. Нас, конечно, погонят пешком, так я тебе помогу.

– Хорошо, милая.

– Тут все в изодранной одежде, одна я вырядилась, так стыдно.

– Ты же не виновата, тебя со свадьбы украли.

– У меня волосы до пят, – сказала Гуаша, приглаживая красиво уложенную косу, и в голосе ее звучала гордость. Не этот ли предмет гордости девушек наматывается потом на мужнину руку, чтобы ловчее было плетью охаживать жену? И зачем женщины любят и холят свои волосы?

Девушек вывели во двор, пересчитали, построили в ряд. Красивые и видные – впереди, невзрачные – в конце. Потом тщательно сплели их за косы, чтобы послушно шли друг за дружкой. А то, неровен час, улизнет какая-нибудь в кусты, ищи потом в темноте. Вот открыли ворота, двое верховых высунулись на улицу, осмотрелись, а там и всю колонну пустили. Руководил шествием главный из разбойников по имени Кареж.

В порту Хатрамтуга дожидается их перекупщик. Этот проклятый турок видал виды, придирчив и вреден, едва заметит какой изъян – тут же пытается выбраковать товар и сбить цену. Но и Кареж не так прост, всякий раз при споре хватается за кинжал, готовый выпустить кишки любому, кто вступит с ним в спор. Всю эту партию подручные наворовали по его, Карежа, заданию. Все, как одна, красавицы. Но идут слишком медленно, приводя неистового Карежа в бешенство.

Дафарадж несет сына на руках. Выпускать нельзя, а то убежит куда-нибудь, а поймать его мать не сможет, она на привязи. Вот и тащит рослого мальчика из последних сил. Время от времени его забирает идущая следом Гуаша, давая Дафарадж передышку. Кареж зорко стережет свою добычу, озирается по сторонам, как бы кто не напал и не отбил девушек. Иногда в темноте кто-то спотыкается и падает, колонна останавливается. Кареж снова злится.

Преодолели седловину холма, дорога пошла на спуск, а тут еще и луна выглянула, освещая путь. Завиднелось вдали море, отсвечивая темным свинцом. Идти стало чуть легче. Девушки замолкли, думая каждая о своем: кто о матери с отцом, кто о родном доме, кто о сердечной тайне, с которой теперь надо прощаться навек...

Кареж дал команду остановиться.

– Поезжайте вперед и осмотритесь, все углы обшарьте. Тут место плохое, пристанище гяуров.

Опасения эти не напрасны. Среди торговцев людьми водилось отбивать друг у друга добычу. Нападут вот так среди ночи, отнимут нажитое тяжким трудом, самого же добытчика ясырей оставят посреди дороги связанным. Сам Кареж не раз такое проделывал.

Перевалило за полночь, когда стал виден порт и пузатое суденышко у пристани. Идущих, видно, заметили, и на пристани стало оживленнее, засновали черные тени.

Впереди встречавших был толстый турок, феска на его голове сидела, как наперсток на пухлом пальце, белый широкий пояс трижды опоясывал его необъятный живот. Они стали разговаривать с Карежем, девушки в ужасе подняли плач. Кареж, однако, прикрикнул на них, и

они испуганно умолкли. Прибой набегал на прибрежную гальку и с шорохом отступал назад.

Девушкам расплели косы, и, начиная с конца ряда, пузатый турок осмотрел и ощупал каждую. Торговцы услужливо держали фонари, а он задирали им рубахи, заглядывал в лицо, они трепыхались от его гадких прикосновений, но он не обращал внимания – не впервой. Осмотренную брали за руку и тащили к судну.

Накануне замужества Дафарадж привозили на этот рынок, чтобы купить наряды. Тогда она видела, как продают женщин с детьми. Ее потрясла эта картина, но могла ли она предположить, что ее ждет та же участь... Чем только не торговали на том базаре: атласными платками, бархатом и ситцем, шелковыми нитками, ружьями, порохом и чем угодно еще. Справлялись о цене и в ответ слышали: «две головы, три головы», «одна голова мужского пола и три сидаси». Продать девушку на выданье за пятнадцать туманов считалось большой удачей.

Карез и брюхастый турок из Хатрамтуга спорят, ссорятся, видно, не могут сойтись в цене. Оказалось, турка возмутило то, что вместе с юными девицами привели и женщину с ребенком. Они несколько раз подходили к Дафарадж, смотрели, отходили и снова спорили, один раз вырвали из ее рук ребенка. Она смертельно испугалась, что ее малыша бросят в воду. Но она ошиблась. Карез пытался сбить ее по цене девушки, а ее малыша продать за один туман.

Они все спорят, срываясь на крик. Турецкий язык у Кареза неважный, и изъясняются они на смеси турецкого, адыгского, да еще языка жестов.

– Объясните этому пузану, – кричит Карез во всеуслышание, обращаясь к тем, кто в турецком посильнее его, – будь он трижды паша, но по пятнадцать туманов за каждую я с него получу, или пропади он пропадом. Отведу ясырей в Арзрум и продам еще дороже. Чего он хочет? Девушки все красавицы, как на подбор, все рукодельницы, каждая может седельную подушку вышить.

Пузатый турок не сдаётся:

– Мне это не нужно, я на коня не сажусь, мне бы на телегу взобраться. Что мне с ваших седельных подушек?

– Конечно, турки седлают только ослов. Лучше поглядывай в сторону ворот. Вдруг нагрянут, увидят эту ораву – и тебе несдобровать.

Карез знает: если донесут русским о проделках хатрамтугского паша – мало никому не покажется, полетит голова самого паша, заодно загребут и его со всей бандой, отберут всех украденных девушек. И все же пытается взять проклятого турка на испуг. Но и тот не отступает: стоит ему сообщить родителям этих красоток – они нагрянут черной тучей и разорвут воров в клочья. Однако такой исход невыгоден обоим.

– Что ж, если не договоримся, впредь не приведу ему ни одной живой души, – продолжает давить Карез, выразительно держа руку на рукояти кинжала. – И девочки никуда не денутся, просто разойдутся по домам.

Турок распаляется еще больше:

– А ты не забыл, откуда у тебя этот товар? Может, это твои крепостные? Или ты их в бою добыл? Нет же, ты их украл! Что торговец украденным, что покупатель – оба заодно, обоим виселица светит, понял?!

Девочка считается товаром после десяти лет, потом за каждый год добавляется по одному туману, так что за шестнадцатилетнюю дают обычно шестнадцать туманов. Это если торгуют своими людьми. За украденных цену назначают по договоренности. Если девушка очень красива, за нее могут дать и пятьсот рублей. Но как тут, при свете подслеповатой лампы, определишь, где красавица, а где уродина, где юное создание, а где зрелая женщина?

Пока они спорили, что-то произошло в стане пленных, раздались крики. Оказалось, Гуаша исхитрилась и выхватила кривой ятаган из-за пояса одного из караульных. Тот обмер от страха.

– Что ты собираешься делать? – в ужасе спросила Дафарадж. – Ты нас погубишь.

– Не шути с оружием, чумная! – один из охранников оказался смелее и придвинулся ближе, собираясь отобрать у нее опасную игрушку.

Девушка подняла ятаган и... рывком отсекла свою длинную косу.

– Забирай кинжал, можешь отдать его хозяину, – сказала она охраннику. – Только исполни мою просьбу.

– Какую?

– Видишь, я отрезала себе косу.

– И очень глупо сделала.

– Возьми ее. Будешь ехать через нашу буковую рощу, где меня похитили – повесь мои волосы на какой-нибудь ветке. Пусть хоть малая часть меня останется в родных местах. Может, птицы выстелют моими волосами свои гнезда, чтобы птенцам теплее было...

С этими словами она протянула ему свою косу и ятаган. Она прощалась с девичьей мечтой – обрести счастье с любимым, юношей из простого рода, но благородным, построить вместе с ним большую семью. Истаяла ее мечта, как голоса птиц за облаками.

– И всего-то? Я думал, много попросит, – только и сказал караульный.

Всего минуту кинжал был в руках у Гуаши, но как взбудоражил всех, напугал даже мужчин. Не оттого ли мужчины возомнили себя властителями женских душ, что носят при себе оружие? И чья на то воля была? Бога? Чем же провинились перед Ним эти трепещущие в ожидании печальной участи бедняжки? Но доля мужчин ничуть не завиднее: не проходит и дня, чтобы в аул не привозили несколько трупов.

Караульный все вертел в руке косу.

– Девушки с длинными волосами в большей цене в Стамбуле, – сказал он. – Напрасно ты отрезала, девушка.

Но она, похоже, нисколько не сожалела об утрате.

Карезж с турком, наконец, договорились, и пленных спешно стали грузить на судно. Дафарадж тронула оцепеневшую Гуашу за плечо, и они поднялись по трапу. Девушка в последний раз глянула на берег и крикнула:

– На самое высокое дерево повесь, слышишь? – и исчезла в утробе невольничьего судна, словно ее проглотил дракон.

В трюме нестерпимо пахло стеарином, видно, среди привезенных товаров были свечи. Тьма стояла кромешная. Гуаша нашарила ногой свободное местечко у выхода и села. Кто-то командным голосом сообщал, что им надлежит сперва направиться в Сухум. Слышалась недовольная брань Карезжа – то ли в деньгах запутался, то ли еще что-то. Девушки все заходили и заходили в тесный трюм, и вскоре он стал напоминать корзину с цыплятами.

Дафарадж тоже нашла место и присела с ребенком на руках. Знали бы мои родные, что со мной приключилось, они бы есть-спать не стали, а меня бы выручили, подумала она. Только кто же им сообщит? Убыхи все время в море. Если бы им только попало на глаза это ветхое судно, только бы они узнали, что мы здесь, они бы его не упустили. Или, на худой конец, встретить бы береговую охрану русских, тогда бы проклятые турки получили по заслугам.

Ей вспоминались леденящие душу истории про такие невольничьи суда, в которые набивали народу вдвое больше допустимого. Запасов воды на всю дорогу не хватало, и в пути невольники варили хантхупс на морской воде, пили морскую же воду и потом маялись животами, многие умирали и становились кормом для рыб. Рассказывали про женщину, у которой в пути умер младенец, так она, чтобы не выдать себя, прижимала к себе бездыханное тельце и все напевала колыбельную. Но через день-другой пошел трупный запах, уловку несчастной раскусили. Она боролась изо всех сил, но мертвого ребенка вырвали из ее рук и бросили в море.

Сколько же их, этих историй. Вспомнить хоть про знаменитого капитана пиратов, убыха Али-бея. Говорят, он выходил в море лишь в шторма, когда другие корабли бросали якоря в безопасных бухтах. Тогда наступал час Али-бея. Его легкое, быстроходное судно, сделанное из березовой древесины и обтянутое кожей диких кабанов, не боялось высокой волны и вмещало до четырехсот человек. Он дерзко перехватывал и грабил застигнутые штормом корабли, людей брал в плен, имущество забирал себе, а судно пускал на дно, так что и следов его никто не видал. Про Али-бея сочиняли песни, и были там такие слова: «Руку поднимет – море затихнет, а как умолкнет – тучи вещают...» Определяя свой путь по звездам, он безошибочно приставал к любому берегу, и слава о нем ходила по всем портам в Турции, Сирии, Египте. За морем он торговал седлами, знаменитыми адыгскими кольчугами афа, камышовыми ковриками-ардженами, медом. А к своему берегу привозил иной товар – оружие, порох, ткани, шелковые и золотые нитки для непревзойденных мастериц, и много еще всякой всячины. В родном порту

легкое судно без труда выволакивалось на берег, сушилось и очищалось от морских наростов.

Утомленный тяжелым днем, безмятежно спал на руках у матери маленький Тлигур. Работали гребцы без усталости, и сидящим внутри было слышно их бесконечное «й-их – а-ах, й-их – а-ах». Чем усерднее они гребли, тем дальше и зыбче становились очертания берега, оседали подпиравшие небосвод горы. Караульные беспокойно бегали взад-вперед, их топот и гортанные перебранки пугали девушек, и без того сжавшихся в один общий затравленный комок.

Дафарадж знала по рассказам, что до Стамбула плыть неделю. Отправляясь за море, ее земляки собирали в дорогу пропитание: на каждого – головка сыра, сапетка проса, один, а то и два вяленых бараньих бока, фандыра¹ воды. Правда, весь этот провиант мог не пригодиться. Суда часто попадали в шторм, их выкидывало волной на прибрежные скалы, как это было с печально известным кораблем «Нусреддин-Бахры».

Дафарадж с тоской вспомнила родное село, соседей, веселую прозрачную реку. Ее охапку конопли, наверно, водой унесло. Да пропади она пропадом, эта конопля, из-за нее она попала в лапы разбойников. Неугомонная же. Ее отец часто говаривал: верхом на ветру бодает волну. Она вздрогнула от неожиданной мысли. Не в такой ли день надо седлать ветер и грести против волны? Огляделась вокруг. Караульные дремали. Она встала и сказала вполголоса:

– Слушайте меня. Да перестаньте хныкать, послушайте! – она настороженно огляделась – не подслушивает ли кто. – Знаете, что сегодня за день? День благословенного Или. Это значит, в этот день Бог поможет в любом начинании. Гляньте в окно. Хатрамтуг уже не виден. Пока не поздно, надо седлать ветер и бодать волну. Кто со мной?

– А как это... бодать волну?

– Узнаешь. Только слушайте меня.

– Говори, я с тобой.

– И я, и я...

– Лучше утонуть, чем принять уготованную нам судьбу, – сказала Гуаша. А Дафарадж только того и надо. Она перешла на шепот:

– Я разыграю припадок, прикинусь чумной и буду кататься по полу. Я видела, как умирали в нашем селе заболевшие чумой, знаю, как это бывает. Вы начинаете громко подвывать и зовете охранника. Как прибежит – начинаете кричать: «Там, у двери чумная, уберите ее!»

– Да ты что, – испугалась Гуаша, – думаешь, тебе лекаря позовут? Возьмут и выкинут в воду!

– А мне этого и надо.

– А ребенок?

¹ Фандыра – бочка.

– Потом и нас всех вслед за тобой отправят! Ты не знаешь, как с чумными поступают? Истребляют целыми семьями, со всем имуществом в придачу!

– Успокойтесь, тогда им придется утопить и турка, который меня ощупывал. Пусть бросают в воду. Я привяжу ребенка к спине, если смогу выплыть – выплыву, а нет... Давайте, поднимайте крик, а как придет караульный, я тут настороже сижу, у выхода, брошусь ему в ноги и свалю, а вы навалитесь и свяжете его, рот заткнете чулком или тряпкой какой-нибудь, потом бросайтесь в воду. Берег еще недалеко.

– А караульного куда? – робко спросила одна из девушек.

– Куда, куда, вместо нас пусть остается.

– А я плавать не умею, – раздался жалобный голос.

– И я не умею, – отозвались другие.

– Я и море-то впервые увидела...

– А если они лекаря приведут, что тогда? – снова спросила Гуаша.

– Откуда? Они до нас свечи перевозили, для чего им лекарь?.. Ладно, кто не умеет плавать – оставайтесь, такова, значит, воля Бога. Остальные прыгаете за мной.

– Уж лучше утонуть...

Дафарадж забила на полу в припадке. Остальные подняли плач и крик, да так правдоподобно, словно сами поверили этой сказке. От шума проснулся ребенок и заплакал. «Больная» корчится в рвотных позывах, бьется в судорогах, бормочет что-то бредовое. Распахнулась дверь, и появился напуганный турок:

– Что случилось? А ну, умолкните!

Но девушки воют и причитают еще громче:

– Чума! У нее чума!

– Ч-чума?! У кого?!

Караульный в ужасе попятился, но тут Гуаша схватила его за рукав и втащила в помещение, а Дафарадж ловко обвила его за ноги, караульный рухнул на пол, тут навалились остальные девушки. За минуту дело было сделано. Теперь все бежали к корме вслед за Дафарадж. Но подоспели гребцы. Могучими измозоленными руками они охапками заталкивали девушек обратно в трюм. Дафарадж вырвалась и перемахнула за борт. Ребенок был крепко привязан к спине. Будь что будет. Его бы все равно утопили...

Перевод с кабардинского языка Ларисы Маремкуловой

Ирина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ,
зав. сектором естественной
истории ГКУК «НМ КБР»

ПИСЬМА С ВОЙНЫ...

*(к 110-летию со дня рождения Бориса Орлова, первооткрывателя
вольфрамомолибденового месторождения)*

Вот уже 73 весны прошло с тех памятных событий победоносного и незабываемого мая 1945 года! Срок немалый, и, тем не менее, в архивных документах периода войны, в том числе и письмах, мы находим все новые и новые факты из жизни незнакомых или уже известных нам людей. Вот один из них – Борис Орлов. Его знают в нашей республике как первооткрывателя вольфрамомолибденового месторождения. Заслуга которого не в том, что его отрядом (а именно Верой Флеровой) найдены в балке два кварцевых обломка с молибденитом – его находили и предыдущие геологи, а в правильном определении, что молибден – один из главнейших металлов исследуемого района (одновременно искали и олово, и сурьму).

Борис Орлов

У него были все основания остаться в тылу, но этот вариант он даже не рассматривал. Военно-патриотическое воспитание, полученное за годы учебы, сформировали в его сознании основные позиции настоящего гражданина своей страны, отступить от которых он не мог не при каких обстоятельствах, да и что такое служба в армии, он знал не понаслышке. В начале 1932 года он был призван в ряды Красной Армии рядовым. Это была одна из авиачастей, расположенная в самой восточной части нашей страны, где он освоил специальность фотограмметриста.

Как же складывались его уже фронтовые будни, раскрыем на цитатах из писем, адресованных родителям В. Флеровой.

«Жизнь военного, особенно того, кто органически не переваривает систему военного образа жизни, не представляет интереса, но в дни войны – в дни, когда решается судьба России, трудно рассуждать об «интересах». Каждый гражданин по мере своих сил выполняет то, что от него требует Родина». «С 1918 года в России было много сделано, много

было и плохого, но в минуты, когда наша Родина стоит под ударом, все прошлое = 0, важно, только настоящее. В настоящее время я нахожусь в одном из истребительных полков, расположенных на нашей д. в. (дальневосточной. – И. Б.) границе, между г. Спасском и Ворошиловым (бывший Уссурийск). Работаю в разведочном отделе – начальником аэрофотослужбы, работа проста и ее очень мало... Жду, жду и жду, пока японцы нападут, но так как они в настоящее время заняты на юге, у нас спокойно. Нарушений почти нет» (31.01.42 года). «Тяжело быть вдали от родных мест и являться только свидетелем событий, потрясающих мир. Но так надо. В течение этих 2-х лет война здесь могла вспыхнуть каждую минуту. Да и теперь еще нельзя определенно сказать, что здесь ее не будет» (01.08.43 г.). «Служу, веду занятия, выполняю учебные задания, много читаю. Проблема питания у меня, как у всех военных, очень проста: получаю норму, которой вполне достаточно – мясо, белый хлеб и т.п. «Наш сосед» ведет себя спокойно, поэтому мы можем тратить свои силы и время на учебу. Но, откровенно говоря, для меня служба в армии очень тяжела, давая аресты сержантам, я согласился бы лучше сам идти на гауптвахту, но так надо – без дисциплины армии быть не может» (12.08.43 года).

Применять дисциплинарные меры к нерадивым подчиненным Б. Орлову было нелегко и в мирное время. В 1936 году, будучи руководителем рудника, он уволил одного рабочего. Сообщая об этом решении В. Флеровой (своей жене) в письме (26.03.36 г.), он в большей степени хотел убедить себя, что поступил правильно: «Сегодня рассчитал татарина и думал: у него семья, дети, он был голоден... Здесь нужно смотреть на человека, как на трудовую единицу. Одна сломалась, ставь другую. Вот воля человека и заставляет меня двигать вперед вверенных мне 100 человек. Во время войны я буду вести 100 человек, также не думая, что у них есть дети, жена, и т. п.».

Он был всегда примером для других и не только в вопросах законопослушания, но и по уровню своих знаний и в стремлении постоянно повышать свою квалификацию. «Купил справочник по аэрофотосъемке. Думаю, что невредно будет поставить вопрос о постановке ее на Кавказе. На конференции выскажусь». (В письме В. Флеровой от 15.01.35 г.)

Серьезно занимаясь фотограмметрией, освоил знания и по аэрофотосъемке, что определило его основное направление службы во время войны. 03.08 1941 года он был направлен в 168 резервный авиапункт, ст. Тайсин, ДВК, с 02.02.1942 – начальник отделения аэрофотослужбы 627 батальона, а позже – нач. фотолаб. 14 отдельной роты аэрофотослужбы того же батальона. «В моей военной карьере на днях должен произойти перелом: возможно, поеду на фронт, как и все солдаты, верю, что останусь в живых. Я люблю жизнь, люблю работу, люблю нашу варварскую Родину, которая оказалась культурней всей Западной Европы и

честнее Британии и США» (05.11.43). «Но я уверен, что спокойно отдам все для победы, все – это жизнь! Не люблю я громких фраз о Родине, о патриотизме, о великом деле и т.п. Я знаю, что иного пути для русского человека нет!» (01.08.43 г.).

Природа наделила его душу чувством сопереживания и сострадания, а жизнь – отшлифовала, потому слова сочувствия по-особому эмоциональны, и они – в каждом письме. «Для меня война началась с 1936 года, когда я потерял Верочку, потерял не просто, а мгновенно, был свидетелем ее гибели, а последняя была равносильна смерти на полях сражений. Я ощутил всю глубину потери любимого человека, потому мне особенно понятны чувства людей, которые в наши дни теряют милых и любимых. Это непомерно тяжело, это калечит, оставшихся в живых. Никакие слова не могут передать это чувство» (01.08.43 г.).

В начале 1944 года Б. Орлова вызвали в столицу нашей Родины. «...В Москве мне сообщили, что уже есть постановление о моем отзыве, которое уже направлено по «военной линии». У меня нет никаких оснований считать, что это не соответствует действительности, потому остается только ждать» (05.02.44 г.). «Пишу в пути на фронт. Наконец, после 2-х лет и 8 месяцев, я попал на Запад. Жив, здоров, настроение бодрое. Будущее?! Оно туманно, но сквозь туман блещут лучи мира, лучи победы. 17-е сутки я еду по России, и чем ближе к фронту, тем сильнее оказывается влияние войны, которую я своими глазами, а не через фильтр газетной цензуры, могу видеть со всеми ее безобразными последствиями. Изменен облик страны, вид людей, настроение. На ДВК можно было лишь представить ужасы войны, а здесь о них говорят взгляды. Писать очень трудно, т.к. в вагоне – 40 человек, офицеров, которые проявляя свою индивидуальность, не дают возможности сосредоточиться. Как только приеду на место, напишу подробно обо всех моих делах» (06.05.44 г.). «...Я живу в польском местечке, которое и на карте с трудом найти можно. Дожди сменяются хорошей погодой. Болото, лес. Идут и идут войска; в воздухе самолеты, временами доносятся гул арт. стрельбы... Сколько жизней, охваченных войной, сколько мелких радостей и большого горя. Как проходит мой день?.. Работаю 11 часов, немного читаю, слушаю радио, изредка хожу в кино. Вообще, я не испытываю тяжести войны, которая легла на плечи бойцов первой линии, поэтому не испытывайте за меня тревоги. Изменение Востока на Запад не принесло существенных перемен... Живу одним – ожиданием конца войны. Уже скоро настанет день, когда будет закончен «разговор пушек» и вздохнет наш народ полной грудью. Результаты войны предрешены!.. Это ясно каждому солдату нашей Армии... Пишите. Мы еще увидимся в 1945 году!? Так пишут все солдаты, где бы они ни находились» (27.06.44 г.). «Живу в сосновом бору, около развалин лесопильного завода, доволен, что распростился с болотами и непрерыв-

ными дождями. Польша – это страна, где еще до сих пор властвует католическая церковь: костелы, часовни, кресты, ксендзы, монашки и молитвы. Люблин мне очень понравился, красивый город, а его костелы и замки вызывают восхищение, разрушений почти нет; много жителей и, что поражает, мужчин. Население к нам относится хорошо. Поляки с большим удовольствием вспоминают довоенную жизнь, немецкое господство им пришлось не по душе, а сейчас они в полном недоумении: «Какое будет для них завтра?». Успехи нашей армии велики, но я все же не рассчитываю, что война может закончиться в 1944 – очень велика сила инерции машины уничтожения. Хочется, чтобы скорее наступил мир... Надоела эта походная жизнь, однообразие военной службы... Об этом говорят и пишут мне все мои товарищи, часть которых находится на линии огня. Об ужасах войны не хочется ни думать, ни говорить, ни писать... В Люблине проезжал мимо знаменитого Майдана, где было убито колоссальное количество людей, и снятая с них одежда валялась целыми горами» (03.09.44 г.).

«Наступил 1945 год. Война явно идет к концу. И эта надежда дает силы дышать. Наконец, немецкий зверь чувствует на собственной шкуре, что такое война!.. Освобожденные люди, идущие из Пруссии, рассказывают о долгих годах в плену, в рабстве. Вчера разговаривал с 3-мя французскими солдатами, которые пробыли 5 лет (!) в плену. Теперь, счастливые и возбужденные, едут домой. Рад за них. Тысячи девушек возвращаются... Конечно, трудно предсказать конец войны, но еще 2-х наступлений Германия не выдержит. Если бы наши союзники перешли в наступление, то война бы закончилась к лету. А конец войны необходим, он необходим всем: и тылу, и фронту. Лишь мразь земли русской способна в годы войны наживаться и благодушничать. К сожалению, то, что я видел, говорит: «Такие люди есть!.. Они должны быть в первых рядах на линии огня, а они... в первых рядах «спекуляции». Ну, ничего. Скоро фронт пойдет домой... Я уж, наверняка, приеду к Вам, приеду так, чтобы ехать на работу, а не на фронт. Не знаю, куда меня направят, но особенного желанья возвращаться на Тырны-Ауз у меня нет. Я поеду туда, но на несколько дней. Слишком много хорошего связано у меня с этим районом... и слишком много самого тяжелого. Пишу в пути, поэтому не знаю, когда попадет к вам письмо» (январь, 45 г.).

В середине января 1945 года Б. В. Орлов получил предписание прибыть в Москву, решался вопрос об отзыве его с фронта и начале трудовой деятельности. Но война есть война, и она вносит свои коррективы. «Прошел месяц, как я вернулся в часть... Я верил в то, что в Москве получу возможность... скоро вернуться. И на Тырны-Аузе и в Москве мне говорили о необходимости работать, говорили о том, что отзыв уже послан, что специалисты (моего типа) остро нужны... Теперь же я просто не знаю, когда попаду на работу. Солдатчина и война мне

уже опротивели на 100 %. Одно утешает: гуннов бьют. Горят немецкие города, бредут толпы «сверхчеловеков», немцы начинают понимать «сладость» войны... Надеюсь, что они запомнят 1945 г. лет на 100! В городке, в котором я сейчас нахожусь, я беседовал с рядом пленных, в числе которых попался профессор, филолог (солдат – 40 лет). Все они твердят о том, что «Гитлеру капут». Я стремился понять психологию этого «культурного немца». Мы говорили с ним часа три; говорили о фашизме, о литературе, о музыке, о Германии... И все-таки он немец, который убежден в превосходстве немецкой расы... Сейчас еще трудно переварить все впечатления войны! И когда я смотрю на страдающих фрицев, я вспоминаю страдания наших женщин. Это не теоретические рассуждения, а то... что я чувствую, что вижу» (26.02.45 г.). «Жизнь складывается не так, как хочется. Самое главное, конец войны близок. Я переменял род деятельности. Он также не опасен, как и предыдущий. Германия! Ей крышка. Наконец, я работаю над картой Берлина. Если бы мне в 1942 году, когда я был на озере Ханка, кто-нибудь сказал об этом, я рассмеялся бы, а теперь это – факт. Погода стоит великолепная. Лучи весеннего солнца говорят о жизни. Это последний год войны» (12.04.45 г.). «Вы меня знаете хорошо. Знаете, что я не могу прийти в восторг от пылающих зданий, разбитых квартир, книг, растоптанных сапогом солдата, детей, бредущих со старухами. Но мой разум говорит: иначе быть не могло. Немцы никогда бы не поняли ужасов войны. Они бы опять пошли на бойню, насвистывая «Симфонию битвы». Теперь же они долго будут помнить русского Ивана...» (01.05.45 г.).

Война – не самый подходящий период для оценки благосостояния и технического оснащения народного и сельского хозяйства враждующей стороны, но если есть на что посмотреть, то и этот вариант нелишний. «Не буду отрицать, что путешествие за Одер лишено интереса. Оно раздвинуло рамки нашего представления о жизни. Здесь люди жили хорошо. На полях я увидел рельсы с вагонетками. 2–3 дня я ломал себе голову: зачем они? А только потом понял, что это для развозки удобрений. Все здесь в блестящем порядке, все обработано, культурно; мелкое и крупное – все добротн...» (01.05.45 г.). Уже полтора месяца, как мой «боевой путь» принял другое русло. Новая деятельность приблизила меня к линии боевого соприкосновения; я увидел войну во всей «красе», но опять увидел с точки зрения наблюдателя, т.е. не подвергаясь непосредственной опасности... Новые люди, новые взаимоотношения, новая обстановка, новая страна, но... Желание вернуться на Родину и заниматься мирным трудом возросло. Надоела такая жизнь! Сейчас здесь весна, но холодно. Деревья уже оделись в свои зеленые костюмы. Тишина. Настроение у всех хорошее – последний этап войны. Не хочется думать о том, что на Востоке опять может возникнуть пожар. Эта мысль является каплей яда, отравляющий великий праздник Победы! Надеюсь,

что в этом году я буду у Вас и за чашкой чая расскажу о маньчжурской границе, о Польше, о Германии» (01.05.45 г.). «Не писал вам долго, потому что немного «приболел», а до этого времени было очень мало. Кончили войну... Погода стоит хорошая. А самое главное – это мир. Нет сводок Информбюро. Нет ужаса смерти. Когда вернемся? Не знаю. Я уже потерял надежду на возвращение» (02.06.45 г.). «Только здесь по настоящему познаешь, что такое тоска по Родине. Германия! Польша! Возможно, что в мирное время путешествие по ним могло доставить удовольствие. Но среди огня и дыма – это удовольствие не из особо приятных. Как хорошо, что все это уже в прошлом. Стремление попасть на Родину охватило большинство. Каждый мечтает о возвращении. Прекрасный конец Германии. Теперь нет другой мысли, кроме возвращения» (11.06.45 г.). «Дни бегут, тоска по Родине растет с каждым днем. Здесь все надоело, хотя беспристрастно говоря, живу я в хорошеньком городишке, на берегу озера. Имеется хороший парк. Работы нет никакой. Сплошное убийство времени. Мечтаю о том времени, когда сброшу военную форму и буду жить по-человечески, а до тех пор перенесем и это; за плечами осталось более тяжелое» (20.06.45 г.).

После демобилизации Б. В. Орлов вернулся в Нижний Баксан на тырныузский комбинат... Еще в 1944-м, перед отправкой в Польшу, он заезжал туда на два дня. «Самое неприятное – это изменение людей. Я не нашел никого из друзей. Большая часть погибла на фронте, часть еще на Востоке, часть... изменилась настолько, что узнать их трудно. Конечно, условия жизни очень тяжелые, мне кажется, что сила «сопротивления» людей оказалось малой. Изменения в стране настолько велики, что невольно поражают взор свежего человека. Естественно, я ожидал встретить много безобразного, но встретил все то, о чем с таким негодованием писал С. Щедрин: «Да, жизнь стала далеко не белой штукой» (05.02.1944 г.).

Письма Бориса Владимировича – это настоящий бюллетень достоверной информации о событиях военных действий (1941–1945 гг.) и об участии его в них, с фактами из биографии и раскрытым внутренним миром. Будучи патриотом, он испытывает ноющую, гнетущую боль за поруганную страну, за смерть миллионов людей, и подбирает ряд эпитетов, чтобы выразить гордость за успехи Красной Армии и разгром фашизма. Чувство тоски по Родине прописано в таком «миноре», что невольно ощущаешь глубину душевного состояния человека, воевавшего на чужбине! Как у человека, владеющего художественным словом, а литература и музыка продолжали его интересовать и во время войны, у него прекрасный слог и отчетливо выраженная мысль. Курс, пройденный в художественном училище, и знания по фотосъемке дали возможность сфокусировать и выделить главные, наиболее яркие события. В целом раскрыта новая страница из жизни офицера Красной армии и его взгляд на окружающую действительность Великой Отечественной войны!

*Андрей ХАКУАШЕВ,
доктор филологических наук,
профессор, академик АМАН*

**«Я ВЕРНО СЛУЖИЛ ДВУМ ЖЕНЩИНАМ –
ГАЗЕТЕ И ЛИТЕРАТУРЕ»**

*(К 95-летию со дня рождения
Б. П. Черемисина)*

Победа Октябрьской революции в России и образование в ней национальных республик создали благоприятные условия для становления и развития просвещения и литературы северокавказских народов Российской империи. За короткий период времени многие из них стали вровень с развитыми литературами, многие произведения младописьменных литератур были переведены не только на русский и языки братских народов СССР, но и на языки многих других народов мира. Однако, в силу обстоятельств, в те же годы во всех союзных и автономных республиках страны сформировалась и русскоязычная литература. Первоначально ее стали создавать местные русские и учителя, в свое время прикомандированные в национальные школы, а затем к ним присоединились работники русской периодической печати и русских культурных учреждений, организованных во всех национальных республиках. В послевоенные годы отдельные коренные писатели-билингвы стали пользоваться и русским языком. Значительное место в их художественных произведениях занимала местная тема, они изображали историю, жизнь, труд, быт и обычаи титульного народа.

Не только раньше, но и сейчас к «периферийным» русскоязычным литературам у центральных учреждений и издательств отношение не совсем благожелательное, ее считают низкокачественной и провинциальной. Даже если, преодолев все препоны, какая-то областная книга издается в столице, то не всегда она получает доброжелательную, заслуженную оценку, к ней редко проявляют интерес, афишируют. Неполноправно эта литература чувствует себя и в родных республиках. Национальная критика (если, конечно, она есть), в основном обслуживая родную литературу, большей частью не замечает произведения русскоязычных литераторов, не решается их рецензировать, хотя такие специалисты появились уже в последние годы.

Б. П. Черемисин

После Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии, постоянно проживая в ней, наряду с национальными деятелями литературы вели активную творческую деятельность такие известные русские писатели и поэты, как М. М. Киреев, В. Г. Кузьмин, Б. П. Черемисин, В. Н. Грудзинский, О. А. Опрышко, Ю. П. Крутов, Г. Б. Яропольский, И. Н. Терехов и др. Большой жизненный путь, глубокое знание реальной жизни, индивидуальное художественное мастерство, приобретенное путем упорной самостоятельной работы, позволили им создать значительные произведения, в которых решались актуальные проблемы не только местные, но и общечеловеческие. В 80-е годы редко кто занимался исследованием местных русских писателей, всецело возложив оценку их произведений на плечи рядовых читателей.

Так, при жизни, а после смерти тем более, критика не баловала своим вниманием талантливого писателя Бориса Черемисина. 22 января 2018 года мы отметили 95-летие со дня рождения писателя, и сегодня хотелось бы высказать свои запоздалые мысли о его творчестве.

Путь в литературу никому не заказан – был бы талант. Однако у каждого он проявляется сугубо индивидуально: одни начинают писать чуть ли не с детских лет, другие уже в пенсионном возрасте, а некий американец, по сообщениям прессы, дожив до 90-летнего возраста, стал писателем и за последующие годы издал пять романов. Борис Черемисин тягу к литературе проявил со школьных лет. Как отмечается в его биографии, он уже в 7-м классе написал книгу об отце, участнике Гражданской войны, затем одноактную пьесу, а 10-й класс он закончил, подготовив два романа – «Революция» и «Среда». Они остались в архиве писателя в рукописи и, осознав их слабость, он к ним уже не возвращался.

Получив аттестат зрелости в 41 году, а затем закончив еще и военное инженерное училище, Борис был отправлен на фронт. В тяжелейших условиях войны сформировалось его мировоззрение: молодой курсант за несколько месяцев стал боевым офицером, узнал жизнь, оценил мужество и стойкость своих соотечественников. Несмотря на каждодневные боевые действия и отсутствие элементарных условий, он не оставил свое увлечение, заносил в свой дневник все пережитое, свои мысли. Интересно отметить, что его фронтовые записи каким-то чудом сохранились, дошли до нас и, предположительно, ими он воспользовался, когда начал писать свои первые повести, посвященные Отечественной войне.

Желая осуществить свою давнюю мечту, Борис Петрович после демобилизации, несмотря на трудные материальные условия, сразу же поступил на филологический факультет Тамбовского пединститута. Чуть позже был принят и на заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького. В числе успешно закончивших институт прошел курсы по подготовке корреспондентов для работы за границей, а затем был направлен в Чехословакию корреспондентом ТАСС. Через несколько лет

он становится собственным корреспондентом «Правды» сначала по Пензенской области и Мордовской АССР, а затем по республикам Северного Кавказа. В 1959 году его назначили главным редактором «Кабардино-Балкарской правды» и до 1988 года он успешно исполнял эту нелегкую работу.

Творческую деятельность Б. Черемисин начал сразу же после Отечественной войны. Написанные в те годы им рассказ «Дед Елисей» и очерк «Гамбовские комсомольцы в Великой Отечественной войне» (в соавторстве) были лишь пробами пера. Имя писателя ему принесла повесть «Третье лето», которая была напечатана на страницах альманаха «Литературный Тамбов», а затем отдельной книжкой вышла в Москве, в «Воениздате».

«Третье лето» – это история одной саперной роты, ее героизма, патриотизма, высоких душевно-нравственных качества, проявленных офицерами и рядовыми солдатами в борьбе с немецкими оккупантами. Предположительно, автор описывает тех людей, с которыми он бок о бок воевал, знает черты характера и потенциальные возможности каждого из героев повести, а в некоторых из них (например, в образе Мамотова) нетрудно обнаружить некоторые черты самого писателя (хотя он это отрицает). В повести целая галерея запоминающихся образов – рядовых и офицеров. Они – «Отчизны верные сыны» – не говорят громкие слова, не кичатся своими подвигами в бою, каждый из них беспрекословно выполняет свой священный долг, просто защищает родину, не жалея ни сил, ни даже жизни. Несмотря на то, что они ежедневно видят, как льется кровь, погибают друзья, герои повести остаются нравственно чистыми людьми, каждый из них сохраняет свои высокие человеческие достоинства. Эти превосходные качества наиболее убедительно автор воплотил в образах Мамотова и Маши. Они полюбили друг друга давно, но неопределенность будущего вынудила их отстрочить женитьбу, надолго сохранив в чистоте свою любовь.

В трудные годы Отечественной войны честь, независимость и свободу родины защищали все народы великой страны. Писатель в своей повести создал образы и некоторых представителей братских народов. Среди них значительное место занимают украинцы, особо запоминается образ казаха Джамбатырова, связного капитана Мамотова.

Действие повести разворачивается в окрестностях знаменитой Курской дуги, а сюжетной линией являются последовательно проводимые саперной ротой прифронтовые работы, в которых каждый солдат проявляет свой героизм. После выхода первая повесть была тепло встречена читателями, на нее откликнулись «Литературная газета», «Советский воин», «Военно-инженерный журнал» и, как сам писатель отмечал в своей биографии, успешный дебют открыл его.

Проблемам прошедшей войны чуть позже писатель посвятил две повести – «Вера» и «Дальний прицел». Связывая настоящее с прошлым, первая повесть в дневниковой форме повествует о трагической судьбе

сапера – лейтенанта Николая Чередина и санитарки Веры. Человек высокой нравственности, Вера, потеряв любимого человека, еще много лет остается верна первой любви, хотя претендентов на ее руку было множество. Чтобы в какой-то мере заглушить свою боль и скрасить одиночество, мужественная женщина удочерила незнакомую девочку и решила оставшуюся жизнь посвятить ее воспитанию. Прошедшая война искалечила судьбы миллионов людей, Вера одна из них, но своим мужеством и нравственной чистотой она преодолела все невзгоды и осталась человеком чести. Ее образ – одна из интересных находок писателя.

С неизвестной до сих пор стороны историю Отечественной войны писатель раскрывает в повести «Дальний прицел», которая под названием «Украденное детство» вышла сначала под псевдонимом Б. Петров. Используемые в ней материалы подтверждают, что захваченных в плен советских детей фашистские изверги обучали в специальных школах и готовили их для борьбы с Советским Союзом. Пропитанные фашистской идеологией и зомбированные подростки должны были внести свою лепту в уничтожение Страны Советов, а со временем стать и руководителями оккупированных территорий. Если старший Хасан, беспризорник из Нальчика, распознав коварные замыслы своих «учителей», готовит побег со своими сверстниками и погибает, то несмышлениш Сережа, всецело воспитанный в духе идеологии фашистов, еще долго не мог освободиться от тлетворных идей. Адресованная в основном юным читателям, повесть не производит сильного впечатления на взрослых, а образы детей не всегда завершены, многие их поступки психологически не обоснованы.

В творчестве Б. Черемисина одно из ведущих мест занимает тема женщины – ее место и роль в нашем обществе, самоотверженный, нескончаемый труд, бескорыстная любовь и трагическая судьба. Глубоко зная жизнь и беззаветное мужество советских женщин как в годы войны, так и в послевоенные непростые времена, писатель создал целый цикл рассказов и повестей, посвященных только им. Кроме отдельно изданной книги, куда вошли такие известные «женские» повести, как «Вера», «Назират», «Настя», «Лариса», тему женских судеб автор многосторонне рассматривает и в произведениях «Людмила, Раиса и курсантские письма», «Лида», «Полина» и в романе «Светлореченские березы». Каждый из воссозданных в этих произведениях образов имеет свою индивидуальную судьбу, свой характер, каждая героиня всеми доступными средствами борется за свою любовь, за нее и своих детей готова пожертвовать жизнью. Через все невзгоды пронесла в чистоте свою любовь Вера, много лет потратила Назират на то, чтобы сохранить свои искренние чувства, семью, в невероятно трудных условиях Настя сумела сохранить семью, за свою первую любовь всем жертвует Лариса, она еще не достигла своей цели, но твердо верит, что и для нее наступит желанный светлый день.

Необычайно сильное впечатление производит прекрасный образ Назират из одноименной повести. Она ненадолго познала семейное счастье, начавшаяся война в одночасье разрушила его, и Назират осталась с двумя детьми. Много лет она думала, что муж погиб, оплакивала его смерть, но, как потом выяснилось, он жив, у него новая семья в Киеве. Считая супруга идеальным, она долго не верила в его измену, чтобы удостовериться в ней, поехала в Киев и чуть не покончила жизнь самоубийством. Осознав ошибочность этого шага, героиня пришла к мысли, что должна жить ради своих детей. Женскую тему писатель хотел еще продолжить. Как он отмечал в своей биографии, он планировал написать «более ста рассказов и повестей», которые должны были составить «Энциклопедию любви».

Драматургия – самый трудный жанр литературы, чаще всего за нее берутся писатели уже в зрелом возрасте. Не осознавая трудностей, сопряженных с этим жанром, девятиклассник Б. Черемисин, как он вспоминает в своей биографии, в школьные годы написал «одноактную пьесу о распространителях «Окопной правды». В послевоенные годы он возвращается к драматургии и пишет пьесу «Инженер Боучек», которую Пензенский драматический театр поставил еще в 1954 году. Позже им были написаны такие драматургические произведения, как «Это было в Чехословакии», «Один месяц в году», «Ошибиться – не дано», «Ерохин уходит на пенсию», «Вечерняя заря», «Посмотрите в глаза друг другу». Для русского драмтеатра он с украинского перевел пьесу Д. Дереча «Влюбленные из Забужановки». Как отмечает писатель в своей биографии, «...пьесы «В ночь на седьмое», «Знакомые наших знакомых», «Посмотрите в глаза друг другу» на кабардинский язык перевел ныне покойный известный драматург Петр Мисаков. В разговоре со мной он как-то пошутил: «Я перевожу Шекспира и Черемисина и испытываю наслаждение...». Некоторые из них напечатаны в разных журналах, а большей частью они не поставлены театрами и сейчас найти их не так просто. Кабардино-Балкарское телевидение осуществило постановку пьесы писателя «Вечерняя заря» (о Марко Вовчок; в 2017 году отмечалось 110-летие со дня ее рождения).

Написанные в 80-годах наиболее известные пьесы драматурга вошли в отдельно изданный его сборник «Пьесы» (1983). Спектакли по пьесам «В ночь на седьмое» и «Грустные дни в Развеселой» были поставлены драматическим театром, а комедию «Знакомые наших знакомых» драмтеатром им. А. А. Шогенцукова. В свое время эти спектакли критикой и театральной общественностью республики были встречены тепло и радушно. Все эти пьесы поставлены режиссером Л. Х. Эркеновым.

Комедия «Грустные дни в Развеселой» посвящена повседневной жизни и трудовым будням жителей одной из станиц на Тереке в послевоенные годы. Страшное лихолетье закончилось, наступила мирная

жизнь, но в станице продолжается борьба между старым и новым, каждый из станичников принимает участие в ней, и, естественно, победу одерживают здоровые силы.

Еще в 80-годах одним из первых Б. Черемисин обратил внимание на то, что в социалистической стране постепенно возникает новая анти-социальная группа партийных функционеров, торгашей и цеховиков, которые живут не по средствам, в роскоши и занимаются накоплением капитала. Одним из таких новоявленных нуворишей является выведенный в пьесе «Знакомый наших знакомых» чиновник-делец, возомнивший, что он может себе позволить все, что вздумается, нарушать законы и моральные устои общества.

Среди драматургических произведений писателя тематически наиболее драматичной и удачной по исполнению является героическая драма «В ночь на седьмое», посвященная трагической судьбе прославленного кабардинского поэта А. А. Шогенцукова. Над ней автор работал около двадцати лет, для поиска необходимых материалов просмотрел архивные источники, изучил научную литературу, побывал на месте гибели поэта в Белоруссии. Постановка спектакля по пьесе было приурочена к 80-летию со дня рождения поэта, в ней участвовали наиболее известные артисты русского драмтеатра. Режиссером-постановщиком спектакля был народный артист РСФСР Л. Х. Эркенов, а художником-оформителем С. Урусов.

Мы с супругой, Еленой Алиевной Шогенцуковой, естественно, с нетерпением ждали премьеры. Наш дом был расположен рядом с драмтеатром, и мы без труда могли бы купить билеты, но обязательный Борис Петрович заблаговременно прислал два пригласительных билета.

Когда мы пришли в театр, он был забит до отказа. Зрители восторженно встречали как открытие сцены, так и каждый выход главного героя, Али Шогенцукова, роль которого исполнял артист В. Корнилов. Через несколько дней мы пригласили к себе чету Черемисиных. Елена Алиевна и Борис Петрович знали друг друга давно, в то время они были депутатами Верховного Совета КБАССР, по поручению Президиума Совета часто выезжали в районы республики. Все еще оставаясь под впечатлением недавно просмотренного спектакля, большей частью мы говорили как о самой пьесе, так и об игре актеров. Как принято в таких случаях, мы от чистого сердца поблагодарили талантливого драматурга за его многолетний и плодотворный труд, за то, что он впервые создал превосходный сценический образ кабардинского поэта-патриота.

О последних днях и трагической гибели великого кабардинского поэта в Бобруйском концлагере в архивах сохранилось множество достоверных материалов, кроме этого в свое время были записаны воспоминания военнопленных, которые находились в том лагере в те последние дни.

Нет сомнения в том, что писатель владел этими материалами, однако, не копируя жизнь, он, имея на это право, по-своему интерпретировал жизненные факты, он поэта сделал неукротимым борцом и патриотом. Али Шогенцуков, являясь коммунистом, во многом не соглашался с проводимой в стране политикой, внутренне осуждал кровавую схватку, развернутую среди властных структур, но из-за этого не разлюбил свой народ, свою родину.

В первые же дни Отечественной войны поэт написал множество антифашистских стихов и поэму «Пусть мое слово дойдет до вас», в которых клеймил позором немецких извергов, вероломно напавших на нашу мирную страну, и предрекал им скорую гибель. Еще в августе 1941 года он в стихотворении «Призыв» уверенно предсказал нашу победу, написав такие слова, ставшие пророческими:

*Погибнет враг, – мы в том клянемся честью!
Мир подвиг наш запомнит на века!*

Поэт чести, написавший такие от души идущие слова, не мог изменить им, не пожертвовать жизнью ради свободы и независимости любимой родины. Распознав эту неукротимую внутреннюю силу поэта, драматург логично делает своего героя непоколебимым поборником правды.

По пьесе лейтенант военной комендатуры Дзарасов просит Али Шогенцукова остаться у него, обещал найти ему хорошую должность и даже из-за болезни отправить его домой. Однако поэт отказывается от предложения сердобольного лейтенанта, сказав, что он «...дал слово политруку и начальнику эшелона».

В Бобруйском лагере у А. Шогенцукова появилась вторая возможность остаться в живых. Немецкая переводчица предлагает поэту изменить родине, перейти на сторону фашистов. Она уговаривает его: «Вы владеете арабским, турецким. Такие люди нужны. Мы не остановимся на России. Будете работать переводчиком». Она даже обещает ему «отыскать жену, детей...». Находясь между жизнью и смертью, беспредельно честный и любящий свою отчизну поэт не пошел на сделку с совестью, не изменил родине.

Основным конфликтом пьесы является борьба между злом и добром, между человеконенавистнической фашистской идеологией и социалистической. Наглядно эта борьба проявляется в споре между Али и переводчицей. По происхождению русская, она перешла к немцам, фашистскую идеологию считает спасительницей мира и все ее действия продиктованы меркантильными соображениями. Она этого и не скрывает. По ее мнению, «...если хочешь стать счастливым, то о счастье других не беспокойся». Но лишенный свободы и всех человеческих благ поэт убеждает ее в обратном: «Все стремятся к счастью и страшатся несчастья.

Поэтому если хочешь счастья для себя, то заботься о счастье другого, и сам будешь счастлив».

Сила слов поэта столь велика, что, общаясь с ним, переводчица постепенно осознает свою ошибку, в конце пьесы она уже считает «свою жизнь заблуждением».

Жуткие и невыносимые условия лагерной жизни подтолкнули поэта к активным действиям. Он начинает понимать, что смерть в борьбе более достойна, чем смерть от голода и холода, и, не раздумывая, примыкает к готовившемуся Сергеем восстанию военнопленных.

В пьесе много интересных персонажей и сценических находок. Запоминаются образы немногословного, но мужественного Сергея, верного сподвижника и бескорыстного друга поэта Мурадина, сироты Миколы, ученика Али, надзирательницы Эльзы, после гибели отдавшей единственного сына государству и попросившей лично Гитлера принять ее на военную службу, капитана Лангута, играющего на скрипке классическую музыку во время гибели 20 тысяч военнопленных в подожженном немцами бараке, трусливого Бодзи, ставшего изменником.

Успех спектакля зависел от игры артистов, занятых в нем. Режиссер Л. Эркенов, понимая значимость главного героя, поручил исполнение этой роли В. Корнилову. Известный кабардинский прозаик и драматург А. Шортанов, знавший хорошо поэта, в своей рецензии на спектакль утверждает, что артист внешне был похож на Али Шогенцукова. Но наряду с этим талантливый артист сумел показать душевную теплоту и благородство кабардинского поэта. Как режиссер, поставивший много спектаклей на сцене родного театра и великолепный знаток театрального искусства, Аскерби Тахирович, отмечая прекрасную игру В. Корнилова, в своей статье писал: «Временами мне казалось, что передо мной живой Али». Хорошо отозвался критик и об игре артистки Л. А. Кравец, исполнившей роль переводчицы. В спектакле были заняты народный артист Российской Федерации А. С. Яралов и заслуженная артистка КБР М. П. Бурмако.

Следует обратить внимание и на такой факт – национальные поэты и писатели ограничились отдельными стихами (кроме незабвенного Бетала Куашева, написавшего кантату о нем) об Али Шогенцукове, о трагической гибели поэта до сих пор никто не написал эпического произведения. Восполняя этот пробел, Б. Черемисин в своей пьесе «В ночь на седьмое» воссоздал незабвенный образ кабардинского поэта-патриота, отдавшего жизнь за свободу и независимость родины. Чуть позже русский поэт Л. И. Шимко о подвиге кабардинского поэта написал поэму «Монолог Али».

В своей биографии Б. Черемисин не то шутил, не то всерьез писал, что более четверти века он «...верно служил двум «женщинам» – Газете и Литературе». Если в данном контексте он журналистику поставил

вперед, то и сам считал себя в первую очередь газетным работником. И жизненный путь вроде бы подтверждает это. Являясь собственным корреспондентом таких солидных учреждений, как ТАСС и «Правда», в молодые годы он прошел хорошую школу, глубоко познал жизнь, обрел мастерство. За годы работы в прессе он опубликовал в центральной и местной печати бесчисленное количество корреспонденций, статей, очерков, которыми никто уже в наше время не интересуется. Сожалея о потерянном времени, в своей биографии он писал: «Двадцать семь лет прилежно делал газету, редактировал произведения авторов, а на свое, родное, кровное не оставалось времени». Однако, хотя он скромно умалчивает об этом, в Кабардино-Балкарии им написано много документально-художественных произведений, которые у широкого читателя в свое время пользовались успехом, они и до сих пор не потеряли своего значения. Написанные в художественно-публицистической форме, эти очерки посвящены большей частью замечательным труженикам сельского хозяйства республики. Изданы они отдельной книжкой, и каждый из них и сегодня читается с неподдельным интересом. В этот цикл входят следующие документальные произведения писателя: «Аргуданский маяк» (1961), «Корень жизни» (1962), «Счастье добывают на Тереке» (1967), «Спелые зерна» (1987).

Одним из наиболее значимых произведений документалистики Б. Черемисина является повесть «Спелые зерна», посвященная известному и за пределами республики знаменитому кукурузоводу Кабардино-Балкарии, Герою Социалистического Труда К. К. Тарчокову. Над повестью писатель трудился много лет, собирал необходимый материал в архивах и книгах, записывал на магнитофоне живые рассказы как самого К. Тарчокова, так и его односельчан, и людей, с которыми он работал.

В первой части повести под названием «Из хроники одного селения» писатель подробно знакомит читателей с историей Хатуея (Старого Уруха), с деятельностью первых коммунистов, видных организаторов новой жизни в ауле, показывает тяжелый путь, пройденный родом Тарчоковых, рассказывает об организации колхоза «Шекер» и невероятно трудных условиях его становления. Эти подробности автор описывает для того, чтобы показать читателю ту жуткую среду, в которой вырос и сформировался его герой. Любознательный и настойчивый юноша, упорной самостоятельной работой достигший хороших знаний, с первых же дней принимает активное участие в строительстве колхоза в родном ауле. Сперва он работал учетчиком, затем был назначен бригадиром комсомольско-молодежной бригады, некоторое время работал бухгалтером, а перед самой Отечественной войной ему предложили должность председателя колхоза «Шекер».

Имея бронь, молодой председатель мог бы и дальше продолжить свою работу, но своими многочисленными заявлениями он добился того,

чтобы его призвали в Красную Армию. Вторая часть повести, которая озаглавлена «Пять ступеней крестьянского сына», посвящена ратному подвигу рядового морского пехотинца К. Тарчокова и становлению простого деревенского мальчишки в талантливого руководителя колхозного производства. Многочисленные научные сведения по многим отраслям науки, новейшие механизмы и агротехнические приемы возделывания кукурузы, приводимые во второй части, подтверждают, что и при ее написании писатель вынужден был ознакомиться с обширной литературой.

В повести многосторонне воссоздан запоминающийся образ Камбулата Тарчокова, сам писатель восхищен своим героем, безгранично любит его, и такое искреннее отношение автора передается и читателям. Самое большое достояние колхоза, которым руководит этот талантливый председатель, – это рядовые труженики села, они являются опорой каждого руководителя. Выпукло обрисованы, запоминаются образы его сподвижников – А. Арамисова, Х. Сабанчиева, Ж. Сабанчиевой, Сафарбия и Биляла Кушховых, но среди них особое место занимает первый помощник К. Тарчокова, главный агроном колхоза Мурадин Кабалоев.

Хорошее впечатление производит и вторая художественно-документальная книга Б. Черемисина «Корень жизни», в которой прослеживается трудный и длительный процесс возрождения в послевоенные годы колхоза «Красная нива», беспримерная хозяйственная деятельность его бессменного руководителя, Героя Социалистического Труда Н. Н. Евтушенко, с которым писатель дружил до конца своей жизни.

Более 50 лет Б. П. Черемисин плодотворно трудился в литературе и публицистике. За это время он написал значительное количество прозаических и драматургических произведений, художественных очерков, в которых глубоко и правдиво воспроизведены жизнь, трудовой подвиг, нужды и чаяния не только родного народа, но и народов Северного Кавказа. Они явились значительным вкладом в многонациональную российскую литературу и культуру, многие его произведения до сих пор не потеряли своего значения.

Многосторонняя творческая деятельность писателя достойно оценена партией и советским правительством: в послевоенные годы он был награжден многими орденами и медалями, ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», он избирался депутатом Верховного Совета КБР нескольких созывов. Талантливый писатель и журналист, ветеран войны Б. П. Черемисин жил в КБР более сорока лет, похоронен здесь (скончался 1 марта 2002 года). Память о нем сохранена в барельефе, установленном на доме № 10 на проспекте Ленина в Нальчике.

Из домашнего архива...

Ахохов Асланби Нахович (15.01.1912, с. Чегем – 05.03.1980, г. Москва) – общественный и государственный деятель. Депутат Верховного Совета СССР 3-го (1950), 4-го (1954), 5-го (1958), 6-го (1962), 7-го (1966) созывов, делегат 21-го, 22-го и 23-го съездов КПСС. Многократно избирался депутатом Верховного Совета КБР, был членом Президиума ВС КБР. Военное звание: гвардии майор.

Отец – Нахо Коевич Ахохов, первый большевистский комиссар селения Чегем II, погиб в 1918 году в бою с серебряковцами, и воспитание детей – Асланби, которому не исполнилось тогда и 6 лет, и его двух сестер Дух и Фатимы – взяло на себя государство. Асланби направили в школу-коммуна при отделе образования облисполкома. Через некоторое время в республике открылся Ленинский учебный городок, и школу перевели туда. По окончании педагогического техникума Ленинского учебного городка началась трудовая жизнь: Аргундский клепочный завод, профсоюз финансово-банковских работников, облисполком. В марте 1933 года А. Н. Ахохова избирают секретарем довольно большого колхоза в с. Малка. Предстояло решить немало наболевших вопросов. «Колхоз был одним из самых отстающих в республике, – читаем мы в воспоминаниях А. И. Ахохова, – люди отсюда буквально разбегались, не хватало фуража, сена. Пало больше половины лошадей, а на носу весенний сев. Мы питались хлебом из кукурузной муки с отрубями, причем на четверых выдавался небольшой кусочек весом 200–300 граммов. Стали сеять на коровах». Сплотив молодежь, выявив активных, заинтересованных людей, А. Н. Ахохову удалось в короткие сроки сделать этот колхоз одним из лучших в республике. «Здесь, в Малке, – говорил он, – я впервые понял, что ссылки на трудности – причем любого ранга – неосновательны, если есть желание сдвинуть дело с места, работать не ради формы, а самоотверженно, с наибольшей отдачей». Это стало стилем жизни для Асланби Наховича.

А. Н. Ахохов воевал все годы Великой Отечественной войны. Скромный, всегда на передовой, на самых ответственных участках, он вооду-

А. Н. Ахохов

шевлял людей собственным примером и снискал уважение у своих командиров и подчиненных. А. Н. Ахохов принимал активное участие в формировании 115-й кавалерийской дивизии, вел большую организаторскую и политико-воспитательную работу среди солдат и офицеров. Из Кабардино-Балкарии в 115-ю кавдивизию были направлены опытные и авторитетные работники, знающие кавалерийское дело, а также 2500 хорошо подготовленных комсомольцев. Политотдел соединения возглавил секретарь обкома партии М. Т. Селяев. В 1941–1942 годах А. Н. Ахохов служил в рядах 297-го полка 115-й кавдивизии, возглавлял вылазки за «языком», с разведкой в тыл врага. После ранения

командира полка майора И. В. Севастьянова А. И. Ахохов помог начальнику штаба полка капитану Чугунову перегруппировать силы с учетом возможного направления удара врага. Это решило исход боя. В июле 1942 года в боях у хутора Московка под артиллерийским огнем фашистов погибли командир эскадрона Молов и политрук Эльмесов. В этих боях А. Н. Ахохов был тяжело ранен. Уже в мирные годы А. И. Ахохов был инициатором возведения памятника 115-й кавдивизии, установленного в районе Стрелки, у въезда в город. После трехмесячного пребывания в госпитале майор А. Н. Ахохов направляется в 10-й гвардейский стрелковый корпус, оборонявший Орджоникидзе. Он был среди тех, кто участвовал в боях за освобождение Северного Кавказа, Украины, Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. С 1943 года был назначен заместителем командира полка. В 1944 году подразделение А. Н. Ахохова разминировало Одесский оперный театр. Много лет спустя, познакомившись с Асланби Наховичем, генерал-полковник Елагин сказал ему, что на здании театра висит мемориальная доска, на которой написано, что театр спасло от разрушения подразделение А. И. Ахохова. В июне 1944 года из-под Праги Бериславско-Хинганскую дважды Краснознаменную орден Суворова II степени стрелковую дивизию перебросили на Восточный фронт. Капитуляция Манчжурии состоялась 3 сентября 1945 года, но А. Н. Ахохов еще оставался в армии.

Ему было 34 года, когда он вернулся с фронта и приступил к восстановлению разрушенной войной республики. Принципиальный, непреклонный, он был требовательным к себе и своим подчиненным

и в то же время чутким и внимательным человеком, прекрасным организатором, способным четко видеть проблемы и находить пути их решения, видеть перспективы, уметь разглядеть талантливых людей, «поднять» их, заинтересовать возможностями развития республики. Таков портрет, складывающийся из воспоминаний разных людей.

В феврале 1957 года обком партии, Совет Министров КБАССР и специальная комиссия во главе с Председателем Совета Министров ре-

А. Н. Ахохов (справа) с однополчанином. 1944 г.

спублики А. Н. Ахоховым проводят большую работу по реорганизации управления промышленностью и строительством республики. В результате появляется новая структура – Совнархоз, созданный с учетом возможностей и перспектив развития экономики республики. В ведение Совнархоза передан весь комплекс промышленных и строительных предприятий республики. Возглавил его бывший директор Тырнаузского комбината Г. Т. Кулик. К этому же времени относится и пересмотр функции профсоюзов, расширение и повышение их роли. К результатам реструктуризации 1957 года, проведенной во главе с А. Н. Ахоховым, сверхплановая прибыль в текущем году составила 57,5 млн рублей (для сравнения, в 1956 году она составляла 10,9 млн руб.). Предприятия Совнархоза дали республике в том году увеличение годового выпуска продукции на 12 % (46 млн руб.). Более того, в том же 1957 году были введены в строй нальчикский завод «Цветметприбор», керамический комбинат, бетонный завод, расширялся Тырнаузский комбинат, начали строиться гидрометаллургический комбинат, комбинат искусственных кож и др. Только за 1957 год годовые капитальные вложения в народное хозяйство республики выросли на 21 %.

В конце 50-х годов А. И. Ахохов обращает внимание на пришедшую в упадок коневодческую отрасль. Он находит средства на закупку лошадей кабардинской породы, на восстановление и реконструкцию здания и территории ипподрома, формирование и обучение профессиональной

На колхозном поле (А. Н. Ахохов справа)

команды наездников. Ему удалось создать условия для интенсивного развития конного спорта в республике, традиционного для этого региона. А. И. Ахохов переводит скаковых лошадей из колхозных конюшен, расположенных на ул. Дивизионной, на территорию ипподрома, инициирует строительство специально оборудованных для лошадей современных помещений, направляет на обучение конников, обращает внимание на возможность использования преимуществ коней кабардинской породы. В результате всех этих мер КБР восстанавливает свою славу в области конного спорта, появляются чемпионы и призеры

всероссийских и всесоюзных соревнований. В благодарность за этот вклад в восстановление и развитие конного спорта в сентябре 1999 года на ипподроме г. Нальчика были проведены соревнования, посвященные памяти А. Н. Ахохова.

«Он являл собой образец настоящего горца-кабардинца и своим внешним обликом, и силой воли, и смелостью, и тем, как четко исполнял свои нелегкие обязанности на ответственных постах партийной, государственной, общественной работы, и заслуживает того, чтобы его жизненному пути посвятили объемистую книгу, – вспоминает К. К. Эфендиев. – Он занимал высокий пост, и на плечах его лежали отнюдь не легкие обязанности; он был строгим и требовательным, категорически непримиримым к малейшим проявлениям расхлябанности, недобросовестного отношения к работе и хвастовства с чьей бы то ни было стороны. А в случае необходимости он непременно шел навстречу, на любой вопрос давал ясный, доходчивый ответ».

Супруга Асланби Наховича – Раиса Адамовна Дымова, дочь Адама Дымова – известного просветителя, главы Баксанского просветитель-

А. Н. Ахохов с маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и его супругой

ского движения, кабардинского первопечатника, основателя первой на Кавказе газеты «Адыгъэ макъ». В годы войны была назначена председателем сельского Совета с. Чегем II. В 1942 году немецкие фашисты приговорили ее к расстрелу, и только чудо спасло ее. В 1946 году Раиса Адамовна была награждена медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Асланби Нахович и Раиса Адамовна вырастили четырех детей: Ларису, Руслана, Елену и Людмилу.

Лариса Асланбиевна Ахохова – врач высшей категории, заслуженный врач КБР, детский хирург, реаниматолог-анестезиолог, стаж работы в реаниматологии КБР – 47 лет. Лариса Асланбиевна стоит у истоков возникновения и становления республиканской анестезиологии-реаниматологии.

Руслан Асланбиевич Ахохов занимал руководящие должности на предприятиях республики, мастер спорта, многие годы возглавлял сборную республики по волейболу.

Елена Асланбиевна Ахохова – кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств.

Людмила Асланбиевна Ахохова отдала около 20 лет Геофизическому институту, затем работала в Министерстве здравоохранения КБР и в Республиканском центре по борьбе со СПИДом и другими инфекционными заболеваниями.

Послужной список

1923–1931 – учился в Ленинском учебном городке, в рамках которого закончил педагогический техникум (г. Нальчик);

июнь 1931 – октябрь 1931 – председатель заводского комитета Аргуданского клепочного завода Кабардинской АССР;

октябрь 1931 – ноябрь 1932 – председатель областного комитета профсоюза финансово-банковских работников;

ноябрь 1932 – октябрь 1933 – ответственный инструктор облизполкома Кабардинской АССР;

октябрь 1933 – октябрь 1934 – секретарь Нагорного РК ВЛКСМ;

октябрь 1934 – февраль 1936 – ответственный инструктор обкома ВЛКСМ Кабардинской АССР;

февраль 1936 – август 1937 – секретарь Баксанского РК ВЛКСМ;

август 1937 – февраль 1940 – председатель Межрайпотребсоюза Нагорного района Кабардинской АССР;

февраль 1940 – май 1941 – председатель районной плановой комиссии Зольского района Кабардинской АССР;

май 1941 – июль 1941 – слушатель областных парткурсов (г. Нальчик);

июль 1941 – декабрь 1941 – зав. отделом пропаганды и агитации Прималкинского РК ВКП(б) Кабардинской АССР;

декабрь 1941 – июль 1942 – 115-я кавдивизия, Северо-Кавказский фронт;

июль 1942 – ноябрь 1942 – на излечении по ранению, эвакогоспиталь (г. Ленкорань Азербайджанской ССР);

ноябрь 1942 – апрель 1943 – 10-й гвардейский стрелковый корпус (Северо-Кавказский фронт);

апрель 1943 – март 1945 – зам. командира, 900-й отдельный инженерный батальон, 10-й гв. стрелковый корпус, IV, затем III, II Украинский фронт;

март 1945 – август 1946 – зам. командира 309-го стрелкового полка 109-й стрелковой дивизии, 18-й стрелковый корпус II Украинского, затем Забайкальского фронта Восточно-Сибирского ВО;

сентябрь 1946 – август 1948 – председатель Советского райисполкома Кабардинской АССР;

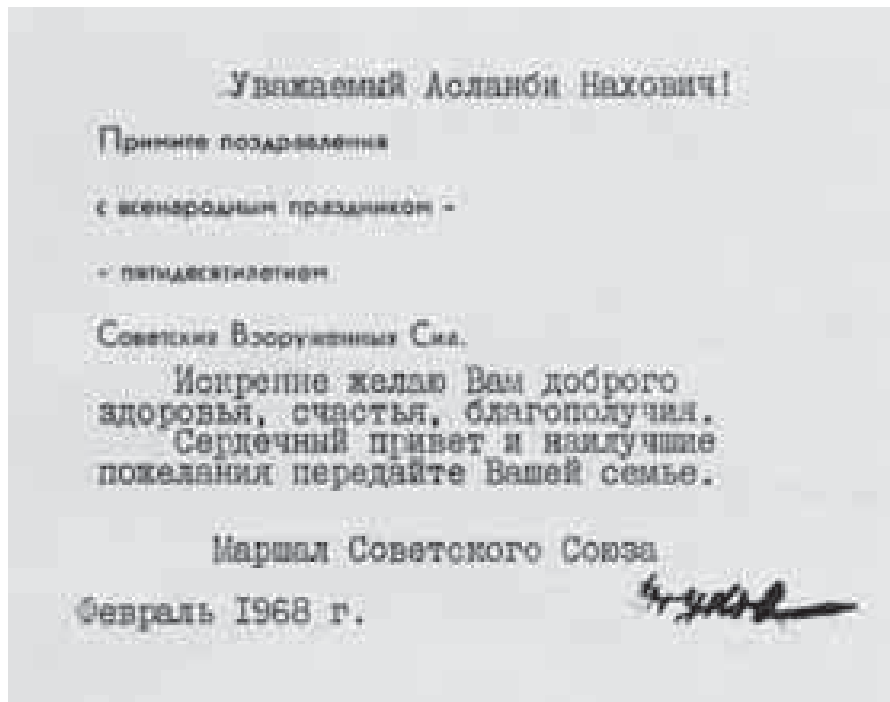
август 1948 – август 1949 – первый секретарь РК ВКП(б) Эльбрусского района Кабардинской АССР;

сентябрь 1949 – апрель 1952 – слушатель Высшей партийной школы при ЦК КПСС (г. Москва);

апрель 1952 – январь 1957 – второй секретарь обкома КПСС;

сентябрь 1955–1960 гг. – сельскохозяйственный институт г. Орджоникидзе – заочно;

январь 1957 – июль 1969 – Председатель Совета Министров КБАССР;

июль 1969 – персональный пенсионер Союзного значения.
Будучи пенсионером, работал:
июнь 1973 – март 1980 – председатель правления Республиканского общества охотников и рыболовов.

Награды

1943 – за выполнение боевого задания награжден орденом Красной Звезды. Приказ по 56-й армии;
1944 – за выполнение боевого задания награжден орденом Отечественной войны I степени. Приказ по 53-й армии;
1945 – за выполнение боевого задания награжден орденом Отечественной войны II степени. Приказ по 46-й армии;
1945 – награжден медалями: «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», а также медалями за взятие Будапешта, Вены, освобождение Белграда;
1957 – за достижения в работе КБАССР в сельском хозяйстве, промышленности и культуры награжден Орденом Ленина. Постановление Президиума ВС СССР;
1962 – награжден орденом Трудового Красного Знамени;
1966 – награжден орденом Трудового Красного знамени.

За время Великой Отечественной войны был тяжело ранен, дважды контужен.

Материал к публикации подготовила Жанна Кандорова

Рубин ФИЗИКОВ

Об авторе

Рубин Мухарбиевич Физиков родился 17 марта 1949 года в большом абазинском селении Красный Восток, расположенном в верховьях реки Кумы. Еще в школьные года начал писать стихи. Учился в политехническом институте, служил в армии, затем работал по выбранной специальности инженера-строителя промышленного и гражданского строительства – более 600 объектов на территории СССР и Российской Федерации. Прошел путь от мастера

до начальника строительного управления.

В настоящее время преподает в строительном колледже г. Черкесска.

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Главы из романа

Объявление

День был солнечный. Радоваться теплым лучам не давал ветер, порывы которого поднимали столбы пыли и засоряли глаза, выбивая слезы. Сновавшие по рынку люди настолько были поглощены своими заботами, что мало внимания обращали на пыльный ветер. Рынок напоминал муравейник. Проходы между рядами были узкие, и люди пробирались по ним с большим трудом, рискуя остаться без пуговиц.

Стоял неясный гул над толпой, сновавшей в проходах между рядами. Передвигались люди по-советски одинаково обеспеченные, в поиске выгодных покупок и продаж. Процент дефицита среди реализуемых товаров был высок. Ассортимент большой: ковры, занавески, скатерти, постельное белье, мужские костюмы, красивые женские костюмы и платья, рубашки, носки, чулки, шарфы, платки, золотые кольца, золотые цепочки, фотоаппараты, книги и т. д. Под сосредоточенными взглядами покупателей, проходивших между рядами, стояли непрерывной цепочкой продавцы, разложив свою продукцию на газеты, уложенные прямо на землю, а то и держа товар на руках. Продавцы пытались заинтересовать покупателей, привлечь их внимание, однако были довольно сдержанны, не было у них купеческой хватки. Хотя при случае не жалели красноречия и прибегали к разным ухищрениям. Шла различная тактика общения с

покупателем. От расхваливания до бойкого обсуждения качества товара. Если продавцу удавалось подбить покупателя на сделку, стороны переходили к торгу. При этом товар поднимали с газет, примеряли, осматривали тут же. Увлеченному продавцу стоило на секунду отвлечься, как газеты, придавленные камушками, на которых был разложен товар, подхваченные высоким порывом ветра, разлетались над рынком вперемешку с пылью. Западный ветер то высоко поднимал, то опускал газеты, прочие обрывки бумаги и нес в восточную сторону от рынка к реке Кубань, где я стоял рядом со своей машиной. Листы бумаги и газеты летели мимо меня и с высокого левого берега Кубани перелетали, планируя, на заросший деревьями и кустами низменный правый берег и засоряли местность.

На пути одной такой низко летящей газеты оказался я, стоявший рядом с машиной, утомленный ожиданием родственников, улаживающих торговые дела на рынке. Газета плотно обволокла мои ноги. Сильные порывы ветра трепали газету, дужкой обхватившую колени. С некоторой брезгливостью посмотрел на газету, потом на свои брюки. Наклонился и осторожно взял трепещущий лист. Сразу же машинально посмотрел на брюки, испачканы или нет. Они были чистыми. Затем посмотрел на газету, она выглядела новой. В этот момент ветер утих. Улучив момент, осторожно сложил газету и стал просматривать из любопытства и от скуки. Газета была свежей – вчерашний номер. Таким образом я нашел себе занятие. Обрадовавшись возможности убить время, утоляя жажду природной любознательности и тягу к новостям, изложенным в печати, стал знакомиться с содержанием.

Номер одной из центральных газет СССР «Известия» от 25 апреля 1985 года привлек внимание статьей, приуроченной к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, под заголовком «Они сражались в отряде «Карманьол». Сообщалось, что председатель Совета ветеранов интернационального партизанского отряда «Карманьол Либерти» Лион Ландину от имени партизан Французского Сопротивления разыскивает русского бойца Борю, проявившего мужество и героизм, и что они очень хотели бы с ним увидеться.

Меня удивило это объявление, поскольку в то время через «железный занавес» к нам редко попадали хорошие вести из капиталистических стран. Но в том, что весть из Франции попала на территорию огромной страны, занимающую шестую часть территории земного шара, не было ничего сверхъестественного, связь с Францией была особенной. Потепление было следствием памятного визита президента Шарля де Голля. У советских граждан до сих остались добрые впечатления от него.

Мы, кавказцы, не избалованные вниманием центральной прессы, не могли и мечтать о том, чтобы объявление о поиске кавказца из горного ущелья попало в печать. Печатное слово в Союзе было священным, ведь

в то время верили каждой букве. Слово в печати было равнозначно приговору прокурора. Персонаж очерка или статьи, напечатанной в газете, был героем, и это не подвергалось сомнению. Печатали очерки о людях труда для пропагандистских целей, но герои войны стояли особняком в ряду заслуженных, почетных людей страны. Попасть в когорту этих уважаемых персон было непросто.

«А чем черт ни шутит, может и наш местный какой-то счастливчик попал в число героев?» – подумал я. Не просто же так этот Лион Ландину от имени всех партизан Французского Сопротивления разыскивает русского бойца Борю за мужество и героизм, проявленные им в годы Второй мировой войны на территории Франции.

Видимо, французы ищут не простого бойца, а мужественного человека, отличившегося в боях.

Когда-то в раннем детстве у нас дома осенью у очага я с упоением слушал рассказы бывалых служивых людей. И когда все расходились, мама меня укладывала спать и рассказывала о том, что ее родной брат, то есть мой дядя Батал, а по-русски Боря, воевал во Франции. Сказано перед сном и сказано. Забылось со временем. А тут такое объявление – и в моей памяти сразу же восстановились слова матери о своем брате. Я призадумался, ведь у дяди Бори никаких наград нет, он не принимает участие в праздничных торжествах 9-го мая и скромно себя ведет, тихо живет. Почему он никогда, нигде не рассказывает о своей жизни, о войне? Странно как-то.

Данное объявление через центральную газету ясно указывало на мужественного героя – а мой дядя Боря не то что не герой, а просто сама скромность. Что-то тут не стыковалось. А что если этот русский Боря, о котором идет речь в статье, и есть дядя Батал, тот же Боря, который по всем документам значился Борисом? Может этот скромный человек, мой дядя, – герой Франции? Я аккуратно сложил газету и спрятал в карман.

Чтобы развеять свои сомнения и установить истину я, отложив все дела, отправился в Нальчик. В пригороде столицы Кабардино-Балкарии расположено село Нартан с многотысячным населением. Там и жил мой дядя Батал. По дороге в голову лезли противоречивые мысли. Почему мы, абазины, легко принимаем любой язык, а свой не сохраняем? Есть ли оправдание этому? Уважающий себя человек должен разговаривать на родном языке отца, деда, прадеда. Нет никакого оправдания человеку или народу, который потерял свой родной язык. Таков мой вердикт. Предательство с презрением воспринимается другими народами. Сегодняшний мой поиск связан с мужеством людей моего народа в недавнем прошлом. Надо признать, удача не всегда сопутствовала моему древнему народу. Когда фортуна отворачивалась, мы теряли свой язык. Мысль мою стало затягивать слишком глубоко. Героизм, равно как трусость

и предательство, заложены в природе человека, связаны с опасностью войны, где жизнь обесценена. Аналогичные высказывания от разных людей мне неоднократно приходилось слышать.

До революции Нартан называли по-кабардински (с русским произношением) Клыщбиевский, бывшее абазинское селение Клычкт.

Весть о моем приезде тут же разлетелась среди родственников. Повидаться со мной прибыла наша многочисленная родня: тетя Куна с красавицами невестками Тоней и Марией, с двумя сыновьями Мишей и Жорой, с дочерьми Фатимой и Поной. Были также дочери тети Лизы Нурхан и Света, сестра моя Кулица с детьми в сопровождении наших сватов. Меня встретили, как принято по-кавказски, гостеприимно, радостно и душевно. Мой приезд так пышно и величественно обставили, что мне в какой-то степени было неловко за хлопоты, доставленные этим добрым людям. У всех радостно блестели глаза, они не знали, куда меня усадить. Тут же принесли в жертву барашка, с невероятной быстротой накрыли стол, и началось пиршество как по самому радостному и торжественному случаю. Неоднократно прозвучало веселое объяснение необходимости столь пышной встречи – как же, приехал сын сестры, племянник, в таких случаях, как известно, «дружно шумят деревянные балки под крышей дома», требуя достать с чердака и других укромных мест самые лучшие припасы! Так говорят в народе, подчеркивая почетный статус племянника – сына сестры. Этот старинный обычай соблюдают в народе с любовью и доброжелательностью.

Плавно от шуток перешли к накрытым угощениями столам. В ходе застольных разговоров я постарался подтянуть нить к цели моего приезда. Но только собрался заговорить о газете-находке, как в воротах появился Нану Хуран, своим видом будто осветив все вокруг: ему уже за семьдесят, но на гладких щеках нет ни одной морщинки, пышные усы украшают его лучистое лицо.

Нану был в каракулевой шапке, в черкеске с ровными рядами газырей, в ичигах с блестящими галошами, ичиги под коленями были схвачены кожаными ремешками с тонкими завязками.

Супруга Батала, Кулима, побежала навстречу брату с возгласом: «Уа, Нану пришел!» – и обняла его. Следом подбежала дочь Батала Рая, смущаясь, тоже обняла Нану. Затем его поприветствовал рукопожатием племянник Батала Жора. Супруга Жоры, хрупкая красавица Тоня, очень скромно стоявшая в стороне, с радостно искрящимися глазами и приятной улыбкой подошла к Нану, по-родственному вежливо и сдержанно поздоровалась. Она тоже была из рода Хуран, как и сотни тысяч абазин, потерявших свой язык в кабардино-адыгской среде. Присутствующие гости встали по обычаю в знак приветствия к старшему по возрасту. Произошла очень доброжелательная встреча. От родственного общения

у людей на душе было светло. Дети шумно бегали под ногами взрослых. Женщины сутились на кухне. Мужчины, завершив разделку мяса жертвенного барашка и нескольких забитых куриц, разжигали костер, подвесили котел к арахчыне, заготовили шампуры для шашлыка. Среди мужчин все время ходил с кумганом теплой воды, с бархатным полотенцем через плечо подросток Вова – сын Тони и Жоры. Обаятельный парень Вова с кумганом в правой руке и мылом в мыльнице подходил периодически к мужчинам, давая возможность смыть жир и грязь с рук. Вова, по указанию отца, предложил сесть на маленький приземистый стул Нану и дал ему умыться с дороги.

Освежив водой, бодрого Нану усадили на почетное место, несмотря на его возражения и сожаление о том, что ему пришлось потревожить компанию. Оказавшись во главе праздничного стола, Нану произнес очень емкое благопожелание с философским подтекстом. Тост был единогласно поддержан, и, после того как отдали должное вкусной еде, за столом стали настаивать на том, чтобы я продолжил затеянный разговор.

И тут я достал газету и зачитал уже известную читателям информацию.

– И я абсолютно уверен, дядя Батал, что речь идет именно о тебе, – заключил я, обратившись к нему.

– Да ну... Мало ли на свете «русских Борь», – смутился дядя Батал, сощурился в улыбке глубоко посаженные глаза.

– Для мира все жители СССР – русские, там нет различия между нациями и народами нашей страны, – не унимался я.

Собравшиеся проявили живейший интерес и обрушили свои любопытные вопросы:

– Батал, как ты оказался во Франции?

– Это правда, что ты воевал во Французском Сопротивлении?

– Расскажи, как все было!

– Расскажи! Расскажи! – просили все.

Дядя Батал долго отнекивался, но в дело вмешался Нану, и его настояние сломало упорство Батала.

Рассказы о военной биографии дяди начались с Финляндии.

– С чего начать? Плохой я рассказчик. Попытаюсь рассказать предысторию моей военной судьбы. Начну с Финляндии. Буду излагать в том порядке, как нам на политзанятиях разьясняли замполиты Красной Армии, – сказал он задумчиво.

Финляндия. Линия Маннергейма

– Справочные и архивные данные по теме мне придется использовать для более ясного, точного описания произошедших исторических событий. Не вдаваясь в подробности призыва, обучения военному делу, наличия оружия, военной одежды, амуниции, состава рода войск, –

покряхтывая, дядя начал свой рассказ, периодически косясь на меня, чего за ним я раньше не замечал. По нему было видно, что он не очень доволен затеянным разговором, хотя рассказ фронтовика был безумно интересным, даже в мелких подробностях.

Увлеченный рассказом, дядя мысленно увел сидящих за столом в стихию событий тех огненных лет. Горячая вкусная пища остыла. В печь периодически подкидывали дрова, чтобы жар от огня разогревал еду. Обеспокоенные женщины были увлечены угощением и сетовали на это. Но замечания женщин, что остыла пища и надо вкусить угощения, пропускали мимо ушей. В помещении воцарилась тишина, только слышно было тихо говорящего хрипловатым голосом дядю. Все присутствующие внимательно слушали, боясь пропустить в рассказе самое интересное. Начало было завораживающим, поскольку родные и близкие у многих воевали в Финляндии. Рассказчику трудно было возвращаться в прошлое.

Рассказ первоначально шел не совсем складно. Видя такое состояние дяди, Жора предложил старшему Нану выпить «наркомовские». Произнесли тост. Выпили. Помолчали. Обрато вернулись к прежней теме разговора.

– Посмотрите на школьную карту Карельского перешейка, тут как говорится немного «лаптей» по карте можно отмерить. Всего да ничего, – слова, взятые из русского лексикона, привел он к месту. – Однако за этот кусок земли полегло много моих однополчан, – добавил с горечью Батал и раскрыл карту на столе.

Границу между СССР и Финляндией до и после советско-финской войны 1939–1940 годов называли Карельским перешейком. Тут и проходила, так называемая «Линия Маннергейма»

Она представляла собой комплекс оборонительных сооружений между Финским заливом и Ладогой, созданный в 1920–1930 годы на финской части Карельского перешейка для сдерживания возможного наступательного удара со стороны СССР 132–135 км длиной. Эта линия стала местом наиболее значительных боев в «Зимнюю войну» 1940-го года и получила большую известность в международной прессе. Между Выборгом и границей с СССР были спланированы три линии обороны. Ближайшая к границе называлась «главная», затем шла «промежуточная», вблизи Выборга – «задняя». Самый мощный узел главной линии располагался в районе Суммакюля, месте наибольшей угрозы прорыва. Во время Зимней войны финская и за ней западная пресса называла комплекс главной оборонительной линии по имени главнокомандующего маршала Карла Маннергейма, по приказу которого разрабатывались планы обороны Карельского перешейка еще в 1918 году. По его же инициативе были созданы наиболее крупные сооружения комплекса обороны.

На главной оборонительной полосе было сооружено 18 узлов обороны различной степени мощности. В систему укреплений входила и тыловая оборонительная полоса, прикрывавшая подступы к Выборгу. В нее входило 10 узлов обороны.

Но, несмотря ни на что, нас с нашими ружьями-трехлинейками бросали на линию Маннергейма. А финнам ничего не стоило штабелями укладывать красногвардейцев из-за линии, через которую даже птица не могла бы перелететь. И снова, и снова бросали нас в атаку, несмотря на совершенно бессмысленные потери, нас бросали, как в пропасть, на эту проклятую линию Маннергейма.

Нашелся-таки некто, до которого дошло все безумие происходящего. Линию Маннергейма стали бомбить наши самолеты. Но бомбы, как детские мячики, совершенно не нанося никакого вреда линии Маннергейма, отскакивали от нее. Не было никакого прока и от артиллерийских обстрелов – она была словно заколдована. Наше командование приняло попытку обойти линию и напасть с тыла, но и это ни к чему не привело, финны были готовы и к такому повороту событий. Они рассредоточились по всей местности, зацепившись за каждую кочку, пень, камень, любую неровность, повсюду были их укрытия и дзоты. К слову, один-единственный финский пулеметчик, находившийся в укрытии, под лапником, мог пропустить целую войсковую часть, ни о чем не подозревавшую, а потом совершенно беспрепятственно расстрелять сотни воинов с тыла. А если их, финнов, было трое-четверо – это было разгромом для воинского подразделения. Сделав свое черное дело, финские стрелки становились на лыжи и исчезали с места происшествия.

Нашей части пришлось столкнуться с финскими стрелками неожиданно. Результат – за мгновение семеро моих товарищей были убиты. Фортуна мне на сей раз улыбнулась. Я успел скрыться за сваленное дерево, которое спасло мне жизнь. Притаившись за деревом, я прислушался к звукам выстрелов и установил сектор обстрела. Сменив сваленное дерево на удобную огневую позицию, бросился в укрытие, за торчавший неподалеку от меня пень. В спешке я не успел обстоятельно рассмотреть предметы на местности, к моему счастью, там кроме пня оказался большой валун, который прикрывал меня от пулеметного огня. Пули отскакивали от камня со специфическим звуком или впивались в пень. Головы нельзя было поднять. Весь наш отряд, как и я, прижался к спасительной земле, не в состоянии шелохнуться из-за пулеметного обстрела. Считай, пропали мы все. Голова моя заработала как часы, мне показалось, что мысли методично бьют мне в виски: «Что-то надо придумать, иначе нас всех здесь перебьют». Бросаясь за пень и оказавшись за спасительным камнем, я не заметил сразу, что рядом лежит недавно сваленное бурей дерево, еще не засохшее, которое прикрывало меня

толстым стволом диаметром в аршин. Определив спасительное направление движения, я прополз вдоль ствола. Оказавшись за деревом, я выполз из поля зрения финского стрелка. Оценив ситуацию, обошел его с тыла, наконец, засек его. Он сидел в укрытии между большими валунами, в аккуратно забаррикадированном бревнами дзоте с накатом из бревен, покрытом срубленными хвойными ветками и присыпанном сверху грунтом. Вход был также завален еловыми ветками – так что, не оказавшись в самой близости, ни за что не заметишь. Финна выдал пулемет, который периодический строчил, издавая специфический звук. Бесшумно передвигаясь, осторожно, опасаясь возможных сюрпризов, подполз я к деревоземляной огневой точке.левой рукой быстро отдернул от входа еловую ветку, правой направил дуло карабина на стрелка, он поднял руки, его напарник машинально повторил движения старшего. Моя осторожность и последующие быстрые действия застали врасплох противников, благодаря чему я не дал им возможности воспользоваться стрелковым оружием и ножами, поскольку они были увлечены стрельбой из пулемета и вынуждены были сдаться с поднятыми руками. Под дулом моей винтовки они покорно вышли из дзота.

Видя, что губительная угроза пулеметного обстрела миновала, наши бойцы повыскакивали из укрытий и поспешили мне на помощь. Финнов погнало в штаб, а меня подхватили и долго подбрасывали в воздух.

Вот так мне повезло, я остался живой, при этом еще спас отряд сослуживцев. За это мне вручили орден Красного Знамени.

Говоря о чувствах, которые испытывает солдат в таких случаях, могу прежде всего сказать слово страх. Не боится только дурак. Страх за свою жизнь лежит в природе человека. Пересилив чувство страха, человек преодолевает грань между жизнью и смертью. Жизнь человека на войне вообще малозначительна и очень хрупка. То ты прощаешься с жизнью, то оказываешься в положении героя. Вот так я оказался в выгодном положении, благодаря сваленному буреломом дереву и по воле случая. Про меня написали в газете, сделали из меня героя. Кстати, один экземпляр газеты отправили на Кавказ. Из-за этой бумаги, на которой была напечатана моя фотография, Кисловодский военкомат прислал благодарственное письмо к нам в село. Газета была зачитана до дыр на собраниях, в полеводческих бригадах. Гордость переполняла всю большую семью из-за меня, начиная от старого отца, братьев, сестер, до племянников.

Другой случай. После всех тщетных попыток прорваться через линию Маннергейма командование приняло решение послать разведгруппу, в составе которой был и я. Прошли довольно большой отрезок пути, и лейтенант, возглавлявший нашу группу, остановил нас на отдых. Мы разделись, сложили оружие и принялись за еду. Тут

финский стрелок-одиночка, прозванный красноармейцами «кукушкой», первым же выстрелом убил молодого бойца, сидевшего рядом со мной, второй его выстрел попал в мой солдатский котелок, и нам, чтобы он нас не перебил, пришлось броситься врассыпную. Я побежал в сторону леса, остальные попрыгали в озеро. В Финляндии очень много озер. На бегу я заметил стрелявшего в нас снайпера. Он устроился на ветке и стрелял стоя. Когда я стал приближаться к нему, он, конечно, заметил меня и стал целиться, но это было не так просто – не дав ему возможности передернуть затвор и прицелиться как следует (ему было трудно одной рукой держаться за дерево, а другой стрелять), я подскочил к дереву и, особо не контролируя свои действия, схватил попавший мне под ноги камень. Не медля ни секунды, я метнул камень и удачно попал «кукушке» прямо в лоб, сбив его с дерева. От неожиданного удара финн выронил снайперский карабин с оптическим прицелом. Подхватив упавший карабин, я направил дуло на ошалевшего финна и пленил его.

Видя, что снайпер пленен, сбежались красноармейцы. К сбору не подошли только двое. Один из наших ребят был убит на месте, где мы расположились на отдых. Другого звали Гришей, он был шутник, весельчак, балагур. Когда мы садились кушать, он, смеясь, сказал: «Боря, твоя фуфайка лучше греет», – сел на свою, а мою фуфайку накинуд себе на плечи. Увлеченный открытием консервной банки, я не придал особого значения словам Гриши. И в ту же минуту начался обстрел, разметавший нас. Гриша побежал прочь в моей фуфайке. Он добежал до небольшого каменистого пригорка, когда его настигла пуля, и упал, разметав фуфайку, как крылья, в покрывшееся тонким льдом озеро, и тут же утонул. Подыскав в лесу длинную жердь, я попытался достать фуфайку из озера. Но глубина озера оказалось большой и поиски были безуспешны. Я был в сложном положении, поскольку в фуфайке остались мои документы, которые могли быть использованы противником. Я представил, как буду объясняться перед особым отделом, и стал раздеваться, чтобы нырнуть в ледяную воду в поисках фуфайки с моими документами.

– Попробуй сунься в ледяную воду! Схватишь воспаление легких и глупо погибнешь, – строго предупредили меня товарищи. И тут же пристали к нашему лейтенанту с требованием похлопотать перед начальством о восстановлении документов.

Лейтенант, оценив ситуацию, пообещал, что после возвращения, когда окажемся в расположении нашей части, он подробно доложит обо мне в штаб и будет ходатайствовать о том, чтобы мне выдали новые документы. Обещание свое лейтенант выполнил. По его представлению за проявленный героизм при захвате военнопленного меня представили к медали.

С нами служил один эстонец. И только тогда я узнал, что эстонцы и финны могли общаться друг с другом на своих языках. Финна, захваченного мною в плен, удалось разговорить, с помощью эстонца, и он сообщил командованию очень важные военные сведения. Оценив это, особый отдел не стал ко мне придирааться.

Несмотря на это, дело о моих документах имело последствия. Но на войне ты думаешь одно, а на деле получается другое, чего и представить невозможно. Один из штабных писарей, не досчитавшись моих документов, посчитал меня погибшим и отправил похоронку к нам на Кавказ. Когда мой отец Исмаил получил извещение о моей гибели, слух быстро стал распространяться по большому селению. Старики помрачнели и группами поплелись к нашему родовому дому выразить соболезнование моим близким. Дети, глядя на стариков, притихли. Женщины надрывно заголосили. Сестры убивались. Ситуация не для слабонервных. Слух о похоронке стал быстро распространяться не только по нашему селу, но и в другие соседние села, где проживали многочисленные родственники. Односельчане, родственники стали собираться во дворе отца и выражать ему соболезнование. К удивлению односельчан и родственников мой отец не принимал соболезнования и женщинам запретил плакать. Все присутствующие посчитали, что от горя старик сошел с ума. Но он по-прежнему твердил, срываясь на крик: «Перестаньте плакать, мой сын Батал жив, я видел это во сне, а мои сны всегда сбываются. Приедет он домой живой и невредимый!» – и, разгневавшись, разогнал людей, пришедших на похороны.

По происшествии стольких лет, наверно, можно удивляться и восхищаться поступком отца. Его уверенность в судьбе своего сына поражает. Все так и случилось, как он сказал, и по сей день я жив, как видите.

Говоря о финской войне, нужно сказать, что все не так, как сейчас некоторые псевдоисторики хотят представить, будто на маленькую Финляндию напала огромная страна СССР. Не все так просто и безобидно.

К примеру, во время Второй мировой войны финская армия оккупировала восточную (российскую) Карелию, где были созданы концентрационные лагеря для советских военнопленных и граждан славянского происхождения. 8 июля 1941 года генеральный штаб издал приказ о интернировании лиц «непонятной» национальности, то есть не родственной финно-угорам. Всего на территории восточной Карелии действовало 13 финских концентрационных лагерей, через которые прошло 30 тысяч человек из числа военнопленных и гражданского населения. Около трети из них погибло. Основными причинами смерти были голод, болезни, пытки и издевательства. В лагерях применялись телесные наказания (розги) и нанесение идентификационных татуировок.

Год 1941

После Финской войны я продолжал нести службу в рядах Красной Армии. Обычная воинская служба в течение первой половины 1941 года ничем не отличалась от будничных дней. Караульная служба, стрельбища на полигоне, подъем, отбой, марш-броски с полной выкладкой, политзанятия. Письма домой. Весточка из дома с нарисованной правой ручонкой сынишки Юрочки. Я часто чувственно прижимался губами к бумаге, пытаюсь ощутить запах родной кровиночки. Многие сослуживцы, заметив мое тоскливое состояние, посмеивались надо мной. Я не обращал внимания. Хотелось домой попасть, увидеть родных, обнять сынишку. Честно говоря, порядком надоела армейская жизнь. Но отпуска не давали. Международное положение было очень напряженным. При этом, даже занятый своими личными тревогами, я был вполне счастлив. По происшествии многих лет я дорого заплатил бы, чтобы вернуть те счастливые довоенные месяцы.

Хотя мы все этого ждали, на наши головы она все же свалилась неожиданно, эта проклятущая война. Бывалые солдаты, мои сослуживцы, участники Первой Мировой и Гражданской войн, оценивая начавшиеся события, говорили, что такой широкомасштабной войны не было в мировой истории. Я на своей «шкуре» ощутил все предостережения бывалых солдат с первых минут начала войны, с рассвета 22 июня 1941 года.

Солдаты отважно воевали с врагом, используя все возможное средства для противодействия. Что любопытно, казалось бы, невероятный хаос творился на огромной территории фронта, но была невидимая единая объединяющая сила, которая мобилизовала и направляла на борьбу с врагом представителей десятков народов, проживающих на территории СССР. Впервые «свои зубы» вермахт потерял при встрече на поле боя с объединенным народом СССР. В этой среде не было деления на богатых и бедных, расовой и национальной дискриминации, кастовых сословий, религиозного деления на христиан, мусульман, буддистов, католиков, все были равны. Партией строго пресекались малейшие проявления неуважения друг к другу. В бой на смерть шли совместно, оставляя записку «Если не вернусь, прошу считать меня коммунистом». Все трудности, тяготы и лишения преодолевали совместно, и такое взаимодействие сдерживало врага, иначе за короткое время немцы достигли бы Урала.

Фашизм беспощадно крошил все на своем пути и заливал кровью огромные просторы, ввергнув судьбы десятков миллионов людей в гибельную пучину. На нас шли танки, летели самолеты, бомбы, пыль стояла до небес от тянувшихся по дорогам войны верениц машин и танков. В небе было полное превосходство немецких самолетов. Наше вооружение было неплохим, но на порядок отставало от немецкого. Это

было видно невооруженным глазом. Немцы на своих танках, машинах, мотоциклах легко окружали наши воинские части в кольцо. Больно было смотреть, как целые армии гибли, несмотря на героизм. Используя фактор внезапности и технического превосходства, немцы наносили ощутимый урон Красной Армии в первые месяцы войны. Обидно было смотреть на воздушные бои наших и немецких самолетов, такая же отчаянная картина была с танковыми сражениями – наши танки горели, как стога сена. Справедливости ради, надо сказать, что горели и немецкие танки, но гораздо реже.

Плен. Побег из плена

За три месяца после начала войны от всей нашей воинской части осталось в живых не более 15 человек. Измотанные непрерывными боями и бессонницей, мы набрели на небольшую безлюдную деревушку из нескольких домов, стоящих возле леса. Выставив часового, обессиленные, завалились спать на сеновале. Вскоре мы были обнаружены передовыми частями немцев. Им не составило особого труда «снять» прикорнувшего от усталости часового. Мы были окружены. Брошенная хозяйская собака, верно охранявшая дом, надрывно залаяла на немцев. Я с трудом разомкнул веки. Надо мной стоял рыжий верзила с автоматом наизготовку. Весь мой сон и усталость вмиг улетучились. Я дернулся, пытаюсь схватить рядом лежащий карабин с одним патроном в патроннике. Карабина уже не было. Видимо, немцы предусмотрительно убрали из рук глубоко спящего винтовку. Раздался дружный хохот фрицев. В таком же положении оказались и другие мои товарищи. Тут же рядом лежал труп часового с перерезанным горлом. Было до боли обидно – три месяца воевал с врагами с оружием в руках, участвовал в различных переделках, сотни раз смотрел смерти в глаза, а тут так банально просто в спящем положении попал в плен. Позор да и только, что тут сказать.

Немцы пленных не считали за людей – убивали, избивали, ломали кости, заставляли таскать невероятные тяжести, работать, пока не вытянут все жилы. Все это они делали для того, чтобы уничтожить всех людей, за исключением самих немцев и совершенно небольшого количества рабочей силы и услуги. Скотину так не бьют, как били немцы людей хлыстами. Споткнувшегося или упавшего военнопленного тут же пристреливали, ослабевших раненых, выбившихся из строя хоть на шаг, расстреливали или прикладом били куда попало, ломали кости, проламывали черепа – пленный для них не был человеком. Искалеченных добивали. На пленных практически не было одежды. Из-за голода пленные ели, что попало, и умирали от кишечных расстройств. Какое-то время нас продержали в каком-то скотном дворе колхоза. Охраняли усердно, не было возможности бежать. Когда скотный двор, обнесенный ключей

провоолокой, набили пленными до отказа, нас колонной погнали до железнодорожной станции. По пути было несколько попыток побега. На моих глазах эти военнопленные были расстреляны, остались прямо на обочине дороги. Жуткое зрелище, вроде рядом с тобой шел недавно – и вот он лежит мертвый, на обочине дороги облепленный мухами. Всю дорогу до станции меня угнетало чувство унижения. На фронте, в бою, лицом к лицу с врагом, встречаясь с противником с оружием в руках, чувствуешь себя равным. Обезоруженный, плененный я оказался как зверь в клетке и рвался на свободу. Меня в составе колонны военнопленных довели до железнодорожной станции. Под свист кнутов и лай немецких овчарок стали загонять в вагоны. В воздухе пахло кровью и жестокостью.

Нас набили в вагоны, как животных, и повезли в Германию. От смрада внутри вагона нечем было дышать, воздуха не хватало. В переполненных вагонах-телятниках, в которых везли в Германию военнопленных, по дороге умирали раненые. За первые несколько часов пути умерли несколько тяжелораненых. Любое прикосновение, тряска в стесненных условиях причиняли раненым дикую боль. Невыносимая атмосфера внутри движущегося вагона из-за стонов, криков раненых, вони усугублялась голодом и жаждой. Мы были страшно голодны. Хотелось пить. Во рту все пересохло. Моментами капельки дождевой воды, залетая в вагон, переполненный смрадом, исходящим от давно не мытых, потных военнопленных, своей прохладой остужали воздух, и к людям возвращалась способность мыслить. В моей голове стала выстраиваться логическая цепочка. Плен – это рабство. Рабство – это гибель. Чтобы избежать рабства, надо бежать из вагона, иначе – неминуемая гибель. Под давлением своих мыслей я стал осматривать вагон, в котором нас везли. Доски вагона местами были пробиты пулями, и сквозняк из пробоин немного обдувал. По ходу движения поезда я, присев, внимательно все рассмотрел. Дернув за ограждающие доски вагона, убедился, что, если поднатужиться, можно выломать проем и выпрыгнуть из вагона. Такой шанс нельзя было упускать поскольку, попав в Германию, оттуда выбраться будет уже невозможно.

Я видел, как немецкий конвой безжалостно расправляется с беглецами – одно неосторожное движение, и ты труп. Положение было хуже некуда. Что же делать? Я огляделся, меня окружали сплошь незнакомые люди. Можно им доверять? Как они попали в плен? Может, они добровольно сдались? Если я им предложу бежать, они могут меня сдать немцам. С другой стороны, невозможно бежать так, чтобы они не видели. Как быть? Пока я так размышлял, поезд поехал через лес. Тут я вспомнил частое изречение отца: «Решимость благоволит удаче» – и предложил рядом стоящим пленным бежать. Пояснил, что можно оторвать доски, слабо прибитые к вагону, и выпрыгнуть на ходу. Никто

не согласился, опасаясь, что при попытке к бегству их убьют немецкие конвоиры. Тогда я решил рискнуть в одиночку и попросил не выдавать меня. Они молча кивнули.

Отощав за три месяца непрерывных боев, я изрядно похудел, однако натренированное тело было легким. Паровоз шумно пыхтел, выпуская клубы пара и дыма. Колеса вагонов на стыках рельс ритмично стучали. Паровоз издал продолжительный гудок. Подстроившись под ситуацию, я бесшумно отодрал доски. Выскользнул из разодранного проема между досками и обшивкой вагона и выпрыгнул с поезда на обочину железной дороги, упал на густой кустарник, скрывший меня от взоров охраны. В прыжке я расшиб ногу, ударился коленом, сбил локоть. Но было не до этого, надо было скрыться от глаз фашистских конвоиров. Я сразу растянулся и прижался к земле. Обреченные военнопленные с понурым взглядом ехали, не замечая ничего. Охрана вагонов была беспечна, многие из них наверняка строили планы на будущее, поскольку, как обещал фюрер, фронт откатывался на восток, а значит, перед ними открываются широкие возможности: им дадут большие земельные участки, где такие военнопленные, как эти, будут на них работать бесплатно. За это неплохо и выпить немного шнапса из фляжки под звуки губной гармошки. Видимо, увлеченные такими мыслями, охранники не заметили выпрыгнувшего из вагона. Бывает же везение! Если охранники и увидели качнувшиеся ветки кустов, наверное, подумали, что их качает потоком воздуха от пронесившихся мимо вагонов. Я еще полежал, подождал, пока поезд удалился на достаточное расстояние, поднялся и, прихрамывая, углубился в лес.

Односельчанин

Поезд, натружено пыхтя, удалялся и вскоре совсем исчез за горизонтом. Развевалась смертельная опасность, грозившая мне. По крайней мере, развевалась на какое-то время. По воле судьбы удачный и своевременный прыжок из вагона обеспечил мне свободу.

Я присел на корточки и огляделся вокруг. Прислушался. Дятел настойчиво долбил дерево. Кроны деревьев плавно покачивались. Лес был густой. Я затаил дыхание, чтобы прослушать сквозь лесной шум опасность. После такого побега из плена было бы легкомысленно с моей стороны вновь попасться в лапы врагу. От легкого холодного ветерка меня охватила дрожь. Возможно, нервное напряжение последнего времени возымело свое действие. На лбу выступил холодный пот. Но, собрав в кулак волю, нашел в себе силы осмыслить произошедшее. Чувство радости от свободы нахлынуло на меня. Вокруг никого не было, с кем можно было разделить свою радость. Кузнечик безучастно прыгал с травинки на травинку.

Я двинулся вглубь леса. Продвигаясь осторожно по зарослям, был предельно осторожен. Нога болела, наступать было тяжело. Надо было идти вперед в спасительную гущу леса. Озираясь, я заходил все глубже и глубже. Подкрепившись лесными плодами, пошел резвее. Случайно наткнулся на ручей, почти беззвучно текущий через лес, вышел на открывшуюся поляну. Моя природная суть оказалась сильнее осторожности, и я, припав к ручью, жадно и шумно стал пил чуть мутноватую воду. Напившись вдоволь, я какое-то время лежал молча, опустив лицо в воду, давая разгоряченной коже остыть. Видимо, испугавшись меня, несколько лягушек отпрыгнули в сторону в густую траву, квакая. С детства я не любил холодных и скользких лягушек, а в то мгновение они показались такими забавными. Вспомнил маму, которая меня, чумазого, отмывая, приговаривала, что не надо ловить лягушек, им больно, когда ты их хватаешь. «И вообще, кожа лягушек испускает гадкую жидкость, отчего вырастают у человека бородавки. Вот вырастут у тебя бородавки на теле, и когда ты повзрослеешь, ни одна девушка не выйдет за тебя замуж», – слышался в ушах голос матери, и я улыбался. Укус комара вернул меня в реальность. Надо мной быстро собрался рой комаров. Резкими хлопками я прибил пару штук, присосавшихся к моему лицу. Зуд после укусов придал мне какую-то энергию для движения, так как усталое размякшее тело не хотело шевелиться. Открытые места, не прикрытые солдатской одеждой, были искусаны комарами, отчего выскочили шишечки. Сильно хотелось чесать места укусов.

Я услышал шорох. Не вставая с земли (все-таки сработал инстинкт самосохранения), поднял голову и огляделся. И каково же было мое удивление, когда я увидел, что какой-то солдат в красноармейской форме, вроде меня, тоже пьет воду. Я попятился по-пластунски. Отполз, спрятался в густой траве и стал следить за действиями солдата. В то время многие немцы, переодетые в красноармейскую форму, занимались диверсиями против Красной Армии. Имея опыт борьбы с диверсантами, я себя не обнаружил, замаскировался в траве и наблюдал. Солдат напился, помыл руки, ноги, от души умылся, поднялся, и я получил возможность его разглядеть. Что-то мне показалось знакомым в его движениях. Он был занят собой и о моем присутствии рядом не подозревал. Воспользовавшись этим, я стал его рассматривать более подробно. Нас разделяло около 60 шагов. Красноармейская одежда делала всех людей одинаковыми, на одно лицо, трудно различимыми. С такой позиции и на таком расстоянии до конца я не мог рассмотреть этого человека, но моя интуиция подсказывала, что это не враг и от него не исходит опасность. С первой секунды меня зацепила эта мысль, и почему-то я не мог отказаться от этого, словно на меня нашло наваждение.

Не выдавая себя, я получше пригляделся, и вдруг... глазам своим не верю – да это же мой односельчанин Сафар Хатко! Тут я выбрался из укрытия и позвал Сафара по имени. Первоначально он немного оторопел, не понимая, кто его окликает по имени на родном абазинском языке. Может, это сон или почудилось? Да нет, звук был отчетливый, натуральный. В его движениях сказывалась усталость, но он пытался держаться. Стал медленно поворачивать голову в мою сторону, посмотрел оцепеневшими глазами. Забыв об осторожности, я с радостью побежал к земляку. И когда он рассмотрел меня и узнал, на его лице мелькнуло подобие улыбки.

Это встреча была единственной радостью за последнее время. В своих объятиях мы хотели растворить всю боль, которую видели за эти месяцы, и одновременно в душе каждого из нас трепетало тепло родных корней Кавказа. Чем крепче мы друг друга обнимали, тем ближе и роднее казались друг другу, и было видно, что, несмотря ни на что, наши сердца не ожесточились. Но долго предаваться слабостям не позволяло грозное время. Неожиданно прогремел гром. Звук громовых раскатов был сродни пушечным выстрелам и послужил сигналом для дальнейших действий. Поостыв от эмоций, мы как военные люди понимали, что долго задерживаться на этом месте нельзя. Надо было уходить в лес подальше от непрошенных взоров и поискать укромное место, где нас не могли застать врасплох. Там и дадим волю эмоциям, поговорим о перипетиях солдатской судьбы. Найдя в лесу место с хорошим обзором, мы сели отдыхать. И вдруг, не сговариваясь, оба засмеялись, вспомнив нашу сегодняшнюю встречу.

– Когда ты меня позвал там на поляне возле ручейка, я не поверил своим ушам и подумал: откуда здесь, почти в центре Европы, абазины появились, когда такая страшная война идет? Матушка-земля уже не в состоянии впитывать обильно пролитую кровь. Немудрено, если мне это почудилось, поскольку последние несколько суток не спал, питался лесными ягодами, наверное, стал бредить. Такое промелькнуло у меня в голове, – сказал Сафар, захохотал, зевнул и понемногу стал засыпать. Глядя на заснувшего, я тоже зевнул, и мои веки сами по себе сомкнулись.

Опасность подстерегала нас повсюду. Несмотря на это, мы оба не сопротивлялись нагрянувшему сну. Спали до обеда следующего дня. Перекусив лесными ягодами, от чего еще больше захотелось есть, мы довольны наговорились, вспомнили родные места на Кавказе, и еще о многом другом, на войне каждая мысль о мирной жизни, пусть даже прошлой, приносит минуты счастья и упоения. Отдохнув, мы двинулись дальше на восток к линии фронта. Шли налегке. Мое отдохнувшее тело двигалось быстро. Выйдя на проселочную дорогу, наткнулись на подбитую легковую машину, рядом с которой лежали трое убитых в гражданской

одежде – женщина и двое мужчин; кругом валялись вещи, выброшенные из лежащего неподалеку чемодана. Сафар и я, не сговариваясь, подумали об одном и том же – нам нужно сменить одежду. Порывшись в чемодане, достали пару костюмов и рубашки. Оделись, переобулись, осмотрели кепки, валявшиеся рядом с убитыми, увидели, что на них нет крови, стряхнули и надели. Двинулись дальше. Но от голода еле передвигали ноги. На каком-то заброшенном огороде нашли несколько морковок, почистили и съели. Немного пришли в себя. Перевели дух и снова двинулись на восток к линии фронта, к нашим.

Поджог

Всю ночь шли по лесу. К утру, окончательно устав, решили укрыться в каком-нибудь брошенном сарае, немного поспать и с наступлением ночи снова двигаться. Скоро лес закончился, и мы недалеко от опушки увидели сарай, где содержалась скотина. Мы настолько устали, что, позабыв про опасность, направились к сараю. Находясь еще на приличном расстоянии от строения, мы увидели, что двери его открыты, внутри рассыпано сено, на котором вповалку спят немецкие солдаты. Мы дернулись было бежать назад в лес. Но было уже поздно. Ясная погода, видимость хорошая, и ни одного кустика, за который можно спрятаться. Куда теперь деться? Возвращаться в лес – от взора часового не уйти, он то ли дремал, то ли просто облокотился на карабин. Эту несуразную стойку часового можно было истолковать по-разному. В любом случае мы не стали рисковать, на кону была жизнь. Посчитали, что дремлющим часовой может притвориться, а сам ждет, пока мы ближе подойдем или побежим и выдадим себя. Тогда он откроет стрельбу, а это явная бесславная гибель. До леса шагов двести – это большое расстояние. До коровника расстояние было меньше. Мы оказались в положении лягушки, стоящей у пасти змеи. Напряглись мы не на шутку. Я почувствовал, что испарина выступила у меня на лбу. Одежда и небритые лица маскировали нас под мирных жителей, и только это давало надежду на защиту и спасение. Каждый из нас про себя помолился богу и отдал себя в руки судьбы со словами: будь что будет. Мы набрались духу и пошли вперед. И вмиг перед нами открылась неожиданная картина. На полу внутри коровника, выстланного сеном, лежали и спали немцы, видимо, после ночного боя. По храпу можно было определить, что они уставшие и спят крепким сном. Кровь на их повязках еще не успела высохнуть. Спали вповалку, уложив сено на пол коровника.

Вдруг часовой открывает глаза, смотрит на нас помутневшими заспанными глазами и опять засыпает мгновенно. При виде нас он, кажется, пытался пересилить сон и разомкнуть веки, но усталость взяла свое. А может, наш внешний вид не вызвал подозрений. Тут, наконец, выйдя из оцепенения, я осторожно, без скрипа, закрыл двухстворчатые ворота

и подпер их рядом лежащей доской. Затем быстро обошел коровник с противоположной стороны. Вторые ворота были заперты. Возле них был свален воз сена.

Я как шел, так и плюхнулся в мягкое сено. Моему земляку не понравились мои действия. Конечно, он был прав. Немцы для нас, советских людей, в то время были прямой угрозой смерти. Любой здравомыслящий человек инстинктивно бежит от опасности. А я что?!

– Что ты делаешь, вставай сейчас же, давай отсюда уносить ноги, пока нас не схватили и не расстреляли! – зашипел на меня Сафарби.

А я в ответ решительным голосом, не терпящим возражений, сказал:

– Ты лучше достань свою зажигалку из кармана, подожжем это сено, коровник сгорит в одно мгновение. Он накрыт камышом, сгорит, как спичечный коробок, с нашими врагами.

– Что ты несешь, с ума сошел, они нас прикончат здесь! – окончательно разозлился Сафарби.

– Эх Сафарби, Сафарби. Помирать так помирать, умрем хотя бы как мужчины, – ответил я.

Сафарби покачал головой, протянул мне зажигалку, и заметил:

– Да, ты и в юности был шептунной, не зря твой отец часто охаживал тебя хворостиной!

Хотя облик отца мелькнул перед глазами, от задуманного я не отказался и, вложив всю свою злость, обиду, унижения, чиркнул зажигалкой, поджег сухое сено, на котором сидел. Огонь быстро разгорался. Дым застилал глаза. Не обращая внимание на дым и понимая, что время работает против нас, стал подкладывать к стенам коровника подпаленные охапки сена, при этом прикрикнул на Сафарби, помогай мол. Сафарби тоже поднес к огню охапку и разложил горящее сено через пять шагов под стенкой коровника. Я обложил другую стенку. Подпалив порядком сарай, мы изо всех сил рванули в лес. Я забыл про боль в ноге и бежал не оглядываясь, временами запутываясь и падая в некошеной траве. Треск разгорающегося огня настолько был сильным, что, казалось, вот-вот языки пламени достигнут и нас. Слегка подувший ветерок как бы увел в сторону огонь, а затем выровнялся и устремился вверх, поднимая многотысячные огарки до конца не сгоревших камышей и зарослей бурьяна, находившихся вокруг коровника. В этом огромном костре, где сено, камыш и деревянные части строения горели одновременно, пламя возвышалось над вершинами хвойных деревьев. Послышались душераздирающие крики с некоторыми отдельно различимыми словами на немецком языке вперемешку с кашлем глотавших дым фашистов. Пламя в мгновение ока охватило деревянный сарай, покрытый камышом. Пока фашисты пришли в себя от глубокого сна, огонь уже всюду бушевал снаружи и внутри. От отчаяния внутри горящего сарая фашисты открыли беспорядочную автоматную-ружейную

стрельбу. Это была стрельба в никуда людей, попавших в западню. И мало кому удалось выбраться из пылающего коровника. И те были изрядно подгоревшие, и им было совершенно не до нас.

Мы из леса наблюдали за происходящим. Огонь, словно насытившись, стих, а все кругом обуглилось и дымило. Стало тихо. Местами курились не потухшие бревна.

– Так вам и надо, оккупантам. Это вам не Европа. Это вам за моих безвременно погибших товарищей, – произнес я тихо, обыденно, как будто все так и надо.

Насмотревшись, мы встали, отряхнулись и двинулись дальше в лес. Прошагав километров пять, решили отдохнуть и в зарослях лесной чащи устроили привал. Проспали беспробудно несколько часов. К утру стало прохладно. Встали, немного размяли кости, тем самым отогнав от себя сон. Не помешало бы подкрепится, но есть было нечего. Еще не рассвело. Летом ночь коротка. Решили до рассвета, пока темно, пройти еще. Шли на восток, к фронту. Направление своего движения определяли по пушечным выстрелам, доносившимся с фронтовых позиций. Но на сей раз ничего не было слышно – видно, фронт продвинулся дальше на восток.

Ночью тяжело передвигаться по лесу, можно напороться на обломок ветки и лишиться глаза, если не быть осторожным. Ветки хлещут по лицу. Наступишь на сушняк – он ломается с громким треском. Разбуженные вороны издают тревожные сигналы. Это сигналы для врагов, снующих по лесу. Это сигналы для всего леса, мол, идет человек, представляющий для жителей леса опасность. Опытные лесные люди легко читают знаки, подаваемые птицами. Чего греха таить, в нашем положении прятались от немцев, насколько это было возможно. Но крики лесных птиц выдавали нас. Делать было нечего, мы пользовались, правда инстинктивно, опытом предков по перемещению через лес.

Мы шли, несмотря на вороньи «сообщения». Шли обычно до рассвета, пока ночная тьма скрывала нас от вражеского взора. Днем передвигаться было опасно. Фашисты и их приспешники свирепствовали. Порой прислужники оккупантов были намного опаснее, чем сами фашисты. Мы знали о деяниях этих зверей в человеческом облике и старались передвигаться предельно осторожно, чтобы не попасть им в руки.

Рассвело и солнце взошло. Наслаждаясь теплыми лучами, я подумал, что светило всем дает свое тепло, одинаково обогревая все живое на земле. И все живое тянется к солнцу, и даже звери не едят себе подобных, и только человек убивает человека. На политзанятиях замполит часто говорил: «Карл Маркс сказал, что человек – это высокоорганизованное животное». Судя по деяниям фашистов в 1941 году, я убедился, каким животным может быть человек, и до сих пор в этом не сомневаюсь...

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Интервью

Тенгиз Маржохов родился в 1974 году. Окончил Академию ветеринарной медицины и биотехнологии им. К. И. Скрябина (г. Москва). Его рассказы публиковались в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» (№ 3, 2012 – рассказ «Термос», № 5, 2017 – рассказ «Взросляк»).

Тенгиз Маржохов

Первый роман Тенгиза Маржохова – молодого писателя, живущего в Нальчике (Кабардино-Балкария), – это пейзаж провинциальной жизни не только Кавказа, но и всей России. Перед нами своеобразная реинкарнация русской гротескной прозы 1920–30-х годов, заставляющая вспоминать одновременно и Платонова, и Хармса. Поначалу кажется, что автор полностью упоен экзотикой «провинциального» убожества современной жизни. Но на самом деле перед нами попытка найти формулу нашего российского «общественного договора», а также то, как он проявляется на самом нижнем уровне социума – в глухой провинции. Мир Маржохова герметичный, немного искусственный, но при всей гротесковости все типажи хорошо знакомы и правдиво написаны, в каждом из них можно найти частичку каждого из нас.

Автор прошел суровую жизненную школу, побывал на самом дне, но не сломался, не разложился, не опустил. И подобно тому, как в домене вместе с рудой переплавляют металлолом и всякий хлам в новый созидательный материал, переплавил в своей душе все невзгоды, злоключения и страдания, сохранил цельность натуры, поднялся вновь в рост, обретая бесценный опыт и желание поведать о людях, встреченных им на жизненном пути.

Его персонажи будто бы выхвачены из гущи наших будней, каждый со своим нравом, своими особенностями, хитростями и уловками. Выписаны они скупой, малой кистью, но рельефно, емко, и в совокупности создают впечатление объемной панорамы.

(Из аннотации к книге «Каверна»)

Информационный повод для данной публикации создала группа студентов Северо-Кавказского государственного института искусств.

Прочитав роман Тенгиза Маржохова «Каверна», они пожелали встретиться с автором. Вместо предполагаемого часа общения длилось полдня. Говорили о книге и «за жизнь», на прямые вопросы были даны честные, искренние ответы.

– Вы определили «Каверну» как больничный роман, но в нем мы видим не только лечебницу для больных туберкулезом. Там и сцены из жизни заключенных, и Нальчик десятилетней давности...

Такого правдивого, приближенного к действительности произведения мы еще не встречали. Оно удивило своей реалистичностью. Критики характеризуют роман как гротескную прозу, но, на наш взгляд, ничего «уродливо-комического, причудливого или фантастического», чем определяется гротеск, в тексте нет. Или мы этого не заметили, не распознали?

– Намерения что-то утрировать, преувеличивать у меня не было. Хотелось рассказать правду. Считаю, правда жизни всегда удивительней и красочней, чем любой вымысел. К тому же было желание не просто показать, осветить тот или иной темный угол – может, кто-то и не захочет туда заглядывать. Первым мотивом было донести, передать опыт реабилитации тяжелой хронической болезни.

Когда я показал материал знакомым литераторам и литературоведам, текст вызвал у них некоторый шок. Они не одобрили идею публикации – слишком откровенные сцены, слишком все оголено. Однако книга увидела свет при содействии государства, а именно при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы).

Путь к этой личной победе был долгим.

Началось все с мыслей, которые просились на бумагу. Чтобы не забыть собственные впечатления о людях и обстоятельствах, начал вести записи. Сначала появился небольшой рассказик «Термос» – из детства. Писал его как школьное сочинение, ведь опыта никакого не было.

Затем возникло еще несколько рассказов. В 2012 году показал их в редакции журнала «Литературная Кабардино-Балкария», кое-что было опубликовано в этом издании.

Знакомый литератор, ознакомившись с текстами, сказал, что большего толку с рассказов не будет. Если появится что-то объемное, написанное интересно, толково, тогда можно обсуждать. Этот разговор послужил катализатором для дальнейших действий – я решил перейти к крупной литературной форме.

Период лечения от тяжелой болезни в Нальчике и в московской клинике, некоторые воспоминания о прошлом из лихих 90-х, странная любовь, которую подкинула жизнь, и от которой бросало то в жар, то в холод, – вот что составило сюжетные линии романа.

За два года все было готово, но содействия в продвижении проекта ждать было неоткуда. Однако мне хотелось донести до людей своего «первенца», ведь знакомым, которые читали роман в рукописи, он был интересен.

Решение проблемы было найдено благодаря личным связям – они определяют многое в нашей жизни. По совету моего дяди – известного литератора Генгиза Адыгова – в 2015 году я представил несколько рассказов для участия в конкурсе молодых писателей республик Северного Кавказа, который проводил Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ С. А. Филатова.

Молодые писатели северокавказского региона неделю жили в нальчикском отеле «Синдика», занимались на обучающих семинарах, общались с известными литераторами, критиками. Этот форум дал мне очень много. По итогам мероприятия какие-то произведения молодых авторов вошли в литературный сборник, кто-то из участников получил возможность позаниматься в писательской школе в подмосковных Липках, а мне сообщили, что я «созрел» для издания авторской книги.

Решился заявить, что у меня есть не только рассказы, но и роман. Когда мне позвонили из Москвы, сказали, что, несмотря на неплохие рассказы, будут издавать роман «Каверна», это даже не обсуждается.

Отредактировал текст еще раз, по-новому его структурировал и отправил.

Роман издан в 2016 году в рамках программы «Молодые писатели России» Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ. Книга вышла с обложкой работы Натальи Черновой. Текст, к сожалению, не подвергался ни редакторской, ни корректорской правке, так как в рамках проекта «все произведения публикуются в авторской редакции». Это несколько огорчило, но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. И на том спасибо.

Тысяча экземпляров – это приличный тираж, из которого мне было выделено 100 авторских экземпляров. Книги я раздал родственникам и друзьям, часть выставил на продажу в магазин «Букинист» на улице Байсултанова.

– Признаться, поначалу читать текст тяжело. Это происходит из-за иногда непонятных выражений из тюремного жаргона, из-за наличия ненормативной лексики, которая иногда «проскакивает» в тексте в слабо завуалированном виде, а также по причине многочисленных орфографических, стилистических и пунктуационных ошибок. Но потом, как говорят снайперы, «глаз замыливается», начинаешь воспринимать только содержание, не придавая значения текстовым погрешностям, и увлекаешься чтением.

Вы явно не филолог. А кто Вы по образованию, если оно (кроме школы) у вас есть? И кем вы работаете сейчас?

– В настоящее время работаю в электросети, точнее, в МУП «Каббалккоммунэнерго» в должности заместителя начальника отдела энергобаланса. Работа интересная, по большей части кабинетная, выполняю функции административно-технического персонала. Хотя бывает и выездная работа, приходится бывать на объектах электросетевого хозяйства, на трансформаторных подстанциях. Такое разнообразие только бодрит, это полезно, чтоб не прирасти к креслу. В общем, работа мне нравится, коллектив хороший, дружный.

Я уже говорил, что в романе практически нет вымысла. Там я пишу, что являюсь выпускником Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии им. К. И. Скрябина (прошу не путать с однофамильцем-композитором). Константин Иванович Скрябин – всемирно известный биолог, академик Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда. И преподаватели у нас были замечательные.

Нас, студентов факультета товароведения и экспертизы сырья животного происхождения, коллеги с других факультетов в шутку называли «рога и копыта» – по аналогии с конторой в романе Ильфа и Петрова. На самом деле в сферу профессионального внимания такого инженера входит сырье животного происхождения от молока до пушнины. Сфера деятельности обширна – мясокомбинаты, зверофермы, фермерские хозяйства, торговые площадки по контролю качества и реализации кожи, меха, пушнины, шерсти – на отечественном и зарубежном рынках. На эту тему у меня тоже зреет рассказ. Например, о мальчиках и девочках-мажорах и о простых студентах, проживающих в общежитии. О том, как мы жили в период трансформации страны, когда начинали учиться в СССР, а заканчивали, получали дипломы уже в другом государстве. Материала интересного много.

– Один из персонажей романа удивляется тому, сколько информации хранится в вашей голове – о книгах и исторических событиях, о реальных людях и литературных персонажах, о живописи и явлениях природы.

Хорошая память необходима писателю. Что еще стало основой вашей тяги к творчеству, которое вытянуло вас наверх? Вы, по вашему собственному выражению, прошли по дну. Однако вы выкарабкались, «всплыли». Что послужило спасательным кругом?

– Таких кругов, наверное, много. Это и кавказское воспитание, и природные черты характера, и образование, и выработанное умение подмечать красоту в природе и в людях. Но главное, конечно, это родители, окружение, люди, с которыми я общался в детстве и юности.

Меня окружали представители творческой интеллигенции. В их числе – дядя по отцовской линии, писатель Мухамед Маржохов (Тенгиз Адыгов). Брат моей мамы Хасан Зангиев был художником, писал замечательные картины. Я с удовольствием посещал его мастерскую, наполненную холстами и кисточками, запахом красок.

С литературой я не связывал себя даже в мыслях. Если бы кто-то сказал, что я стану писать, посмеялся бы над этим фантазером.

Получая специфический жизненный опыт, я прошел свои университеты в известном читальном зале. Будучи в изоляции от общества, «поглощал» художественную литературу, книги по искусству, психологии, религии. Попадались и произведения «сидельцев», в том числе Александра Солженицина, Варлама Шаламова – его «Колымские рассказы», стихотворения, очерки, повести.

Размышлял, анализировал различные ситуации и поведение окружающих людей. Кто-то вызывал презрение, кто-то – уважение. Там, как говорят художники, прекрасная натура. Такие примеры преодоления исключительных трудностей, страшных невзгод, с одной стороны, и примеры ломки личности, разложения и деградации с другой. И со временем это начало из меня «выпирать».

Сейчас готовлю к публикации сборник рассказов «Лагерные этюды», ищу спонсора. Или, правильнее сказать, не ищу – если мое творчество будет интересно, будет востребовано, то найдутся люди и средства.

Надеюсь не спугнуть птицу удачи и продолжить публикацию своих произведений. Хочу рассказать об интереснейших судьбах, обладатели которых никогда не поднимутся над окружающей их действительностью и не возьмутся за перо и бумагу.

– Не страшно касаться тех личностей и тем?

– Я хорошо усвоил одно из основных правил той среды: «Говори только то, что сможешь повторить публично».

– Не возникало у Вас желания писать о другом, не о том, что вы видели, что пришлось пережить? Ведь много других интересных тем. Может быть, следует переключить внимание на них?

– Пара рассказов, опубликованных в журнале «Литературная Кабардино-Балкария», как раз о другом, и у меня еще есть подобные. Но, думаю, пока это – для других авторов. За колючей проволокой, где пишется своя история, действуют свои правила, культивируется свой кодекс чести, много таких тем, что не стоит переключать внимание на что-то иное.

Согласно статистике, за последние 20 лет наибольшее количество заключенных – свыше одного миллиона – было зафиксировано в 1997-2000 годах, а пик – 1,92 млн. человек – приходился на 2000 год. Как раз я попал в этот плавильный котел. Затем с каждым годом эта цифра снижалась. Сегодняшние показатели по количеству тюремного населения в РФ за счет гуманизации наказаний достигли исторических минимумов (около 500 тысяч человек). Хочется, чтобы этот позитивный процесс продолжился, а я постараюсь реализовать задуманное.

Не хочу метаться, занимать чужую нишу, ведь я еще не исчерпал этот источник. Мое стремление – показать, как на картине Николая Ярошенко, что – всюду жизнь.

Нургали ТЛУПОВ,
*председатель Совета ветеранов
войны и труда с.п. Герменчик*

В РЕПРЕССИЯХ УЦЕЛЕЛ, НО ВОЙНА НЕ ПОЩАДИЛА

Очерк

В семье Талиба Тлупова Жираслан был первенцем. В те годы старшие стремились учить своих детей грамоте, и Жираслана отец отдал в сельскую школу. Учился он охотно и прилежно, был замечательным вожаком молодежи, организатором первого пионерского отряда в селении Шалушка.

После окончания совпартшколы в Нальчике в середине 20-х годов Жираслан работал инструктором в обкоме комсомола, затем – заместителем заведующего отделом народного образования Кабардино-Балкарской автономной области, старшим преподавателем республиканской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы.

Одним из первых в республике Жираслан Тлупов окончил Ростовскую высшую партийную школу. Затем его направили в Баксан, где он работал директором МТС.

В 1937 году Жираслан Талибович был арестован. Ему предъявили какие-то нелепые обвинения. Исключили из колхоза и семью отца, жену

Марьян освободили от должности начальника отдела Каббалкпотребсоюза, брата Хаджимурата от должности директора третьекызбурунской школы.

Но, видимо, счастье не совсем обошло их стороной. Вскоре после ареста Бетала Калмыкова Жираслана оправдали, и он вернулся домой. После быстрой реабилитации Жираслана назначили председателем Каббалкпотребсоюза. И оттуда в 1941 году областная партийная организация и Нальчикский городской военкомат направили коммуниста Жираслана Тлупова на командно-политическую работу в 115-ю Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию.

Ростовская область, июль 1942 года. Здесь воины 115-ой кавдивизии вступили в жестокую схватку с гитлеровцами. Ведя непрерывные кровопролитные бои с превосходящими силами противника, дивизия несла тяжелые потери. В ноябре 1942 года из уцелевших подразделений 115-ой кавдивизии был сформирован истребительно-противотанковый дивизион, вошедший в 4-й кавалерийский корпус.

Выполняя приказ командующего Юго-Восточным фронтом генерал-полковника А. И. Еременко, более двух с половиной месяцев солдаты 4-го корпуса сражались на подступах к Сталинграду. Бои шли за каждую улицу, отдельный дом.

В часы кратковременного затишья политрук Ж. Т. Тлупов проводил партийные собрания и беседы, разъяснял каждому солдату боевые задачи. Здесь же принимали в ряды ВКП(б) лучших воинов, доказавших свою преданность Отчизне.

Жираслан говорил солдатам: «Пусть под Сталинградом нашими руками будет положено начало конца фашизму! Пусть скажут о каждом из нас, что он был в великой битве под Сталинградом. Ни шагу назад – таков приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, таков приказ Родины!»

Недолго пришлось ждать бойцам Ж. Тлупова очередной проверки мужества и стойкости. Из-за высоты ударили вражеские орудия. По полю поползли громады немецких танков. За ними замелькали зловещие фигуры гитлеровцев. Бой длился до глубокой ночи. Боевой рубеж остался у славных советских воинов. В поле догорали восемь вражеских танков. Враг не смог заставить отойти наших солдат и на следующий день, и через неделю.

С этим корпусом Жираслан принимал участие в окружении 330-тысячной группировки противника. В Сталинградском «котле» оказались войска двух немецких, двух румынских и итальянских армий. К началу февраля 1943 года окруженный противник был разгромлен. Советские войска взяли в плен более 91 тысячи солдат и офицеров, в том числе 24 генерала во главе с Паулюсом, накануне произведенным Гитлером в генерал-фельдмаршалы.

Жираслан со своими бойцами был активным участником Курской битвы. Победный бой с Курской дуги переместился далеко на запад. Знойными августовскими днями 1943 года солдаты Красной Армии уже утоляли жажду днепровской водой.

В эти тяжелые дни Жираслан всегда держал связь с Кабардино-Балкарией, с родными и друзьями. В пожелтевших листочках письма витает образ настоящего человека, преданного Родине, который беспокоится обо всех: матери и отце, бабушке, родственниках и соседях. Каждый раз лаконично сообщал, что жив-здоров, и спрашивал: «Как работают односельчане? Слышал, что наш колхоз признан самым передовым в работе. Дорогой отец, прошу организовать работу стариков так, чтобы они добрыми делами и мудрыми советами помогли фронту для быстрой победы над коварным врагом. Обо мне не беспокойтесь. Мы разобьем и уничтожим фашистских разбойников, тогда опять будем вместе, заживем мирной, счастливой жизнью. Пока жив – буду истреблять их всех. Если меня убьют, я и мертвым буду бороться с фашизмом. За Родину умереть не страшно».

В конце 1943 года Жираслана направляют на ускоренные курсы для подготовки командиров Красной Армии в город Харьков. По окончании курсов с отличием в звании старшего лейтенанта он был направлен в 93-й стрелковый полк 66-й гвардейской стрелковой дивизии 2-го Украинского фронта. По времени это совпало с подготовкой Корсунь-Шевченковской операции. Наступление наших войск было в начале января 1944 года.

Командир стрелковой роты 93-го полка Жираслан Тлупов из Герменчика, командир стрелкового взвода 3-го батальона старший лейтенант Шамсадин Бжедуг из Аргудана и начальник штаба 1-го стрелкового батальона капитан Авино Пинхасов из Нальчика дали друг другу клятву мстить фашистам за все злодеяния на советской земле и с победой вернуться в родную республику. Они пожали друг другу руки и разошлись по своим подразделениям.

Войска 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии И. С. Конева 5 января 1944 года перешли в наступление и прорвали оборону противника на Кировоградском направлении. После жестоких боев 8 января Кировоград был освобожден от врага.

В этот же день друг Жираслана Ш. М. Бжедуг пал смертью храбрых в бою за селение Нерубайка Александровского района Кировоградской области. Жираслан дал себе клятву отомстить за своего верного друга.

Разгорелся ожесточенный бой за селение Белозерка. Рвались гранаты, летели бутылки с горючей смесью, с шипением и свистом проносились снаряды, бушевало пламя.

– Приготовиться к атаке! – командовал командир роты Тлупов. Затем с криком «Вперед! За Родину, за Сталина, бей фашистов!» выскочил

из окопа и повел за собой бойцов. С криком «Ура!» бросились на врага наши бойцы, стреляя на ходу. Враг отступал, отстреливаясь. В этот миг, сраженный вражеской пулей, упал командир роты. Так погиб гвардии старший лейтенант Ж. Т. Тлупов 16 января 1944 года. На следующий день боевые друзья похоронили отважного командира. Тогда ему было только 34 года.

В письме родителям Жираслана командование 93-го полка, сообщая о героической смерти сына и представлении его к ордену Отечественной войны первой степени, писало: «Спасибо вам, дорогие родители, за то, что вы дали Родине настоящего советского патриота, стойкого и храброго защитника социалистических завоеваний. Ваш сын – герой, а герои живут вечно! Для нас он не умер. Его мужественный образ всегда будет с нами, в боевом строю. В памяти бойцов и командиров навсегда останется светлый образ целеустремленного и смелого человека».

В селении Белозерка на братской могиле, где похоронен Жираслан, стоит обелиск, на котором золотыми буквами выписано его имя.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Жираслан Талибович Тлупов награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой степени (посмертно) и медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», кроме того получил много благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

Жираслан мечтал, чтобы его дети стали образованными и культурными. Как бы ни было трудно, его мечту осуществила жена, Марьян Харуновна, заслуженный работник торговли РСФСР. Она дала детям достойное образование. Дочь Клара окончила в 1959 году КБГУ, работала учителем истории в школах города Нальчика. Сын Клим окончил в том же году сельскохозяйственную академию в Москве, работал начальником отдела министерства сельского хозяйства КБР, инспектором отдела министерства сельского хозяйства СССР по закупкам и качеству сельскохозяйственных продуктов по среднеазиатским республикам.

Они рано ушли из жизни – в феврале и июне 1998 года. Были они, как и их родители, добрыми, отзывчивыми, отдали все силы и знания работе.

СЛУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Смотрю на фото маленького, неприметного школьника-мальчишки. И кто бы мог подумать тогда, что из этого паренька выйдет настоящий боец, защитник Родины, генерал-майор?!

Писать о малознакомом человеке очень трудно, но листая его послужной список, читая архивные данные, статьи и очерки, написанные о нем разными людьми в разное время, кажется, что этот человек тебе знаком с детства. Судьба этого легендарного человека, да, да, именно легендарного, очень интересна и трагична. Интересна тем, что он прожил свою короткую жизнь, как настоящий мужчина, не боясь ничего и никого. Трагична тем, что он очень мало прожил и жил вдали от своих близких, родных ему людей. Не суждено было ему создать свою крепкую семью, родить продолжателей своего рода. Но сколько добра он сделал, скольким людям помог за свою короткую, но очень яркую жизнь!

Я знала Хасанша Барасбиевича, виделась с ним несколько раз в его родительском доме. Очень скромный, немногословный, я бы сказала, стеснительный, и с первого раза общения никак не подумаешь,

что внутренний мир этого человека так богат. Богат щедростью души, бесстрашием, самоотверженностью, преданностью не только сердцам любимых людей, но всей необъятной Родине, Отечеству. Об этом говорят его многочисленные награды и то, что он дослужился до генерал-майора.

Родина в его понятии – это те люди, которые нуждались в его помощи. Родина – это для него *человечество*. Знакомый, малознакомый, совсем не знакомый – для Хасанша это не имело значения. Просто *человек*, и он должен поддержать, помочь, принять участие в его судьбе. Для него это было главным, и это было его призвание – служение *человечеству*.

А награды – наград он не искал, и эти ордена и медали для него были не столь важны... Важно – спасенные души, и то, что он прожил всю свою жизнь по совести.

Написать книгу воспоминаний о генерал-майоре Х. Б. Баксанове попросила его сестра Фатима, с которой я дружу много лет. Фатима говорила о своем брате с гордостью и с большой любовью. С детства они были очень близки и делились всем сокровенным. Маленькие детские тайны, которыми они делились в детстве, переросли в настоящую, крепкую дружбу. Доверяя друг другу полностью, брат и сестра делились всем; может, это и потому, что у обоих не сложилась личная жизнь.

У Хасанша Барасбиевича есть единственная дочь – Руслана. Она живет на Украине. Не зная ее, я не могу сказать о ней ничего, хочется лишь верить, что память об отце, отце-герое и настоящем Человеке с большой буквы, будет жить в ее сердце всегда, поэтому она будет посещать его малую Родину – Кабардино-Балкарию, а значит, и ее Родину...

...Родительский дом, школа, учеба в ОПТУ № 2 гор. Баксана, Орджоникидзевское высшее военное общевойсковое училище, учеба в Военной академии им. М. В. Фрунзе, Академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ в Москве, и служба, служение Родине, от лейтенанта до генерал-майора. Обо всем этом и о многом другом, о нашем дорогом земляке Хасанше Барасбиевиче, который всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, расскажут вам страницы этой книги.

*Люда ЗАГАШТОКОВА,
заслуженный работник культуры КБР*

Облетает душа материнская поле сраженья

*Памяти солдат, павших
в Афганистане*

На афганской земле тишина – ни единого звука,
Пепелище кругом, удушающий запах и чад.

Здесь незримо промчалась со страшной косою старуха,
За собой оставляя тела молодых неокрепших солдат.

Каркнул ворон, кружась над недавно убитым солдатом.
Потерявшая сына, душою, все чувствует мать:
«Прочь отсюда лети! Сгинь же в Лету с войною проклятой!

Сколько лучших сынов полегло ни за что на чужбине?
Сколько боли война принесла, сколько горьких утрат?
Сын мой, чудится мне, ты среди тех, кто в афганской пустыне...
Вот, объятая раскрыв, мать спешит к одному из солдат,

Жаждет к сердцу прижать своему... безутешно рыданье...
Замечает (о, ужас!), что руки ее все в крови...
«О, Всевышний, за что посылаешь такие страдания? –
Не дано воскресить их моей безграничной любви!»

Облетает душа материнская поле сраженья:
«Нет в живых никого... Боже правый, что делать скажи!
О, родные мои, я бы рада за ваше спасенье
Без раздумий излишних отдать хоть сейчас свою жизнь!»

...Сон и явь вперемешку... стоит тишина гробовая,
Дым, окутавший землю, похож на туман... и опять
Предстает перед взором картина, мечты разбивая, –
Ей не счесть, сколько здесь обреченных навек замолчать...

«Наконец-то тебя отыскала, сыночек любимый,
Ты один среди многих, сраженных ударом судьбы.
И кого здесь оставить, и кого мне забрать в край родной?
Вы все – дети мои, раз вы дети родной Кабарды!»

Прижимает к груди одного за другим... Осторожно
Опускает на землю обратно и шепчет в тиши:
«Не корите меня, остается одна лишь возможность:
Вас оплакивать мне, дорогие, в далекой глуши...»

Перевод Розы Агоевой

Хасанш Барасбиевич Баксанов родился 19 июля 1959 года в сел. Кызбрун-3 Баксанского района КБ АССР, кабардинец. В 1966 году поступил в среднюю школу № 1 сел. Кызбурун-3 и окончил ее в 1976 году. После окончания школы с 1 сентября 1976-го по 25 мая 1977 года учился в СПТУ № 2 гор. Баксана.

В 1977 году через Баксанский РВК КБАССР поступил в Орджоникидзевское высшее военное общевойсковое командное училище и окончил его в 1981 году с присвоением первого офицерского звания «лейтенант» и диплома офицера с высшим специальным образованием по специальности «Инженер по эксплуатации гусеничных и колесных машин».

По окончании училища с сентября 1981 года проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА (Джелалабад) в должности командира разведывательного взвода – начальника разведки десантно-штурмового батальона 66-й ОМСБР.

В августе 1986 года ему присвоено воинское звание «капитан».

За оказание интернациональной помощи Х. Баксанов награжден двумя орденами Красной Звезды. С марта 1988-го по октябрь 1989 года проходил службу в должности командира разведывательного батальона 201-го мсд.

В феврале 1990 года ему присвоено очередное воинское звание «майор».

С октября 1990-го по февраль 1995 года проходил службу в должности командира разведывательного батальона 201-го мсд (гор. Душанбе Республика Таджикистан), ТркВО.

В январе 1992 года ему присвоено воинское звание «подполковник» досрочно; награжден орденом «За личное мужество» Указом Президента РФ от 15 января 1993 года.

С февраля 1995-го по декабрь 1996 года проходил службу в должности командира 191-го мсп (гор. Курган-Тюбе Республика Таджикистан), ПриВО.

В январе 1997 года ему присвоено очередное воинское звание «полковник».

В апреле 1998 года награжден орденом «За военные заслуги» (Указ Президента РФ от декабря 1997 года).

С августа 1999 года – заместитель командира 201-го мсд (гор. Душанбе Республика Таджикистан), ПриВО. В феврале 2000 года награжден орденом Мужества (Указ Президента РФ от декабря 1999 года).

Принимал непосредственное участие в боевых действиях в Афганистане и Таджикистане, в ходе которых получил 12 боевых ранений; воевал в Кабуле, Кундузе, Саланге, Кандагаре и в окрестностях этих городов.

До последнего времени генерал-майор Баксанов был заместителем командующего 35-й Армии Дальневосточного военного округа. По состоянию здоровья подал в отставку 19 августа 2007 года. В декабре 2008 года генерал-майор Хасанш Барасбиевич Баксанов ушел из жизни. Его имя – яркий пример для подрастающего поколения – помещено на Доску почета г. о. Баксан, которая была открыта 1 сентября 2008 года.

Борис ЗУМАКУЛОВ,

*Уполномоченный по правам человека
в Кабардино-Балкарской Республике;
полковник, ветеран войны в Афганистане*

С Хасаншем Баксановым я в Афганистане находился в одно время. Он показал себя как храбрый и мужественный воин, офицер и командир, способный вести за собой своих подчиненных. В боевой обстановке, решая самые сложные задачи, Баксанов обеспечивал результат с минимальными потерями. Солдаты его почитали как командира и уважали как доброго и отзывчивого человека. Прошло немало лет, и мы встретились с Хасаншем, когда он уже в звании генерала прибыл в отпуск на родину, но уже из Таджикистана, который был охвачен гражданской войной. Смотрел я на него и думал: «Надо же, на долю одного человека выпало столько испытаний. Он, наш соотечественник, прошедший через ужасы афганской войны, вновь был брошен на войну, которая была не менее жестокой». И генерал-лейтенант Баксанов, выполняя приказ руководства Российской Федерации, разводил противоборствующие стороны. И в том, что сегодня в братской стране – Таджикистане – мир и спокойствие, в этом большая заслуга Баксанова. Мне как полковнику советской армии, участнику войны в Афганистане, было приятно слышать от моих таджикских друзей слова благодарности за все, что сделал для таджикского народа мой боевой друг и брат Хасанш Барасбиевич Баксанов. Когда Баксанов вышел в отставку и прибыл в родную республику, мы, ветераны афганской войны, с большим почтением приняли его в свои ряды. Он много сделал для укрепления авторитета ветеранского Союза, повышения внимания властей к ветеранам Афганистана, социальной поддержки семей погибших воинов. Однако раны, полученные в Афганистане, спровоцировали тяжелую болезнь, приведшую к смерти генерала. Его похоронили с воинскими почестями в родном селении Дугулыбгей, а центральную улицу назвали именем Хасанша Баксанова. В школе, где он учился, открыта постоянно действующая выставка, посвященная его жизни и деятельности.

Сафарби БЕЙТУГАНОВ,
историк, писатель, философ

«Я В СЕБЯ ИНЫЕ ВЕЯНИЯ ВПИТАЛА...»

Очерк

Замысел нижеследующего очерка имеет кроме желания высказать некоторые соображения о творчестве поэта и познавательную направленность – «почти 30 лет писала «в стол» и что по этой причине читатель получил возможность узнать ее поэзию с большим опозданием». Увы, это правда. Однако бесспорно и другое – указанная возможность еще далеко не реализована.

Этим обстоятельством и продиктован предлагаемый вниманию читателя умозрительный экскурс в художественный публицистический мир поэта в некотором контексте литературы вообще.

Светлана Моттаева

«Сад камней»: к названию книги

Поэтическое восприятие поэтом реальности наиболее впечатляюще представлено книгой «Сад камней». Фигурально сказано, что театр начинается с вешалки. Можно констатировать: книга начинается с названия. В этой связи писатель Л. Н. Андреев сообщал И. А. Бунину: «Заглавие – все. Понимаешь? Публику надо бить в лоб и без промаху. Вот написал человек (Горький. – С. Б.) пьесу. Показывает мне. Вижу: «на дне жизни». Глупо, говорю. Плоско. Пиши просто: «На дне» и все. Понимаешь? Спас человека».

Разумеется, образом камня во многом навеяно и название упомянутой книги. Одновременно указывая и на прямую связь Моттаевой с творчеством Кулиева. Камень в качестве метафоры – творческая находка в балкарской поэзии. Казалось бы, что тут художественно ценного? Встречается на каждом шагу. Наиболее внимательный взгляд обнаруживает, что камень – антитеза упадка, распадка, смерти, что он есть символ единения, противоположности пыли, щебню, песку.

Камень имеет и мистическое значение. Отдельные ученые начало жизни на Земле связывают с камнями небесного происхождения – метеоритами. Кстати, в народном творчестве не ставится под сомнение живительное свойство камня. Неслучайно, что тот же камень стал пред-

течей Моттаевой: она как бы возвращается к предкам народа, продолжая начатое ее духовными предшественниками – Мечиевым и Кулиевым.

В стихотворении «Тамга» есть такие запоминающиеся строки: «К саду камней пришла я нелегкой тропой. И далее: В белых ромашках берег Череха застенчив, / Вечер языческий бродит по Саду Камней, / Слышу, как рядом на верхнебалкарском наречье / Мне о предтечах моих повествует ручей».

Камень – господствующая метафора в поэзии Моттаевой: прижимаясь трогательно «К своей земле многострадальной, / как к материнскому плечу», она преисполнена неизбывной благодарности:

*Все вынесшим камням бессмертным
Поклон свой низкий приношу.*

В них же мы находим и истоки творческого порыва:

*Я камней не встречала, подобных твоим,
Я рассветов подобных твоим не видала...
Ты мне крылья дала, стала небом моим.*

Справедливо мнение, что сад камней – олицетворение красоты и силы родной Балкарии, ставшие метафорами, а со временем и архетипами» (Тамара Биттирова).

«Земное первое мученье...» и рассудок

Глубокая и чистая привязанность ко всему, что дорого сердцу и нравственно значимо – сквозная тема поэта. Когда читаешь то или иное стихотворение, иной раз поначалу закрадывается сомнение в искренности лирического героя. Кажется, чуть ли не каждый второй поэт напишет, например:

*Жизнь коротка, а счастье быстротечно
С разлукой совладать я не могу,
И так любить, как я его, навечно.
Еще не доводилось никому.*

Но вот заключительные строки убеждающе волнуют:

*Так потерять, как я его теряю,
Еще не доводилось никому!*

Крупнейший русский историк В. О. Ключевский однажды зорко заметил: «Хорошая женщина, выходя замуж, обещает счастья, дурная – ждет его». Историки и поэты независимо друг от друга часто высказывают схожие мысли: первые – головой; вторые – сердцем.

*Не хочу ни хлеба, ни воды,
Не хочу ни моря, ни звезды,
Только хлебом,
морем
и звездой –
Я хочу быть для тебя такой!*

Любовь не была бы чувством и страстью, если бы не свойственная ей изменчивость. Лирический герой поэта с достоинством реагирует на метаморфозы чувств:

*И поняла: моей долины нет –
Нет во плоти такого идеала
А дни с тобой – от них простыл и след.*

И далее вместо обыкновенных слезных причитаний:

*Я их сожгла, а пепел разбросала
(«Я одну лишь голубую долину искала»).*

Измена, такая же быстротечная, как и любовь, сменяется вздорным и неподдельным раскаянием, но возврата в прежнюю обитель сладкой неги уже нет:

*Как этот снег, к тебе я холодна
И зря взойти мечтаешь ты на кручи...
Я просто тот высокий снег,
Что и владыке неба неподвластен.*

Отождествляя себя с высоким снегом, что неподвластен и небесному владыке, герой возвышается над грешным миром, «где нет ни истинного счастья, ни долговечной красоты» (Лермонтов) и сам готов дерзнуть на роль того самого владыки.

Лирический герой в любви неоплатоник, как и должно быть в физическом и морально здоровом сердце. Однако перед изменившимся обстановкой он может постоять за себя:

*Когда душа моя, ища опоры,
Ее в душе его не обрела,
Ушла я в тень (как не люблю я споры),
Себя в молчанье гордом превзошла.*

Последняя строка поразительно глубока. Сколько разбитых сердец и искалеченных жизней в мире любви и страстей. Немногим дано умение сказать:

*Прощай любовь!..
Испепелив себя в горниле лета,
Теперь пора и дух перевести.*

Жизнь на этом, конечно, не кончается, а продолжится в ожидании:

*Восторги заземлив,
Как живут
Без света
И без хлеба.*

Стихи Светы сугубо индивидуальны, однако в них слышны и мотивы постлюбовного настроения золотого и серебряного веков. У Надежды Тэффи читаем:

*Моей любви, моим устам –
Твоей любви не надо!*

Или И. И. Шкляревский («серебряный век простонародья»):

*«Стою одинокий: счастливый!..
Прохлада. Дорога пустая
И сердцу не надо любви.*

Разлука в любви не конец света, а свет в конце тоннеля:

*Когда была – тогда была,
Теперь уж нет,
Я траур по тебе сняла,
Я вижу свет!*

В этих и некоторых других стихах, написанных вдогонку ушедшей любви, больше оптимизма и надежды на грядущее, чем в цитированных для сравнения поэтах.

Мир любви – постоянная изменчивость: «непостижимая и внятная / И осязаемая вся!» Но вот что занимательно: предать любовь нельзя ни в каком ее проявлении! Поэт не удовлетворяется настоящим любви. Ее волнует будущее. Уже в пору расцвета любви, а она распускает лепестки в мгновение ока, ставится вопрос-тревога:

*А мы когда с тобой расстанемся?
Когда настанет этот час?*

Жизнь превыше чувств двух сердец. Их поступки, как и пути господни, неисповедимы. Влюбленным сердцам хочется большего, чем жизнь может дать. И, расставаясь, повиниться и покаяться – лучше, что дано в мимолетной судьбе, но этого лучшего достичь чувству почти не

удается. Все же отчаиваться рано: разум обнаруживается в претерпевшем и испытанном немислимые перегрузки и сладкое рабство сердца:

*Земных страстей и игр мы рабы,
Но, осознав величие рассудка,
Благой наш долг – круженью головы
Предпочитать учтивости науку.*

Как же тягостно это переходное состояние психики: в ней постепенно рождается холодный рассудок и даже воспоминаниям не остается места:

Нет тебя. Нет. И не надо (стон).

И далее следует заключительный аккорд, которым снимается камень с души:

Что это было? Не помню. И было ли что?

Душа живет чувствами, часто спотыкается и падает на крутых склонах и поворотах жизненного пути. И сама того не чувствует. Ее истинная правда рассчитана лишь на тот момент, когда она ее изрекает. Поэтому поэт душу, такую же мятежную, особо не упрекает, поскольку не поддавалась искушениям и не ударялась в грязь лицом. С такой душой прожить недолго и тяжело. И все же:

*Ты не боялась ран и нечисти,
В страстях и буйстве – высока,
Тебя не просто было вынести,
Но вот живу еще... пока...*

Любовь что подснежник. Не ведает, что ясная погода вдруг может обернуться ненастьем. Мало еще тепла для хрупкого создания природы, но без удержу вторгается в агрессивную среду черного ворона. Однако отвага и безумство росточка сродни поэту и вызывает в ней не тревогу, а восторг:

*Что за сердце в тебе не покорно?
Что за сила такая в тебе?*

Эти же слова без всяких скидок относятся к их автору.

Поэт и читатель

Чтение содержательных литературных текстов предполагает солидную и разностороннюю подготовку. Следует быть на дружеской ноге со словом на уровне поэта:

*Я Слово в степень возведу:
Оно кунак мой с небосвода.
И страждущей, себе в угоду
С ним нынче душу отведу.*

Подобное чувство посещало Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий... Ты один мне поддержка и опора...»

«Я знал одной лишь думы власть...»

Душа поэта не знает покоя. С ветки на ветку перелетает она. Есть чем поделиться и что рассказать о ней. Несется она по космическим магистралям и задворкам *опрокинутой вселенной*, на этих просторах без берегов и границ поэту дышится свободно, и он *думает думу свою*.

Постичь тайны мироздания, различных состояний бездонной человеческой психики – такой духовный и душевный склад поэта. Две строчки: «Я к астральным эмпириям / Далеко не равнодушна»... Но чтобы осуществить заветную мечту, следует осилить притяжение земли «согбенной». Цель невероятной трудности, но она только подогревает тягу к ней:

*И душа, вырываясь из плена,
На Эоловой арфе играет.*

Струны этой необыкновенной арфы неподвластны бесцветному исполнителю. Они издают чарующие звуки под воздействием повелителя ветров – Эола. На ином уровне душа поэта останется неизвестной читателю землей.

В творчестве поэта понятия *добро* и *зло* занимают значительное место. Во всех проявлениях человека они нерасторжимы. Вспомним: устами Моцарта Пушкин вопрошает: «А гений и злодейство – две вещи несовместные. Не правда ль?» Вопрос носит риторический характер. Между тем, противопоставление гения и злодея не выдерживает критики, поскольку может быть (и нередко бывает!) злодеем. Понимание истинной диалектики этой острой проблемы делает честь поэту. Вслушаемся в эти строки:

*Время проявит и ангела в демоне
В демона ангела преобразит («Время»).*

В этой увязке уместно отметить и видение поэта о том, что мир любви не только не свободен от конфликта добра и зла, но что он вообще без них невозможен:

*Любовь! Сквозь жизнь мою прошла ты,
Как дух добра и демон зла.*

Значит, добро и зло (ангел и демон) составляют единое целое даже в самом глубоком из чувств душевной привязанности. И, независимо от чьих-то предпочтений, в обеих ипостасях есть смысл, вне и без которых сама жизнь оказывается невозможна.

Время – сложнейшая философская категория. Все, что есть материально воспринимаемого, включая интеллигибельный и сенсигельный мир, в нем стремится к своей противоположности, к превращению (в индийской философии – сенсора) и существованию в иной форме. Для поэта главное – окунуться «в гремучий поток»:

*Чтоб у времени вырвать мгновение
Чтоб у счастья испить хоть глоток («Время»).*

Достижение искомого состояния немислимо, кроме как идя в ногу со временем – «Зацепиться хотя бы за мгновение одно» – это позволит «успеть насладиться творениями гениев», «чтобы из мира прекрасного этого мне не с пустыми руками уйти»... в небытие. Все это так. Но у поэта, как сказано выше, время и дьявол слиты.

Никакое сравнение нам не кажется резко контрастным с точки зрения субъективно принятого пиетета. В стихотворении «Даровавший крылья» есть чудная, полная философской глубины, строка: «О как летело время – дьявол...». Даже в «Демоне» Лермонтова этот надменный, но побежденный дух изгнания, занятый мелкими, мирскими слабостями – «Без упования и любви!..» – не отождествляется со временем, хотя он и один во Вселенной.

В остроконфликтной среде, где безраздельно господствуют добро и зло, поэт остается на стороне позитивного начала, но с некоторыми сомнениями на успехи последнего:

*На том, не ангельском плацдарме,
Где зла с добром не гложет бой,
Непросто в бой вести, как армии,
Сердца людские за собой.*

Велико искушение дьявола. Отсюда и совет-наставление:

*Будь добротою знаменитым
И злу не дай себя сломать.*

После непутовой жизни, толпу заботит лишь теплое местечко в загробном мире. Свободный дух, напротив полон другого – желания – остаться в Истории на плаву. «Тамга» – одно из базовых стихотворений. В ней «Вечер языческий бродит по Саду Камней». Языческая эпоха для памяти вовсе не пройденный этап. Она временами волнует душу: что ждет приверженцев далекой веры на том свете?

Существует предание, что какие-то части дерева Раубазы – языческого тотема, которому некогда поклонялся балкарский народ, до сих пор сохранилось у кого-то из жителей Верхней Балкарии. В стихотворении «Мольба, обращенная к ноябрю» дважды восклицательно упоминается этот тотем: «О ты, ноябрь, – Раубазы моей души», «О ты, ноябрь, – мой великий Раубазы!»

Относительно свободное от навязанной идеологии мироощущение прослеживается и в чувствах, вызванных при взгляде на цветущую вишню:

*Ее нарядом белым восхищаюсь,
Как перед Богом, перед нею каюсь.*

И это естественно. Вишня, как всякое растение в цвету, красива естественным блеском, которого лишены различные существа. Из библейских сказаний известно, как Христос ставил выше всех великолепных одеяний Соломона красоту лилии: «Посмотрите на полевые лилии, говорил Он, как они растут?.. Говорю вам, что и Соломон при всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

Поэт, возможно, не знакома с этим поучительным эпизодом, связанным с именем Христа, тем более примечательно ее ощущение естественной красоты, равное пониманию, приписываемому самому Господу.

Вероучение не всегда способно внушить человеку веру в потусторонний мир – ад, рай или чего-то еще. Она может посетить его с неожиданной стороны – от нежданно возникшего сильного чувства:

*Кто, как я, влюбленной не был,
Не поверит в ад и в рай.*

Взгляды поэта яснее представлены в ряде произведений. Проеретические мотивы – «с небом гордая вражда» – слышны в следующих строках:

*Мало, кто верит из ныне живущих – в рай,
Это химера. Лишь чаша лжи – через край.*

Или вопросы, бьющие не в бровь, а в глаз:

*Объясните, кому это надо
Обрекать на распятие жизнь?*

И сама жизнь порой кажется призрачным видением. Между жизнью и смертью грань стирается:

Да и жизнь тоже, в сущности, – смерть.

Чем это не погружение в нирвану? О мировоззренческих устоях поэта можно судить и по нижеследующему:

*Кавказ, ты болен.
Где он, твой целитель,
Творец Земли – и тверди, и воды?
Доколе ждать, когда тебя Учитель
Спасет и оградит от крови и беды?*

Как видно, нет сомнений в том, что остросоциальные проблемы региона и человечества в целом останутся без позитивного ответа с небес.

Вопрос о свободе вероисповедания, можно сказать, снят ответом Мотгаевой на вопрос журналиста Наталии Печоновой: «Вы верующий человек?» – «Да. Точнее, меня можно назвать агностиком». По определению, агностиком считается последователь агностицизма – учения, отрицающего возможность познания объективного мира и его закономерностей.

Взоры поэта, преодолев гравитационное поле земли, устремлены в космические дали. Вглядываясь в будущее научно-технического прогресса, она полна оптимизма:

*Ринутся люди в объятья созвездий,
В мир неизведанный и незнакомый...
Время настанет – людей поколенья
В звездных скопленьях дороги проложат,
И человеческой жизни мгновенья
На световые годы перемножат. («Человек»)*

Кроме художественного осмысления теории относительности, в этих словах просматривается возможность неопределенного продолжительного по времени существования человека качественно новой стадии развития во Вселенной. Это еще не все:

Люди раздвинут Вселенной пределы.

Есть теория расширяющейся вселенной, но что потенциал сознания раскроется настолько, что когда-то сможет пересмотреть пока еще не обозначенные контуры Вселенной – эта дерзкая мысль, кажется, астрофизикой даже гипотетически еще не высказана! Возвращаясь к этой мысли, поэт надеется, что она не такая уж беспочвенная, поскольку:

*Рвется мысль людей неустрашимо
В беспредельности звездной высоты.*

Как бы там ни было, автор обнаруживает некоторую склонность к астрологии и предсказаниям, основанным на современном опыте постижения различных явлений в микро- и макрокосмосе:

*Постигаю долю звездочета,
Открываю новую планету,
Лишь пройдя орбитами почета,
Отбывают звездочеты в Лету.*

Поэтов всех времен и народов роднит чувство к своей земле, эпохе, взгляд на мир и жизнь людей, думы о быстротечной судьбе и грядущем. Нередко они высказывают по сути схожие мысли, но, разумеется, по-разному и с различной глубиной и оттенками в «Письме к женщине» Есенина читаем:

*С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.*

Есенина Моттаева, очевидно, знает превосходно. В одном из своих интервью она назвала его неповторимым. Эта существенная черта неповторимой поэзии должна быть принята во внимание, когда у поэтов, наделенных редким даром, речь идет о понимании и форме передачи одной и той же темы. К примеру, у Моттаевой, в своего рода письме женщины, адресованном читателю, сказано:

*Бытие мое – зал ожидания,
Правда, дальше куда – не пойму.*

Это обстоятельство вызвано общим с предшественником представлением поэта о будущем, которое окутано мраком неизвестности. Верой в предопределенность каждого шага и всей судьбы – в фатализм:

*На скрижалях судеб наших все
До последней прописано строчки.
Опровергнуть не в силах никто
Тот божественный заданный почерк.*

В четверостишии нет и в помине новозаветного апокалипсиса мистического пророчества о катастрофе, якобы ожидающей земное бытие человечества. Божественный заданный почерк не тождественен обскурантизму и всякого рода шарлатанству.

Поэзия старости

Людам по природе свойственна боязнь старости. Судьба такова, что у нее есть только два исхода: или умереть в молодых годах, или остаться в живых до преклонных лет. Бог может исполнить желания тех, кто боится

старости, но неожиданным образом это психологическое состояние не приносит облегчения и равно самоубийству. В стихотворении, посвященном прозаику и журналисту Баширу Гуляеву, драматизм жизненной ситуации передан конкретно, но с легкой укоризной, ориентирующей человека на оптимизм, когда ему душевно тяжело.

*Ты боялся старости. И что же?
В этом бог тебя не огорчил...
Над твоей могилой плачет дождик...*

У старости – свои прелести. Познать ее мир невозможно иначе, как преодолевая препятствия и злоключения, словно назло путнику созданные, чтобы перекрыть его дорогу к ней.

Поэт, конечно, не в восторге от того, что молодость сменится старостью, но относится к ней с философским спокойствием. Правда, не всякая старость ее устраивает:

*Если старость придет, – пусть она
Будет тихой, доброй и мудрой...*

Итальянский писатель Джованни Джакомо Казанова (1725–1798), – автор мемуаров – «История моей жизни». Моттаева в них обратила внимание на то место, где писатель высказал мысль о том, что «русский язык есть татарское наречие...» и назвала ее эпатажем Казановы. Он был энциклопедически образованным человеком (юрист, поэт, драматург, химик, переводчик, финансист, музыкант...). Не решаясь отрицать эпатаж Казановы, Моттаева ставит вопросы: «Чтобы жить в разных странах, надо было сделать немалые усилия для преодоления языкового барьера. И все же, почему он, Казанова, итальянец, говорит о «татарскости» великого русского языка? Может быть, это обусловлено проживанием его в Константинополе. Возможно, разгадка в этом?».

Эти, преимущественно, риторические вопросы обращены, прежде всего, к специалистам. Здесь же, думаю, для серьезного размышления уместно процитировать выдержки из эссе видного тюрколога, кумыка по национальности, Мурада Искандеровича Аджи (1944 г.р.) «Мы говорили на одном языке...»: «Я утверждаю: история России началась не в IX веке, не с мольбы славян «приходите княжить и владеть нами», а еще до Великого переселения народов – у истока стояли жители Древнего Алтая, наши предки, создавшие великую степную державу Дешт-и-Кипчак и утвердившие ее власть от Байкала до Атлантики. Им платили дань Западная Римская империя, Византия, Китай (факт, уже говорящий о многом)»; «Главенство культуры степняков в Европе продолжалось вплоть до инквизиции (выделено автором. – С. Б.), которую в XIII веке начала римская церковь»; «Западу удалось-таки закабалить великую

степь... иезуиты создали москвитам новый язык, чтобы те скорее забыли свое прошлое <...> Новый язык нарекли «славянский диалект», или «говор», для Москвы то был чужой язык»; «Наконец были готовы грамматика, словарь, буквы, и приступили к составлению разговорной речи. Задача не из легких. Дело повел Василий Кириллович Тредиаковский, католик из Астрахани, выпускник Сорбонны, будущий академик. Это он, выступив в 1726 году на заседании Российской Академии наук с докладом о новом языке для славянской России, образно говоря, из тюркского слова «языгъ» сделал русское «язык».

Свои соображения по затронутой сложной филологической проблеме М. И. Аджи подкрепляет семантикой слов из нынешней русской (славянской) лексики и тюркского тезауруса. И делает заключение: «Оппонентам советую его тихо проглотить, как глотают горькое лекарство...».

Поэт и общественное сознание: место и роль

*Глаголь мой земляк! От дождя твоих слов,
Быть может, зерно золотое родится,
И ты ниспровергнешь основы основ,
В историю впишешь, исправив, страницы.*

*Не молкни, шуми и спасай свою истину,
Героев Гайд-парка затми красноречием,
А вдруг да сумеешь филиппикой истовой
Очистить от скверны род человеческий!*

Заменяя здесь «земляка» на «язык», мы получим кредо поэта. Основное – спасти свою истину, посредством которой род человеческий очистится от скверны, не останавливаясь при этом перед ниспровержением основы основ общественной жизни, находящейся в упадочном состоянии.

Вызывает отвращение, когда люди услужливо падают ниц перед сильными мира сего. Такая позиция осложняет личную жизнь, сталкивает лбом с «коммунальной вандеей», разного рода интригами и препятствиями, лишает сна и покоя, но все это ничто перед всепоглощающим стремлением к свободе духа:

*Плачу за право быть собой
Покоем, счастьем, настроением,
Бешу их неповиновеньем,
Неподмандатною душой!*

Чувство брезгливости вызывает роль «раба простолюдина!» перед неким исполином. И когда поэту хищно намекают на это, становится

лишь смешно. Замечательно в этом отношении четверостишие из стихотворения «Ода моему наваждению»:

*Я свободна, как духи в зените,
Мои дни – они только мои!
На пороге побед и открытий
Словно знамя, парит мой наив.*

Счастье многолико. Сколько жалких созданий чувствуют себя несказанно счастливыми. Но по настоящему вправе называть себя счастливым лишь тот, кто при всех других злоключениях ведет независимый образ жизни, живя в человеческом обществе. Поэт вправе гордиться собой, восклицая:

*Я, воздавшая богам
За счастье быть всегда собой!*

У Пушкина и девятнадцатый век, и сердце этого сравнительно безобидного века – ужасны. У Блока двадцатый век – «воистину жестокий век». Отзыв написан не позднее 1918 года, а Вторая мировая война была еще впереди. Не тушуясь перед громкими именами, ибо боязнь перед авторитетами – это дань, которую платит невежество и робость, поставим вопрос: как же Моттаева реагирует на последние десятилетия того же двадцатого столетия?

*Ах, этот век обманчивый,
Во всем несносный век!*

Или:

*Кровью и потом земля пропиталась.
Черных потоков безжалостен бег...
Это такое нам время досталось
Нравом жестоким отмечен наш век.*

В наше время оголтелой бесцензурщины такое восклицание никого особо не удивит, но надо иметь в виду точную его дату – 23 мая 1984 года, эпоху застоя, когда подобная мысль воспринималась властями отщепенством, разрывом с коммунистической идеологией. И в этом ценность двустишия.

Свое место и роль в литературе, а следовательно, и в общественной жизни, поэт выразил в следующих словах:

*И суть моя не вечная
Как мир окрест большой,*

*Мне, кажется, отмечена
ТАМГОЮ вековой.*

И это скромно кажущаяся суть наполнена реальным смыслом. Сборник «Сад камней» содержит раздел «Женская философия». Из этого цикла отметим стихотворение того же периода, в котором недвусмысленно обозначена общественно активная авторская позиция:

*Еще за отчие пределы,
За малый край и всю страну,
Веду отчаянно и смело
Свою неженскую войну.*

Как писал прусский военный теоретик Клаузевиц; война есть продолжение политики иными средствами. А поскольку речь идет о неженской войне, требуется знание политики – искусства возможного. Отчаяние и смелость в данном случае не мешают поэту сохранить холодный ум. Нередки беседы с сердцем, которого она не склонна порицать, но также не готова воздать ему незаслуженной войной. Несмотря на раны, ссадины и ушибы, исходящие от него, находится внушительный аргумент в его защиту – ему по природе не дано избежать ошибок и заблуждений. Ставится лишь смягчающий «вину» вопрос:

*Мудрей ли тот,
Кто ставит на пути преграды,
Иль тот, кто движется в обход?*

Ницше как-то заметил: «Маленький человек, особенно поэт, – с каким жаром обвиняет он жизнь на словах!» Вовсе необязательно, особенно поэту, быть маленьким как человек. А тем более обвинять жизнь на словах – для этого он наделен сердцем. Этим сердцем, обогащенным разумом, Моттаева пристально вглядывается во все щели и расселины бытия, стремясь в чем-то упорядочить внутренний мир человека, хотя не очень уверена в положительном исходе. Она далека и от того, чтобы обвинять даже несладко сложившуюся жизнь, ни на словах, ни на деле. Напротив:

*Судьбе скажу свое спасибо я
За то, что сгинуть не дала бесследно... («Моя судьба»)*

Для характеристики жизненного и творческого пути поэта показателен эпиграф к стихотворению «Моя стезя»: «Нет, я не Байрон...» (М. Лермонтов). Подлинный поэт, каким, бесспорно, является Моттаева, идет своей непроторенной и не подлежащей повторению дорогой.

Она громко не заявляет о себе, сравниваясь с водопадом, туманами заоблачных вершин, зерном, пробивающимся сквозь почву, потоком, разливающимся лучисто. Но опасная судьба предназначена ей: стать капелькой гремучего водопада, частичкой дымки, плывущей по кругам, зерном, растворившемся в могучем стебле и лучиком в могучем потоке.

Во всем этом она оригинальна, попытка повторить ее, что не исключено, бесполезна и беспомощна. В. А. Жуковский обратил внимание на вздорность и вероятный трагический исход подобной затеи. Относительно художника Миллера, скопировавшего «Мадонну» Рафаэля, он писал: «...Надо быть или безрассудным или просто механическим маляром без души, чтобы осмелиться списывать эту «Мадонну»: один раз душе человеческой было дано подобное откровение; дважды случиться оно не может». Урок, для скрытых и узнаваемых плагиатов, которых, увы, немало в литературе, искусстве, науке и даже в политике.

Необыкновенное дарование и высокие жизненные принципы – это уже заявка на тягостно манящую личную жизнь. Шарль Бодлер как нельзя лучше определил место и роль поэта в обществе:

*Так, Поэт, ты паришь под грозой, в урагане,
Недоступный для стрел, непокорный судьбе,
Но ходить по земле среди свиста и брани
Исполинские крылья мешают тебе.*

Такова судьба поэта, который стоит того, чтобы читать его и перечитывать, но и она не остановит его до самого конца своего предназначения. В стихотворении «К Родине» из книги «Тамга» (1983 г.) содержатся программные строки:

*...И не властно время
Во мне рождение песни захлестнуть.*

Этой мыслью Светлана Мустафаевна жила в глухую пору застоя. Ей она верна и по настоящее время. Социально значимому поэту не чужда политика.

Известно, что «безграмотный человек стоит вне политики» (Ленин). Значительные поэты и писатели не только не обходят политику стороной, но часто в немалой степени оказывают влияние и на сам ход истории. Поэты как-то по-особому чувствуют свою родину. Непередаваема привязанность Моттаевой к отчему краю. Кажется, лучше не скажешь, чем Есенин: «Но более всего любовь к родному краю / Меня томила, мучила и жгла». Для сравнения процитируем Моттаеву:

*У родины просить прощенья я готова
За каждый сон дурной, приснившийся о ней.*

Контрастная, но, вероятно, равноценная передача одного и того же чувства. Не то, чтобы заслужить в чем-то упрек родины – боже сохрани, но даже совершенно невинный случай, как неприятное сновидение о ней, – реальный повод просить у нее прощения. Думаю, глубже и обнаженнее никем из поэтов любовь к родине не высказана.

У кого, как не у нее, есть больше права сказать:

*Я хочу, чтобы мы к судьбе Балкарии
Обрацались бы не на словах...
Через все расстрелянные годы
И через растоптанную честь,
Как переступить теперь народу,
Если у народа гордость есть.*

Автор как бы ненавязчиво рассуждает о настоящем и будущем своего народа. Но это – прием, который усиливает императивный заряд мысли. И мимо не пройти читателю, если он не разучился слушать и слышать.

У Балкарии, впрочем, как и у любого народа, есть недоброжелатели – как внешние, так и внутренние. Последние не менее опасны, так как они пользуются доверием простодушного слоя народа и, не разобравшись в хитросплетениях, могут последовать за носителями чуждой абсолютному большинству экстремистской идеологии.

Малочисленный народ, вписанный историей в государство многочисленного народа, вынужден находиться в его фарватере. Это положение всего болезненнее ощущается в переходные эпохи от одного общественно-экономического уклада к другому. Начатая из благих побуждений перестройка вызывала беспокойство у проницательных людей, в том числе из среды художественной интеллигенции. В стихотворении «На фоне ярости и шума» (25 марта 1989 г.) Моттаева восклицательную интонацию сменила на вопросительную:

*Свобода, гласность – перестройка!
А кто заплатит неустойку,
Вдруг, если снова не туда
Под флагом мира и труда?*

Значительно раньше, в 1986 году, когда надеждой о перестройке жила страна, Моттаева вспомнила слова средневекового французского поэта Эйсташа Дешана:

*У вас от господа права
У вас из золота слова,
У вас замки, у вас ключи,*

*У вас мечи и палачи,
Но есть на свете правда...*

Имея в виду не простых людей, конечно, Моттаева откровенно, но, главное, разобравшись в том, что к чему, писала:

*Что они сделали с нами,
С нашею явью и снами,
С прошлым и будущим тоже
И с настоящим, о Боже?!*

В конце стиха следует рефрен, которым усиливается и актуализируется его смысл:

*И понимают ли сами,
Что они сделали с нами?*

Сегодня уже бесспорно: не понимали, хотя зачинатель перестройки был уверен, что он ни больше и ни меньше, как «новое мышление для нашей страны и для всего мира». Мир перестройку не принял, а громадную (но не великую!) страну погубил. Вопрос, заданный поэтом, не требовал ответа. Все как будто ясно. «Но есть на свете правда». На нее она и уповала.

Редактор. Критик. Переводчик

Моттаева продолжительное время возглавляла редакцию балкарской художественной литературы в издательстве «Эльбрус». Находясь на этой ответственной должности, она оказала существенное влияние на развитие родной словесности. Свет на эту непростую проблему проливает свидетельство от первого лица – Светланы Мустафаевны. В статье «Набросок с натуры», посвященной Кайсыну Кулиеву, она попутно сообщает: «Зная Кайсына достаточно близко как его редактор, как издатель его книг на протяжении где-то двух десятков лет, я с уверенностью могу сказать, что бесперспективна попытка некоторых канонизировать его, как святого...».

Из этих слов можно также уверенно заявить, что никто не вправе претендовать на знание творчества Кулиева наравне с его редактором. Кто имеет достойное представление о кропотливом труде редактора, тот знает, каких усилий ему стоит работа над тем или иным текстом автора. Вероятно, Кулиев не стал исключением, не говоря уже о других, менее заметных поэтах и писателях.

В другой статье – «Кайсын оставил нам свои признания», указаны некоторые подробности совместной работы автора и редактора: «Работать с Кайсыном-поэтом было легко и просто, он не подавлял, не становился в величественную позу, не диктовал, как и что делать по

очередному сборнику. Мне довелось подготовить к изданию ряд его книг на родном языке...».

Последние дни поэта также в немалой степени наполнены именем редактора-сотрудника. Приводим выдержку из «Наброска с натуры»: «Помню его уже глуховатый голос в телефоне из московской клиники... Приеду в Чегем – позвоню, а ты привези сигнальный экземпляр моей книги...» (Сборник «Ночь и рассвет» – С. Б.).

В творческом амплуа поэта критика занимает значительное место. В этом качестве она проявляет себя бескомпромиссно и обнаруживает основательное знание рассматриваемых вопросов. Критик обыкновенно с годами тускнеет, становится беззубым, и даже прекращает заниматься этим видом неблагодарной деятельности. У Моттаевой острота слова все пронзительнее и масштабнее. Она, похоже, неподвластна времени и обстоятельствам:

*Старуха я. И знайте, нипочем,
Коли строка моя вам режет ухо,
А песня моя кажется бичом.*

Балкарская литературная критика в значительной степени обязана Моттаевой. И сегодня своим пером она верой и правдой служит родной словесности.

Чрезвычайно редко у кого из творческих работников ныне прочтешь такие строки:

*Бездарного сего факира
Не урезонит мудрый спич.*

*О муза пламенной сатиры,
Поддай мне Ювеналов бич!*

Услуги древнего римского поэта-сатирика Ювенала понадобились поэту для того, чтобы он, «слепой и безголосый», обделенный судьбой факир

*Умел бы ставить знак вопроса
Под собственной галиматьей!*

Оружие критики, которым поэт по совместительству профессионально владеет, причинило ей самой немало личных неприятностей, в том числе и материального характера. Но главное в другом: родная художественная литература осталась в выигрыше. Понятно поэтому ее страстное желание видеть критику и дальше на солидном уровне. Отсюда и озабоченность серым теперешним ее состоянием.

На вопрос корреспондента газеты «Горянка»: «Есть ли у нас литературная критика?», Светлана Мустафаевна ответила без обиняков: «Как таковой, критики в Кабардино-Балкарии нет, да и в условиях, когда соблюдается формула «ты – мне, я – тебе», сложно утвердиться критику. Лично у меня был горький опыт, когда за попытку анализа балкарского романа я была подвергнута хорошей выволочке». Далее приводится конкретный пример. Ее статья о проблемах балкарского романа «Востребовано временем», одобренная главным редактором В. Котляровым, была извлечена и заменена угодной статьей из журнала «Эльбрус», как того хотели оппоненты.

Возвращаясь к вопросам художественной критики, Моттаева в статье «Штрихи к моментам литературной жизни» пишет: «Меня волновало отсутствие смелых, активных критиков, способных идти на риск в отстаивании интересов литературы».

Будучи заведующей редакцией балкарской литературы книжного издательства «Эльбрус», ей «приходилось брать только лишь на себя ответственность при издании или отклонении рукописей». Это был продолжительный период «единоборства редактора с целой группой людей, сплоченных идеей борьбы за личные интересы в издательстве», которым были свойственны, говоря словами Моттаевой, узость тематики, типологическая монотонность, сюжетная вторичность, отсутствие самобытности и первозданности. Об этих недостатках велись беседы с авторами романов и других рукописей.

И каков же был итог искренних усилий? «Реакция, – пишет Моттаева, – почти во всех случаях была негативной. «Обиженные» авторы, не нашедшие в лице издательства и редактора поддержки, вместо того чтобы задуматься над своими промахами, предпринимали прямой или тайный демарш против... отвергающего «шедевры» национальной культуры...».

Спустя уже много лет после того непримиримого противостояния, есть резон поставить вопрос: как бы сегодня смотрелась балкарская

литература в жанрах поэзии и романа, если б в книжном издательстве «Эльбрус» не было такого квалифицированного, принципиально неуступчивого редактора, как Моттаева?

Но тогда редактору была объявлена холодная война, которая не имела ничего общего с художественным творчеством. Дело дошло до курьеза. Как вспоминает Светлана Мустафаевна, ей потом не раз отказывали в приеме в члены Союза писателей России. Результат псевдоголосования: девять – против, один – за.

Происками авторов, которым редактор хотела делать лишь одно добро и заодно – литературе народа, заставляя их глубже постигать тайны писательского мастерства, вызвано обостренное состояние души:

*Мне не внове ходить в изгоях,
На отшибе быть в стороне,
Автоном – это нечто такое,
Как чужак в незнакомой стране.*

И впору дать чувству свободу:

*На изгоя взбешенное стадо,
Пыль взметая, несется гуртом.*

Споры и противоположные оценки одних и тех же моментов деятельности творческих натур – обычное естественное состояние и двигатель художественного сознания вообще и конкретных народов, в частности. Полемика Моттаевой со своими коллегами по литературному цеху находится в русле российской и мировой критики.

Вот как, например, отзывається немецкий писатель Эдуард Энгель о романе своего соотечественника Томаса Манна «Будденброки»: «Не что иное, как два толстых тома, в которых автор описывает неинтересную историю неинтересных людей посредством неинтересной болтовни».

Литературный критик и публицист В. Г. Бондаренко пишет: «Откровенность могут позволить себе в России лишь гонимые: гонимые по духу своему... Откровенен Юрий Кузнецов, откровенен Александр Проханов, но они и есть гонимые сегодняшнего дня». Из откровения Юрия Кузнецова:

*Звать меня Кузнецов. Я один.
Остальные обман и подделка.*

Критический дух Моттаевой в своей основе гуманистичен, а сама подчеркнута скромна. И если бы она о себе сказала нечто подобное, вряд ли кто из настоящих ценителей художественного слова возразил бы – по существу.

Критика Моттаевой затрагивает самые различные вопросы материально-нравственного характера, культуры и искусства. Ей претят

унижающие человеческое достоинство хождения иных членов творческих Союзов по коридорам власти, выпрашивающих себе то или иное звание, награды.

Ласкает слух необычайно волнующая своей честностью и независимостью позиция:

*И по улицам в поисках славы
Не шатаются строки мои,
И не стану я петь для забавы
В гуще ярмарочной толчеи («Моему оппоненту»).*

Возвращаясь к злободневной теме, которая захлестывает все больший круг людей, поэт пишет в стихотворении «Соискателю всего и вся»:

*Он счастлив, весел и беспечен,
А все затем, что изначально,
Еще при жизни обеспечил
Себя доской мемориальной.*

Среди этих соискателей не найти и с фонарем Диогена ни одного, кто подобно Маяковскому, скажет: «Мне наплевать на бронзы многопудье...».

Категория любителей славы – это интеллектуально низкая порода людей, но и они предпочтительнее перед носителями массовой культуры, точнее бескультурья масс, поскольку последние духовно и морально обезоруживающе действуют на широкую столичную и провинциальную зрительскую аудиторию:

*Да вот беда – симфонии не в моде,
Того печальней, что в почете кич.
Так что ж теперь, и Моцарт нам не Моцарт?

И с этим я неужто соглашусь?
Но лжеорфеи заслонили солнце,
Творя с благословения лжемуз.*

Хочется еще привести несколько строк из «Сентиментальной поэмы» (1985), в которых основательной критике подвергается массовая культура, которая тогда еще только набирала обороты:

*Бурный век нам все на свете перепутал,
И эфир грохочет, как морской прилив.
Объясняют мне, что лязг хэви-металла,
Рев хард-рока – это музыка... Увы!
Я в себя иные веяния впитала*

.....

*Пусть же юноши бушуют и резвятся
В диких ритмах обалденной маеты, –
Ни за что я не желаю отказаться
От романтики, от песни, от мечты
Пусть эфир ночные звуки взбаламутит,
Пусть гремит он, как лавина, как обвал, –
Я хочу, чтоб человек, а не компьютер
Мне Бетховена и Моцарта сыграл.*

Чехов был слишком оптимистичен, когда в уста доктора Астрова (пьеса «Дядя Ваня») вложил требование: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Достаточно иметь прекрасную душу, а уж она позаботится об остальных составляющих, в том числе и об иной одежде, к которой у поэта почтительное отношение. Нередко посредственные и внутренне бесцветные субъекты одеваются в цветные и крикливые одежды, чтобы придать себе хотя бы внешнюю значимость. Так, папаха для горца – традиционный знак мужества и мудрости. Когда же ею щеголяет выскочка, поэт резонно ставит убийственный вопрос: твоя ли голова под такой благородной папашой?

Сказано: «Было бы сердце, а печали найдутся» (Ключевский).

Состоянием души поэта объясняется его отношение к окружающей действительности. Перед ним нередко без вины виноваты не только лица из круга его общения в настоящем и прошлом, но даже горы, моря, деревья, виды транспорта... к примеру, поезда. Не потому, что они везут пассажиров к месту назначения – их монотонно убаюкивающий перестук напоминает Моттаевой тягостный для балкарского народа период. Они «виноваты» перед ней «...за печально памятные года» – поры, «бедой жестокой опаленной».

Моттаева не пустится вслед за теми, кто очертя голову гонится за золотым тельцом. В то же время она против другой крайности:

*Себе побольше – это тяжкий грех,
А ничего – то чудаков удел.*

Великим личностям случается превращать довольно банальные истины в проблему. «Существует мнение, – писал Гете, – что между крайними точками зрения лежит истина. Никаким образом! Между ними лежит проблема». В данном конкретном случае истина переходит как раз посередине крайностей.

Продолжением этому служит и продолжение стихотворения:

*Но ради благ сжигать себя дотла –
Не для меня, отнюдь, не для меня.*

Переводы произведений писателей и поэтов на русский язык – серьезная проблема. Моттаева указывает на тот факт, что «критики, рассматривающей и подвергающей строгому (особенно языковому, лексическому!) анализу работ переводчиков, пока не видим»; «знатоков всех тонкостей русского языка единицы, тем более нет и критиков соответствующей подготовки».

Здесь хотелось бы особо подчеркнуть важную деталь: и переводы не дают ожидаемого автором резонанса: круг читателей остается почти одним и тем же, что и на родном языке, поскольку, как справедливо отмечает Моттаева: «Издания на русском языке национальных авторов столичные критики обходят стороной». Причина такого положения двоякая: шовинистическая слепота, с одной стороны, и провинциальная замкнутость, глубоко не затрагивающая принципиально важных вопросов жизни и общества – с другой.

Можно сделаться жалким провинциалом в столице и достигнуть столичного и, более того – нобелевского уровня, находясь в провинции. Остро высмеивая тех, кто столицу предпочитает провинции и которым невдомек, что «в России центр на периферии» (Ключевский), Моттаева пишет в «Провинциальной штучке»:

*Пророка нет в своей отчизне,
Но чтоб признал тебя сосед,
Во славу родины и жизни
Спеши в столице преуспеть.*

.....
*Друзья с укором: «Появиться
Тебе в столице надо бы!»
Не ратовать за справедливость,
Не становиться на дыбы.*

В обстановке острого дефицита наличие в родной словесности своего поэта-билингва, каким является Моттаева, – встречается довольно редко.

Поэт-билингв выгодно отличается от переводчиков, которым оригинал не доступен и которые вынуждены пользоваться подстрочником. Переводы последних похожи на отзыв новозеландского литературоведа Брайана Бойда: «Набоков перевел «Онегина с русского, но не на английский». Касаясь литературы малочисленных наций, можно сказать, что перевод делается не с оригинала. А значит, тождественно – ни на какой язык. В отличие от тех, кто обречен иметь дело с русскоязычными переводчиками, роду балкарских и некоторых других поэтов повезло: они переведены Моттаевой.

Хаишат КУНИЖЕВА,
член СП России

Ум не покупают. Этот дар
От рожденья человеку дан.
Плох ли нет – а не найдешь другого,
По нему и судим мы любого.

Доброта не каждому дана
И купить нельзя: не продается.
Но коль есть в избытке, то она
И в жестоком сердце отзовется.

Невозможно мужество купить,
Так же, как и честь – они едины.
Только свойства эти могут быть
В сердце настоящего мужчины.

Это все в народных песнях есть,
Мы об этом слышим с колыбели.
Сохранишь – хвала тебе и честь,
Растеряешь – не вернешь потери.

Наши старые песни

О, старые песни моей Кабарды!
Из тысяч мелодий – светлей и печальней
Не слышала я... Вы со мной изначально –
И в радостный час, и в минуту беды.

Без слов понимаю. Без слов не могу
Ни слушать, ни петь, в ваши тайны вникая.
Как дар неземной, что зовет и сжигает,
В душе этот древний мотив берегу.

И образы предков восходят из тьмы...
Они, как и мы, безграничны в мечтаньях,
Душою светлы – и безгрешны в желаньях,
И в помыслах так же чисты, как и мы...

Перевод с кабардинского Татьяны Веселовой

Владимир ЗАРУБИН,
член СП России

Владимир Сергеевич Зарубин родился 12 мая 1938 года в г. Баку. Стихи начал писать еще в Бакинском мореходном училище, в середине учебы. Впервые напечатался в газете в 1956 г. С тех пор – регулярно – во всех пяти бакинских газетах, а с 1962 г. – в журнале «Литературный Азербайджан». В молодости много ездил по стране, трудился на стройках Сибири, плавал по Енисею и немного на Дальнем Востоке, где тоже печатался в местной прессе. С 1965 по 2008 гг. работал механиком на Каспийском нефтегазовом флоте. Публиковался в «Комсомольской правде», выступал по московскому радио и неоднократно – по бакинскому. Занимался переводами с азербайджанского. Победитель и лауреат трех бакинских поэтических фестивалей. Соавтор нескольких коллективных сборников. Автор большой (467 страниц) книги стихотворений «Татьянин день», избранного. Член Союза писателей Азербайджана. С 2008 г. живет в г. Майском, откуда родом его супруга. С 2016 года – член Союза писателей России.

Редакция «ЛКБ» поздравляет нашего постоянного автора с 80-летним юбилеем и желает ему крепкого здоровья, творческого долголетия и новых книг!

Благодарственный сонет

Спасибо вам, соратники по цеху –
Российские собратья по перу,
За лестную оценку, как за вѣху,
Как за вершину, что сейчас беру!

Всю жизнь серьезно, а не на потеху,
Я вел со словом честную игру,
И рад такому важному успеху,
Что, видимо, пришелся ко двору.

И мне теперь необходимо очень,
Осуществляя творческую связь,
Найти резерв, напрячься что есть мочи,

Но оправдать, полученный от вас,
Покоя не дающий дни и ночи,
Своеобразный дорогóй аванс.

Среди нагроможденья
Полярных льдов и скал
В день моего рожденья
Знак деревянный встал.

Прославленный Русанов
На боте «Геркулес»
У мест у этих самых
Таинственно исчез.

В архипелаге Мона,
А может быть, Мона́,
Во мгле того района,
Как «белого пятна».

Его искали долго
По косвенным следам,
Еще не зная толком,
Что обнаружат там.

Следы смеялись: «На-кась!»,
И вдруг, на острове –

Столб и доска, и надпись
Железом по доске.

Единственное слово,
Что золота на вес,
Звучащее сурово,
Но гордо: «Геркулес»!

С тринадцатого года
Тот старый знак был как
Маяк для морехода,
Как «Геркулеса» флаг.

А через четверть века
Подправили его,
С тех пор стоит, как вежа,
Как духа торжество.

Про бот напоминая
И – датой – возраст мой:
Двенадцатое мая,
И год – тридцать восьмой.

Не успеваю... Не успеваю...
За суетою, за маетою
Ослабеваю, вдруг забываю
Слово простое, но золотое.

Уйму хотелось – сделано мало,
Как говорится, ходишь по краю.
Если бы время все понимало!
Не успеваю... Не успеваю...

Слышится чудно – пишется трудно,
Может, не сто́ит мучить бумагу,
Чтоб с облегченьем и обоюдно
Больше – ни строчки, дальше – ни шагу!

Господи, разве это возможно,
Если не мыслю жизни иначе,

Чем безоглядно, хоть безнадежно,
Музами грезить, веря в удачу!

Счастье и в этом тоже, наверно –
Сжать себя в главном, неистребимом,
И раствориться самозабвенно
В деле желанном, в самом любимом.

Вот и пытаюсь крылья расправить,
То загораюсь, то остываю,
Только оставить слово на память
Не успеваю... Не успеваю...

БАЯТЫ¹

1

Если стрóчки хороши́,
Без отсрóчки запиши –
Пусть впитается навеки
В те листóчки след души.

Но По́ле Зна́нья, где сплóшь
каме́нья,
До сере́дины не прополóть.

2

Нам вода́ и огонь или «медь» –
Ерунда́, но действительно ведь:
Не врага, а себя, дорогого,
Иногда́ нелегко одолеть.

5
Недолговéчно наше сердце,
Здесь и аптéчка – вря́д ли
средство,
Себя растратив бескорыстно,
Сгорит, как свéчка от усердства.

3

Того, кто в бра́ке много лет,
Без ссор и дра́ки, слез и бед,
Ведут Любо́вь и Провиде́нье,
Даря во мра́ке свет и след.

6
Сладко в у́ши льется лесть,
Прямо в ду́шу хочет влезть,
Унижая ради кресла
Или ку́ша даже честь.

4

Пока еди́ны душа́ и плоть –
Нам гнуть се́дины до срóка
вплоть,

7

Если во всем злопыхатей пруд,
Что в унисо́н беззастенчиво врут,

¹ Разновидность средневековой восточной поэзии, где кроме обычных, концевых рифм, обязательны ещё и внутренние рифмы.

Если завистников хор не смолкает –
Значит весóm твой талантливый
труд.

8

Бесóвским fráзам веря, человек
Теряет рáзум, пищу и ночлег,
А он, от скверны очищая душу,
Беречь обяза́н свой земной ковчег.

9

Как ни тру́дно, но в дому
Многoлюдно потому,
Что под старость неуютно
Абсолютно одному.

10

Есть у власте́й такой поро́к:
Что ни зате́й – стеной поро́г,
А кто последствия предвídит –
Враг их страсте́й, а не проро́к.

11

Кости но́ют к непогоде,
Руки мо́ют в обиходе,
Тайно пряча что-нибудь –
Яму ро́ют в огороде.

12

Правд мно́го – истина одна,
От Бо́га, а не от вина,
Не всем, однако, в этом мире
Доро́га к ней освещена.

О М А Р

*Памяти знаменитого балкарского певца,
исполнителя народных песен Омара Отарова*

Как гордый сын народа гор,
Стремивший в суть вещей свой взор,
Судьбу вложивший в песен жар –
Таким нам помнится Омар.

Познавший ка́верзы врагов
И тяжесть жизненных шагов,
Держал он голову, как флаг,
Не сник, не скиснул, не размяк!

Он и сего́дня нужен нам,
Тём, что вершиной был он са́м,
Его душа и в на́с поет
И чище делает народ.

Перевод с балкарского стихотворения Алия Атабиева

Я плавал механиком свыше полвека —
Но это была трудовая проверка,
Экзамен на прочность, как в жизни у всех.
Теперь же, еще далеко не на лаврах,
Держу его снова, с другими на равных,
Мечтая пройти неизбежный отсев.
И если останусь хотя бы строкой,
То, значит, достоин награды такой.

Я был загорелый и крепкий,
Ничем не болевший всерьез,
Под солнцем ходивший без кепки,
Без шапки встречавший мороз.

Суровой Сибирью дубленный,
Сеченый в каспийских штормах,
Как все, временами влюбленный,
Летевший на полный размах.

Восьмую десятку добивший,
Еще не уставший вконец,
Не будущий, но и не бывший,
А нынешний стойкий боец.

Весенний по рождению своему,
Из всех времен люблю я больше осень,
И никогда не задаюсь вопросом —
Откуда это все и почему.

А может оттого, что русский гений,
В Михайловском томившийся селе,
Со светлую печалью на челе
Природу призывал для вдохновений.

И осень отвечает мне добром,
На память золотые листья тратя,
Водя великодушно по тетради
Поэзии серебряным пером.

Я сейчас жалею очень,
Что в недавние года
Был собою озабочен,
А другими – не всегда.

Тех, кого в союзе с ленью,
Лишний раз не посетил,
И которым, к сожаленью,
Я стихов не посвятил.

Мне казалось, наверстаю:
Все – в порядке, не больны,
А теперь – душа пустая,
Словно после той войны.

И остались единицы,
Не забывшие меня,
С кем приятно поделиться
Строчкой, стопочкой огня.

Наше братство поредело –
Нет ни рядом, ни в живых,
Многих, нужных до предела
В новых буднях грозových.

Пообщаться задушевно,
Даже просто помолчать,
Зная точно совершенно,
Что увидимся опять.

Глухая ночь-колдунья
Присела у окна –
Печальные раздумья
Навевала она.

А мне еще немного
Хотелось бы пройти.

Ушли десятилетия
И тихо спят вдали,
Большими стали дети,
И внуки подросли.

Не три-четыре шага,
А ровно столько, чтоб
Усталая бумага
Прошелестела: «Стоп!»

У них – своя дорога,
И все, что впереди,

И, вѣронив навечно
Истертое перо –
Оставить мир беспечный
Живущим на добрѳ.

Я знаю, что уйду безвестным
И принимаю все спокойно –
В своем занятии словесном,
Что, как искусство, многослойно,
Каким-то образом чудесным
Надеюсь выглядеть достойно.

Не обижаясь на фортуна,
По мере сил, творю неспешно
Лишь мне присущую фактуру,

Не гениальную, конечно,
Но, слава богу, не халтуру,
Слегка прилизанную внешне.

Так и живу на этом свете,
Отдельно, словно через стéну,
От тех, заполонивших «Сéти»,
Кто, сам себе завысив цéну,
Вовсю спешит по всей планете
На мировую авансцену.

Мои начинания видя воочию,
Когда-то друзья мне шутливо пророчили
Карьеру спортсмена, поэта, художника,
И да́же чегó-то оснóвположника.

На свете в живых никого из них нёт уже -
Лишь старые фóто желтеют без ретуши,
И вот, в благодарность своим вдохновителям,
Служу я их памяти светлой хранителем.

Если сплю я на правом боку – ничего мне не снится,
А на левом – сердечные, теплые вíдятся сны,
В них – ушедших родных и друзей улыбаются лица,
Жаль, что та́ют бесследно они поу́тру сквозь ресницы,
Только искренней болью и горечью чувства полны́.

Дорогие мои, обо мне не волнуйтесь особо –
Мне неплохо пока под сиянием солнца и звезд,
Хоть порой устаю рифмовать, доходя до озноба,
Жаль, что муза моя – своенравная очень особа –
Залетает на миг, исчезая за тысячи верст.

Никогда ни коллег, ни хороших людей не порóча,
И надеясь на то́, что для многих из них не чужой,
Я прощенья прошу, коль обидел кого не нарочно.
Жаль, что ночи и дни, с виду – те́ же, но́ – словно короче,
И так по́здно приходит гармония тела с душой.

*Петр ХАТУ,
член СП России*

В этом мире, где все очень зыбко,
где все можно купить и продать,
где фальшивы слеза и улыбка,
где привыкли хитрить все и лгать,
где немало горюет изгоев,
недовольных судьбою своей,
и где сказочных нету героев,
или просто счастливых людей,
но бывает в толпе неприметных
я людей замечаю простых,
одиноких совсем, многодетных,
силе духа завидуя их.
Это значит и мне надо тоже,
понапрасну судьбу не виня,
быть на них силой духа похожим,
и все горести выдержу я!

Миражи

Жизнь порою, как бездонная дыра:
затянула и не вылезти никак.
Безнадежна бесконечная хандра,
а вокруг лишь беспросветный мрак.

Миражи лишь утешают иногда.
Вот мерещится колодец, двор наш, дом.
Льется в желоб животворная вода,
дремлет пес наш – благодать кругом.

А вот в нашей городской большой дыре
душит душу беспрерывный зной.
Нет сил и дальше жить здесь мне,
изведусь печалью и тоской.

Изведусь в печали, изведусь...
Иль возьму однажды и взорвусь!

Звездопад

Снова с неба звезды падают,
чьи-то души в прах сжигая,
но они меня не радуют,
на прощание мигая.

С детства я поверья слушал
и наивно понимал:
это значит чьи-то души
Бог безвременно забрал.

Но с годами стал уверенней,
что напрасно мне гадать
и старинным я повериям
разучился доверять.

Чужих успехов опыт не по мне,
я громкой славы испокон чураюсь,
и, как могу, в поэзии стараясь
доступным быть, рекламной славы вне.

Чужих успехов опыт не по мне.
Златая нить словесного гламура
не может подкупить мою натуру,
живет она от славы в стороне.

Чужих успехов громкой славы той
гнилые нити очень быстро рвутся.
К душе своей желаю прикоснуться
и душу приподнять над суетой.

У жизни от точки
свои, говорят, заморочки:
то зависть, то ревность бывает
и грубости тоже хватает.

Не жизнь, а сплошная досада,
она мне – подобие ада.
Забуду людские интриги,
возьмусь-ка читать лучше книги.

Душа в них находит такое,
что хочется в жизни покоя,
любви, тишины и свободы,
и красок волшебной природы.

Все мысли о тебе опять
со мною каждое мгновенье.
Хочу из сердца их изъять
и написать стихотворенье.

Блуждает взгляд, стремясь в простор,
и манит в горы каждый вечер,
где, может быть, на склоне гор
тебя нечаянно я встречу.

Но нет тебя ни там, ни здесь,
мой взгляд найти тебя не может,
и каждый вечер эта весть
мою больную душу гложет.

Смотрю я безнадежно вдаль.
Зачем не встретишься со мною?
Где ты теперь, моя печаль,
и с кем гуляешь под луною?

Мой милый друг, не выразить словами,
как ты нежна, внимательна ко мне,
и все так гармонично между нами,
как будто мы живем с тобой во сне.

Меня ты понимаешь с полуслова
и бережешь, как малое дитя,
и я сегодня убедился снова,
что любим мы друг друга не шутя.

С тобою рядом все я понимаю
и вновь хочу влюбляться и творить.
А без тебя, любимая, не знаю,
смогу ли дальше в этом мире жить.

Озябшие деревья ветер гнет
и тучи волочатся по земле,
и льдинки града крупного вот-вот
ударят по деревьям и по мне.

Как будто бы и не было поры,
когда весной цвели вокруг сады,

а летом, сберегаясь от жары,
ныряли мы в озера и пруды.

Пришла пора и молодости цвет
увял совсем, былого нет огня.
Теперь на склоне долгих моих лет,
седая осень, пощади меня.

Все мерещатся мне
многоцветные горные дали.
Тучи липнут к земле,
проливая дождя серебро.
Тускло мне на душе,
как в глубоком и темном подвале,
и подняться мне в небо
уже никогда не дано.

Нет, все это не так!
У меня есть и воля, и сила.
Одолею преграды,
взойду на вершину горы,
стану снова навек
для тебя я любимой и милой
с той минуты до самой,
до самой до смертной поры.

В горах Кавказа

Здесь прошлого витает дух.
И даже новые строения,
приезжих напрягая слух,
лишь подтверждают это мненье.

В папахе белой на коне
скакал джигит здесь на Машуке.
Опять привиделся он мне,
послышались булата звуки.

Но это было в старину,
теперь настала жизнь иная.
Народы все в одну страну
слились от края и до края.

Теперь уже седой Эльбрус,
сияя снежными дарами,
благословляет наш союз.
Быть вечным миру между нами.

С небес пушистый снег летит,
в свой день рожденья чистый, свежий.
Но час грядущий неизбежен –
изменчив первозданный вид.

И станет блеклым он опять,
и постепенно почернеет,
ведь снег, невинный, не умеет
природы прихоти принять.

Вот так и мы с тобой, мой друг,
явившись вдруг на этом свете,
чисты, пока еще мы дети.
Но грешен жизни нашей круг.

Невольно портят души нам
причуды мелочного быта.
Душа под хламом их сокрыта.
И не понять теперь – что там...

С другой планеты словно прилетел
сюда луны серебряный корабль.
На озеро ночное тихо сел,
и мне взойти на борт его пора бы.

Луна, луна! Ты – как моя душа.
Она, как ты, сегодня отдыхает,
а завтра устремится в небеса,
и как вернуться ей назад – не знает.

Коль я с волками скалю зубы,
с врагами грубыми я – грубый.
Повадки у людей одни,
я так же груб, как и они.

Друзьям своим до самой смерти
останусь другом я, поверьте.
Врагам своим я враг навек,
а с человеком – человек.

Съедают все мысли и чувства
карьера, зарплата и зависть,
сведение счетов, измена и тихая злоба.
Претит мне бездарность,
которая рвется к трибуне,
посредственность серая,
что похваляется славой.

Я главное в жизни
душою своей понимаю,
что брэнная жизнь
мне мозги не забьет, не разложит,
поскольку у жизни
лишь Вечность достойна вниманья.
Она мне знакома
на глаз и на слух, и на ощупь.

На крылечке по привычке
на ветру скрипит фонарь,
словно вывешена встарь
часть протеза ветерана,
или пляшет как-то странно,
словно шляпка истерички.
Только оторваться вот
фонарю цепь не дает.

Флаг трепещет на ветру,
затевая с ним игру.
Вдаль стремится, только вот
древко воли не дает.

Время ускоряет ход
все быстрее каждый год.
Кто успел за ним вдогонку –
пусть счастливым будет тот.

Шиповник – будто князь в рубиновом закате,
играет ветерок в рубиновых плодах.
Тебя встречаю я в рубиновом халате,
горит мой поцелуй в рубиновых устах.

Я обниму тебя, как розу, осторожно.
Хочу погладить, но шипы твои остры.
А избежать тебя мне просто невозможно,
рубинами горят в глазах твоих костры.

Рубиновый закат. Уходит лето в осень.
Последний луч горит рубиновым огнем.
Шиповник, князь лесной, плоды-рубины сбросил,
но честно признаюсь, что дело тут не в нем.

Меня и не было в помине,
когда здесь горы вознеслись,
и яблони цвели в долине,
и горцы поднимались ввысь.

И над ручьем, благоухая,
стоял плодовый аромат,
чему от края и до края
и ныне каждый горец рад.

Когда умру, настанет время,
и я вернусь опять в село,
хочу, чтоб яблочное семя
взошло из праха моего.

Перевод с кабардинского Вадима Рахманова

Елена ШОГЕНЦУКОВА**До сего – и теперь**

Я готова стоять. Стоять до конца.
 В ярко-алой реке боевого свинца.
 Я готова прождать миллиарды людей,
 Я готова порвать сотни тысяч сетей.
 На вокзале тотчас замелькало табло,
 Поезд рвется вперед, в скачке бьется стекло.
 Я готова лететь, словно тысячи стрел,
 И вломиться в вагон, что почти пролетел.
 Знаменателен путь ненормальных светил,

В этом мире никто никого не простил.
 Нет законов, нет власти, нет масок и зла,
 В этом мире сгорают светила дотла.
 Ты вернешься домой, я оставлю свой след,
 Напишу на руке, заверну в теплый плед.
 Я готова зайтись самым крепким вином,
 Я готова предстать самым сильным звеном.
 Я тебя, словно жизнь, никогда не предаю,
 Не отдам ни домам, ни кривым проводам,
 Я готова терпеть, разбивая лицо,
 Каждый пут, каждый узел отчаянным бойцом.
 Знаменателен путь ненормальных светил,
 В этом мире никто никого не простил.
 Нет законов, нет власти, нет масок и зла,
 В этом мире сгорают светила дотла.
 А когда позовешь, поредеют ветра.
 Я готова прийти в сонной неге утра.
 Я всегда за плечом: до сего и теперь.

Вся жизнь – театр, а люди – клоуны

Уставший клоун смывает грим,
 Заплачет тихо, без утайки.
 Он нежен с теми, кем любим,
 Смешон для люда серой стайки.
 Его большие башмаки
 Сияют яркими огнями,
 А накладные каблуки

Стучат ажурными краями.
Его печаль слепит улыбкой,
Он и не шут, и не король.
Он в судьбах золотою рыбкой
Строчит невидимый пароль.
Все люди – мы, по сути, клоуны.
Неблагородная игра.
А правила для всех условны –
Сыграем вместе на ура!

Посвящение Али Шогенцукову

Поэт – пророк, не земли его манят,
А гладь небесной звездной глубины,
Бесстрашных гор ущелья воды плавают,
Несметны краски снежной пелены.

Его перо рождает образ духа,
Адыгский стан прямой ласкает глаз,
И шашки свист не помяни же пухом
И не жалея сердечных в спину фраз.

Борьба затмила взгляд бесстыдной грязью,
И женщина прозрачны слезы льет,
А над челом в полет небесной вязью
Срывается фашистский самолет.

Гремят баллисты, кони пыль взметают,
Кнутов удары воздух жгут стеной.
Поэт промчится, щеки воспылают,
Врага сразит, рискуя головой.

Война щадить не смеет благодушно,
На поле, будь пастух, кузнец иль князь,
Все вновь равны, вздыхающие душно,
Все братья вновь, и неразрывна связь.

Окоп горит, огнем дымит вершина,
В глазах не промелькнет тревоги тень,
И жизнь черкесской воли нерушима,
Ведь греет жажда встретить новый день.

А он не встретил. В ночи беспокойной
 Забылся мыслью светлой наш творец,
 Стране отдав, что спасена достойно,
 Свой мудрый гений доблестных сердец.

Когда признание выше всякой воли

В века, когда точили воды камень,
 Когда на шкуры клали охры цвет,
 Куда приятней было видеть пламень,
 Куда понятней был любой совет.

В века, когда в молельнях тишь стояла,
 Когда опасной пытки брезжил страх,
 Заметнее луна в ночи сияла
 И вдохновляющ был Вселенский крах.
 В века, когда несметных красок роскошь
 Затмить пыталась осени цветы,
 Опрятнее казался, пав наотмашь,
 Крестьянский стан, не знавший красоты.
 В века, где грозный, статный взгляд барокко
 Прельщал изыском ненасытный люд,
 Куда спокойней был азарт порока
 И не казался грязным хлесткий блуд.
 Но в век, когда один убьет другого,
 Бесстрастно щелкнув пальцами у губ,
 Когда придет пора ветшать убого,
 Когда иной богат, жесток и глуп,
 Когда признание – выше всякой воли,
 Когда монета впрок идет уму,
 Когда взорвется сердце дикой болью
 И мочи нет свой крест нести ему, –
 В тот век скупой, где нет понятий чести,
 Нам жить отныне будет суждено,
 Покуда те, кто смелость отдал лести,
 Достойны лишь того, чтоб пасть на дно.

А нам не страшно

А нам не страшно
Попасть под минометчиков обстрел,
Сбежать от мин, где запах сух и прел,
И кануть в омут, спрятавшись в лесу,
И потеряться, и соврать отцу,
И в грязь лицом упасть перед другим.
А нам не страшно
Забыть, который час, который год,
Остаться по ту сторону ворот,
Отбросить телефоны, паспорта,
Гулять всю ночь до самого утра,
Отдать все то, что называл своим.
Совсем не страшно
Однажды обнаружить седину,
И боль в ногах на полную луну,
И в гороскопе строки о судьбе,
Засевшие в мятежной голове,
А перепутать свой платок с чужим –
Не так уж важно.
Одно лишь страшно –
Проснуться, обнаружить, что один,
Все в целости – от кружек до картин,
Но не сомкнуть отныне станет век...
И я клянусь тебе, волшебный человек,
У всех «все так, как суждено, как будет».
А с нами – только «так, как захотим».

Павел СИДОРУК,
*председатель Кабардино-Балкарского
Общественного движения «За единение – «Сябры»*

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ И БЕЛАРУСЬ

Для многих из нас он по-прежнему и через годы остается загадкой. Особенно для таких, как я, чья молодость пришла на 70–80 годы. Его песни слушали затаив дыхание в нашем придворном, не хулиганском кругу, и считалось высшим шиком достать магнитофонную бобину с записями В. Высоцкого. Мы пытались подражать ему, исполняя его песни, рычали как могли, но только с высоты прожитых лет можно понять, как мы были несовершенны и наивны в своих претензиях. Никто «духом не вышел», в чем можно было убедиться, в очередной раз созерцая наших экранных знаменитостей в день 80-летия со дня рождения поэта. Но он был нашим кумиром, ему многое прощалось – нами, обществом, властью.

Владимир Высоцкий

Так случилось, что только к этой дате я узнал о принадлежности родителей Владимира Высоцкого к Белоруссии.

Основателем рода Высоцких был землевладелец Хомка. Когда-то он жил в Белостоке (сейчас Польша). У его родились сыновья Шлема, Сидор и Павел. Этот Шлема и есть прадед Владимира Высоцкого, поэта и артиста, и этому есть доказательства.

Известно, что дед поэта Вольф Высоцкий родился в Брест-Литовске (теперь Брест), об этом говорил и сам В. Высоцкий, но, главное, появились документы, подтверждающие этот факт. Директор Музея истории Киевского национального экономического университета им. В. П. Гетьмана Андрей Чуткий выявил ряд документов, в которых изложена биография Вольфа Высоцкого, его семьи. Первый из документов – заявление Вольфа от 9 июля 1911 года на имя директора Киевского коммерческого института Ситрофана Викторовича Довнар-Запольского (это известный историк, этнограф, также родом из Белоруссии) о его зачислении на экономическое отделение. На момент написания заявления Вольф жил в Брест-Литовске по адресу: ул. Садовая, д. 10. Из выписки свидетельства о рождении значится, что «родился он 13 марта 1889 года от законных родителей: мещанина Шлемы Высоцкого и Хоши-Фейги Лейбовны

Бульковштейн». В биографии значится, что Вольф получил начальное образование в Бресте, затем в 1909–1911 годах учился в Люблинском коммерческом училище. 25 октября 1917 года получил диплом вышеназванного Киевского института с присвоением степени кандидата экономических наук. Кстати, в дипломе записан как «Высоцкий Вольв Семенович». Вскоре изменил свое имя на Владимир, стал полным тезкой будущего поэта и артиста. В Киеве дед нашего кумира женился на Доре Бронштейн (родной сестре Льва Троцкого), у них родилось двое сыновей: Семен и Алексей. Позже отец знаменитого барда, Семен Владимирович Высоцкий, жил и учился в Москве. Окончил техникум связи, курсы военной подготовки, Военную академию связи. Дослужился до полковника.

Генеалогическое древо Владимира Семеновича составила Надежда Федоровна Высоцкая, доктор искусствоведения, профессор Белорусского Государственного университета, троюродная тетка Владимира Высоцкого. «Раньше я не афишировала родство, хотя у нас были очень теплые отношения, но люди все равно узнали».

Когда В. Высоцкий приезжал в Минск на гастроли или съемки фильмов, то всегда заходил в художественную мастерскую Геннадия Голубовича, мужа Надежды Федоровны. Остались некоторые экспонаты его присутствия в мастерской, которые будут переданы в Дом-музей В. С. Высоцкого. Музей Надежда Федоровна планирует официально открыть 25 июля, в день смерти поэта, в деревне, где родилась сама. А сейчас идет оформление документов и сбор материала. Особенно помогают любители песен и почитатели поэзии В. Высоцкого, они привезли самиздатовский сборник стихотворений Высоцкого, среди которых стихи никогда ранее не публиковавшиеся. Присылают афиши, грампластинки, книги. Планируется пригласить на открытие представителей посольств Российской Федерации, Франции, США, известных исполнителей песен Владимира Высоцкого.

Надежда Федоровна надеется на приезд Марины Влади, с которой поддерживает отношения. Кстати, урожденная Марина Владимировна Полякова тоже имеет белорусские родовые корни. Ее отец родился на Новогрудчине, и она не раз там была. И вы, почитатели Владимира Семеновича Высоцкого, при наличии антиквариата имеете возможность пополнить Дом-музей им. В. С. Высоцкого в Беларуси, а также принять участие в его скором открытии.

Борис ЗУМАКУЛОВ,
Уполномоченный по правам человека
в Кабардино-Балкарской Республике,
д. и. н., профессор

ОН БЫЛ ВОСТРЕБОВАН ВРЕМЕНЕМ

Очерк

Политическому и государственному деятелю Кабардино-Балкарской Республики Нахушеву Заурби Ахмедовичу – 75 лет.

Нахушев Заурби Ахмедович являлся одним из руководителей Кабардино-Балкарии периода трансформации Российского общества. В этот период в необычных для каждого из нас условиях, когда ни регалии, ни прежние заслуги не принимались в расчет, надо было бороться за выживание республики, отстаивать ее интересы в Федеральном центре, а здесь, дома, отбиваться от своих так называемых демократов, которые, получив свободу, хотели все одновременно разделить, растоптать и разрушить. Чтобы противостоять этому, необходимо было принимать законы, которые формировали бы законодательную базу новой Кабардино-Балкарской Республики, а это было очень непросто. Но Заурби Ахмедович, председатель Парламента республики, сумел организовать законотворческий процесс на качественном уровне. Собственно законы, по которым живет и работает сегодня республика, были разработаны и приняты при З. А. Нахушеве, их нормы соответствуют общероссийским и международным правовым стандартам.

В те трудные годы перехода республики к рыночным отношениям, когда общество только-только стало осознать, что прежние нормы и ценности поведения уже не работают, надо было выстраивать новые формы отношений. И здесь опыт и знания З. А. Нахушева были востребованы, как никогда. Он был одним из тех, кому полностью доверял и во многом рассчитывал на его опыт и знания президент республики В. М. Коков. Мы, друзья и соратники, воспринимали его как очень талантливого, трудолюбивого профессионала, при этом совестливого, ответственного, высокопорядочного руководителя и человека. Неслучайно возглавлять делегации республики по поводу тех или иных событий

Заурби Ахмедович Нахушев

поручалось З. А. Нахушеву, хотя иногда это было сопряжено с большими трудностями, а порой и с риском для жизни. В состав делегаций он, как правило, включал меня, как близкого друга. Однажды рано утром звонит мне Заурби Ахмедович и спрашивает, не хотел бы поехать вместе с ним в составе делегации. Я ответил: «С Вами, Заурби, – хоть в Японию». Он сделал многозначительную паузу и сказал: «Тогда быстро выходи! Едем в Чечню!» Отвечаю: «В Чечню, так в Чечню».

Это была еще «масхадовская» Чечня. Приехали в разрушенный до основания, напоминающий Сталинград 1942 года, Грозный. Сидим на стадионе рядом с президентом. По динамику объявляют, что на торжества, посвященные годовщине чеченской революции, приехала делегация из Кабардино-Балкарии. И тут со всех сторон раздался оглушительный грохот выстрелов из разных видов оружия. Мы оцепенели, но нам объяснили, что это приветствуют вас, братьев-соседей. То, что мы видели потом, трудно рассказать и «пером описать». Закончился парад, все пришло в хаотичное движение. Вновь «застрекотали» автоматы и пулеметы. Мы оказались в окружении вооруженных людей, которые, не обращая на нас внимания, с упоением участвовали в общей стрельбе-фейерверке. Потом, когда вроде бы все упорядочилось и затихло, я спросил у Масхадова: «Почему при таком стечении народа вы разрешили стрелять, и притом боевыми патронами?» Он удивился моей наивности и снисходительно пояснил: «Запретишь, будет еще хуже».

От всего, что мы там увидели, услышали, пришли в шоковое состояние. Домой возвращались с тяжелым чувством. Нас не отпускала грусть, печаль и мысли о том, что стало с этой цветущей и красивой республикой, с городом Грозным – промышленным центром Северного Кавказа, что наделала проклятая война, и какова цена так называемой свободы и демократии.

Когда мы оказались на территории своей республики, Нахушев многозначительно посмотрел на меня и спросил: «У тебя есть что-нибудь?» Я ответил: «Конечно». Пригодилась привычка еще со времен «Афгана» – в командировку брать с собой в кейсе автомат, две рубашки, бритвенные принадлежности и «дезинфицирующее средство» для внутреннего и наружного применения – водку. На этот раз кейс тоже был, но без оружия. А водка была! Мы с Заурби Ахмедовичем ее «родненькую» применили по назначению, и стало легче на душе. Кстати сказать, в 2011 году мне довелось вновь побывать в Чечне. Всем сердцем я обрадовался тому, что республика возрождается – кругом идет строительство, появились новые проспекты, величественные здания, жизнь «бьет ключом». Об этом я поведал З. А. Нахушеву, и мы условились, что непременно съездим в Чеченскую Республику.

Заурби Нахушев прошел большой трудовой и жизненный путь. Родился он и рос в большой крестьянской семье, в селении Жанхотеко.

С детства приученный к труду, полезным делам, он всегда был нужен людям. После окончания школы и вуза, получив специальность, работал в сфере сельского хозяйства. Как хорошего специалиста его пригласил к себе в Нальчикский совхоз Черкес Бакшеевич Мовсисян, там и раскрылся по-настоящему талант Нахушева. Потом была работа секретаря парткома совхоза, секретаря партийного комитета агропромышленного комплекса республики. Особенно была заметна роль З. А. Нахушева на посту первого секретаря Баксанского райкома КПСС. В 90-е годы он активно включился в общественно-политические дела республики. После избрания в 1993 году Валерия Мухамедовича Кокова президентом республики, З. А. Нахушев стал председателем Совета Республики Парламента Кабардино-Балкарии. В этой должности проработал около десяти лет. Именно в этот период происходило становление парламента республики в новых условиях. По существу под руководством З. А. Нахушева была создана фундаментальная законодательная база. В эти годы он избирается членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В 2003 году З. А. Нахушев на альтернативной основе избирается депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. И в этом качестве он проявил себя как настоящий государственный и политический деятель, и много полезного сделал для России и Кабардино-Балкарской Республики.

Заурби Адмедович Нахушев награжден орденом Почета и орденом «За заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой».

Сегодня Заурби Ахмедович на заслуженном отдыхе, но всегда востребован. Он член Общественной палаты Российской Федерации, возглавляет Общественный совет при министерстве сельского хозяйства и продовольствия Кабардино-Балкарской Республики.

Он – почитаемый и уважаемый человек в республике, к его совету прислушиваются, его дружбой гордятся. Горжусь и я! В день 75-летия желаю Заурби Ахмедовичу Нахушеву и его светлейшей Ханифе, замечательным детям и внукам счастья и благоденствия!

Светлана МОТТАЕВА,
заслуженный работник культуры КБР

СОЕДИНЯЮЩИЙ ВРЕМЕНА И ЭПОХИ

Очерк

Касболат Фицевич Дзамихов

Честь по труду

В октябрьские дни 2017 г. на имя заслуженного деятеля науки Кабардино-Балкарской Республики и Республики Адыгея, академика Адыгской международной академии наук, лауреата Государственной премии КБР в области науки и техники, доктора исторических наук, профессора Касболата Фицевича Дзамихова пришли поздравительные телеграммы. С 60-летием известного российского историка-кавказоведа поздравили руководство Кабардино-Балкарии, коллеги из КБНЦ, РАН, КБГУ и СКГИИ, представители интеллигенции.

Поздравительные телеграммы пришли от Главы Республики Адыгея М. Кумпилова, председателя правительства КЧР А. Озова, народного писателя Адыгеи, лауреата Государственной премии СССР И. Машбаша, академика-секретаря историко-филологического отделения РАН В. Тишкова, академика А. Чубарьяна, члена-корреспондента РАН С. Арутюнова, руководителя Международной черкесской ассоциации Х. Сохрокова, известных российских историков, докторов наук и профессоров А. Комиссаренко, О. Волобуева, Н. Мининкова, З. Кануковой, многочисленных северокавказских коллег – работников гуманитарных институтов и вузов, представителей зарубежной черкесской диаспоры, а также бывших студентов и аспирантов юбиляра.

Сын сельских педагогов Фицы и Масират Дзамиховых, он, окончив экспериментальный класс Каменноостовской средней школы № 1 в 15,5 лет, поступил и успешно окончил исторический факультет КБГУ. В последующем обучался в аспирантуре Института истории СССР АН СССР и докторантуре КБГУ. Начав профессиональную деятельность в неполные 20 лет, Касболат Дзамихов работал и работает только в двух научно-образовательных учреждениях – Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований и Кабардино-Балкарском государственном университете, которые с самого начала являются системообразующими для духовной жизни народов нашей республики. В последние годы он

возглавляет работу института в качестве директора, а в университете – он профессор кафедры истории. Профессиональное экспертное сообщество избрало его председателем диссертационного совета по защите докторских диссертаций, работой которого последние 15 лет успешно руководит наш уважаемый коллега.

Честь по труду – этот емкий фразеологизм напрямую относится к личности Касболата Дзамихова, человека, посвятившего себя нелегкой, но такой благородной деятельности. Всецело захваченный стремлением создать летопись истории народов Кабардино-Балкарии, Северного Кавказа и в целом России, Касболат Дзамихов достиг своего акме – вершины интеллектуального совершенства, научного познания, с высоты которой видится ему далекое пространство – захватывающая перспектива творческого поиска. Наука, вдохновляющая на продолжение исследовательского труда, и есть творчество.

Неустанный поиск Касболатом Дзамиховым своего места не только в избранной им раз и навсегда исторической науке, но и места в бытии, а проще говоря, в жизни, в которой не так-то просто утвердиться, сберечь и сохранить свое доброе имя. К. Дзамихову это удалось. Он сохранил в себе лучшие качества человека, остающегося самим собой при любых жизненных испытаниях и нелегких поворотах судьбы, нередко преподносящих сюрпризы, увы, не всегда положительного свойства.

Кристаллизация личности, этот непростой этап формирования и утверждения человека в социуме, как нужной и полезной единицы общества Касболат Фицевич прошел достойно, едва осознав себя в юные годы, когда идет становление характера и обретает очертания жизненная цель. С этим у Дзамихова было все в порядке. Он рано осознал, зачем пришел в этот мир, ощутив свою миссию как некую и высшую данность, сердцевиной которой явилось и остается для него понятие «служение».

И сегодня, наблюдая за движением Касболата по жизненной стезе, его успехами в научной деятельности, невольно вспоминаешь известный жизненный постулат «береги платье снову, а честь смолоду». Касболат, умевший всегда держать себя в узде заданной целевой амплитуды, сегодня встал вровень с самыми видными деятелями науки России, которой он всегда оставался без лести преданным. И наука, а точнее, богиня Клио, покровительница истории, недаром же позволила подняться ему над рутинной праздности и ничегонеделания, одарив своим благословением и благодарностью за неустанный труд. И не только за служение высшим принципам научного познания, а еще и за его человечность, добросердечие, отсутствие высокомерия, вместе с удивительным обаянием.

Все вышесказанное приходит на ум спонтанно, ибо в нашем закрепившемся представлении о К. Дзамихове нет и не было нужды для вымученной рисовки его образа. Писать о нем и приятно и легко.

Сага об адыгах (черкесах)

Перелистывая материалы о Касболате Фицевиче, знакомясь с его научными трудами, невольно углубляюсь в математику. Безотчетно считаю названия его научных работ, сборников, статей, очерков и публицистических упражнений, в контексте все той же любимой им истории. У доктора исторических наук Дзамихова свыше 175 научных публикаций, среди которых, как явствует из «Краткого очерка жизни и научной деятельности», и монографические исследования. Это «Советская историография 1917 – конца 1950-х гг. о социально-экономическом строе Кабарды XVIII – первой половины XIX в.», М., 1984; «Адыги – вехи истории», Нальчик, 1994; «Кабарда во взаимоотношениях России с народами Кавказа, Поволжья и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII вв.)», Нальчик, 1996; «Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия)», М., 2000; «Вопросы политической истории народов Северного Кавказа», Нальчик, 2001; «Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.)», Нальчик, 2001; «Адыги – борьба и изгнание», Нальчик, 2005; «Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы)», Нальчик, 2007; «Адыги – вехи истории» (Адыгская историческая серия), Нальчик, 2008; «Нетрадиционные религиозные движения в современном российском обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики)», Нальчик, 2013; «В службе и обороне...» Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов)», Нальчик, 2017 и др. Он – руководитель и автор серии «Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании» (историографические и источниковедческие аспекты), Нальчик, 2015–2016; руководитель и редактор издания «Книга Памяти» в 4-х томах, Нальчик, 2014–2016; соавтор коллективных трудов «История многовекового сотрудничества», Нальчик, 2007; «Исторические портреты патриотов России», Москва, 2016 и др. Исследования К. Ф. Дзамихова выходили в Нальчике, Москве, Ростове, Майкопе, Анкаре, Дамаске и других городах.

Перечень можно продолжить. Из чего делаем вывод: в лице доктора исторических наук Касболата Дзамихова мы имеем человека, всего себя отдающего делу науки, патриота науки, гражданина и сына земли, которой он обязан своим появлением на свет. Чего греха таить, люди толка Касболата Дзамихова сделаны из особого теста, как бы банально это ни прозвучало. Но это объективная истина, адекватно приложимая к их судьбам и жизненным устремлениям. Они же, по мысли тех, кто хорошо знаком с К. Дзамиховым, очерчивая круг его научных интересов, считают, что он отмечен самой историей взаимоотношений кавказских народов (здесь особый акцент на истории адыгства в прошлом). Особенно в контексте – адыги в системе международных взаимоотношений в XVI–XIX вв., историографии и источниковедения истории народов Северного Кавказа. Последнее – в глобальном, обобщающем толковании темы.

Исследования Касболата Дзамихова, посвященные родному этносу, – это многотомная сага, которой суждена долгая, точнее, вечная жизнь в науке. А ведь это мечта каждого ученого: войти и остаться в анналах избранной профессии. Сомнений нет, Дзамихов уже прочертил на небосклоне научного познания свою сияющую линию, луч, уходящий в глубины нашего мироощущения, нашей мировоззренческой эмпирии.

Абрис концептуального поиска

В исследованиях Касболата Дзамихова цитируем положение из «Материалов к библиографии ученых КБИГИ», подготовленных его коллегами Ф. Хашукоевой и А. Шуруховой: «Затрагивается существенный аспект той эпохи адыгской истории (XVI – конец XVIII в.), которая демонстрирует как зрелость форм территориальной, социальной и политической организации для традиционного адыгского мира, так и автономность протекания процессов его социально-политического развития». И здесь же акцент, рассматривающий «взаимоотношения с Россией» «в контексте политики Российского государства на Кавказе», все действия ее «объективно оправданы не только с позиций исторической ретроспективы, но и с точки зрения актуальных проблем и перспектив в консолидации федеративной государственности современной России». Рассуждения на эту тему занимают существенное место в трудах ученого. Они – становой хребет его исследовательской риторики.

«Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.)»

К своему юбилею Касболат Дзамихов издал один из самых интересных, значимых трудов – обобщающее исследование.

По идейной, сущностной направленности книга «Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.)» отражает историческое стремление Российского государства, а также самих народов Северного Кавказа к братскому единению и поступательному движению – прогрессу. Посвященный 460-летию единения территориально соприкасающихся народов Кабарды и Балкарии, обобщающий труд отражает в подтексте, сверхзадаче красную линию на утверждение и укрепление братского единства народов в ранней истории, а ныне, уже в течение 95 лет (с 1922 г.) демонстрирующих вышеуказанную приверженность к принципам цивилизационного развития в общероссийском историческом процессе.

Во вступительном слове к изданию указано: «...Создание обобщающего труда «Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.)» не только дает новое осмысление сложным проблемам истории XVI – начала XX в. и существенно обогащает российское кавказоведение, но и в конечном итоге будет способствовать дальнейшей консолидации и культурно-исторической общности народов, проживающих в современной России.

Эта идея в монографии на историко-фактографическом дискурсе, с опорой на обширную библиографию, К. Дзамихов в унисон тенденции к мирному сосуществованию наших народов во имя блага Кабардино-Балкарии и выше – российского Отечества, дает панорамный историко-краеведческий портрет их. Эпиграфом к которому, как нельзя точнее, ложатся его же слова: «...Северный Кавказ исторически представляет собой область устойчивого взаимодействия разных этносов, культур и цивилизаций, а во-вторых, он давно и прочно интегрирован в общероссийское социально-политическое пространство. С одной стороны, эти особенности объективно сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой – они принципиально неустранимы и будут сохранять свое доминирующее значение для народов региона и для России в целом на всю обозримую перспективу».

Суммируя сказанное, хочется подчеркнуть: вся жизнь и многогранная деятельность видного ученого Касболата Дзамихова служили и служат благородному делу единения и процветания нашей республики в многонациональной Российской Федерации. Юбиляра, образно выражаясь, хочется назвать человеком, соединяющим времена и эпохи.

В газете «Академия» от 23.12.2017 г.

опубликована следующая информация:

«21 декабря 2017 г. на базе Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) состоялись «XII Ждановские чтения» и подведение итогов XI Международного конкурса научных работ по кавказоведению и южно-российскому регионоведению имени Юрия Андреевича Жданова.

На XI Международный конкурс научных работ по кавказоведению и южно-российскому регионоведению имени Юрия Андреевича Жданова были номинированы наиболее выдающиеся работы.

В ходе обсуждения работ определены победители и лауреаты конкурса им. Ю. А. Жданова по кавказоведению и южнороссийскому регионоведению.

В номинации «Опытные исследователи» награждены:

Дипломом лауреата – работа коллектива Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН – монография «Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.)» (руководитель научного проекта д.и.н., проф. К. Ф. Дзамихов);

Дипломом 1-й степени – Касболат Фицевич Дзамихов – д.и.н., профессор, директор Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института гуманитарных исследований РАН – монография «В службе и обороне. Кабарда и российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550 – начало 1770-х годов)».

Елена СТЕЛЬМАХ,
первый заместитель председателя
Союза писателей Беларуси

ДОЛГОГО ПУТИ ТЕБЕ, КАРАВАНЩИК!

Узнать, который час, в современном мегаполисе не составляет никакого труда. И не только потому, что стоит для этого заглянуть в продолжение своего «я» – собственный мобильник. Часы многообразных конструкций давно стали неотъемлемой деталью городского дизайна. Минск – белорусская столица – яркое подтверждение тому.

Спешу из Союза писателей Беларуси, который находится рядом со станцией метро «Площадь Победы», быстрее попасть на железнодорожный вокзал. С волнением поглядываю в сторону электронных часов, установленных в метрополитене. Они успокаивают меня в том, что вот-вот из темноты змейкой выскочит электричка, чудом вместит в

Хасан Миседович Тхазеплов

себя весь густо уставленный пассажирами перрон. Мгновения мчащегося в темном туннеле поезда – и мы все окажемся в другой точке города.

Выныриваю из подземки. Меня захватывает в свои объятия при вокзальная площадь, охваченная размеренной суетой куда-то вечно спешащих пассажиров. Бросаю свой взор в сторону так называемых ворот Минска – двух башен, точно зная, что и там есть часы. Общеизвестно, они – самые большие в белорусской столице. Огромная стрелка притупляет мое волнение: между ней и ее подружкой – стрелкой поменьше – острый угол. Он как раз и свидетельствует об имеющемся у меня в запасе времени до прибытия ожидаемого поезда.

Ловлю себя на мысли, насколько умело часы своими стрелками дирижируют нашу жизнь. В метро они вторят деловому стилю горожанина. На почтамте указывают на международный формат времени. В историческом уголке города – на Немиге, там, где особенно любят гулять влюбленные, часы ведут свой отсчет времени. Говорят, он счастливый.

Вот у этих властителей времени, расположенных на левой башне – особая миссия. Гигантские часы с циферблатом, превышающим три метра, чем-то напоминают лицо улыбчивого белоруса, который, судя по всему, радуется каждому прибывшему в Минск гостю. Мне кажется,

они знают, в ожидании какой «вершины» я томлюсь, как бульба в печке, и только появившись мой друг, готовы сами подмигивать ему.

С Хасаном Тхазепловым на тот момент мы были знакомы несколько лет, правда, только по переписке. Каждому писателю хочется находить единомышленников по творчеству, расширять аудиторию своих читателей. Писатели, как бы они ни были индивидуальны в своем художественном самовыражении, едины в устремлении словом служить обществу, где бы они ни жили.

Многое меняется на этой земле: зарастают следы, рушатся дворцы, исчезают не только государства, но и цивилизации. Лишь книги, хранящие в себе мудрость веков, не подвластны забвению. Они – незримая связующая нить между поколениями. Благодаря накопленному в книгах опыту, жизнь неумолимо движется вперед, помогая человечеству делать новые открытия в познании мира. Обо всем этом, и о роли писателя в современных реалиях, нам предстоит говорить на международном «круглом столе», во время других встреч литераторов, которые традиционно проходят в первые выходные сентября в одном из старейших городов Беларуси. День белорусской письменности собирает многочисленных гостей, в том числе из ближнего и дальнего зарубежья. Как правило, принимают участие в литературных дебатах на белорусской площадке писатели не менее чем 15 стран.

Знаю, Хасан Миседович Тхазеплов на приглашение министерства информации Республики Беларусь принять участие в торжестве откликнулся, будучи в Нальчике, где издает авторитетнейший журнал – «Литературная Кабардино-Балкария».

Мой взор устремлен к народам, в судьбе которых много схожего с моим. Белорусы, кабардинцы и балкарцы – трудолюбивы, знают цену тому, что создается усердием и старанием. У нас много общего в историческом прошлом: войны не раз обжигали наши земли. Потому и к миру питаем жажду, как к святому роднику, и помыслы наши чисты и прозрачны, как вода в быстрой горной реке.

Мне несказанно повезло. Хасан Тхазеплов, как главный редактор журнала, с пониманием отнесся к моему душевному порыву: через книги, журнальные публикации, просто доброе слово приблизить белорусов к Кавказу, к его величественным горам, уникальной культуре, и, наоборот, нам вместе хочется увлечь кавказцев белорусской письменностью, история которой уходит вглубь веков, зачаровать синеокой, певучей Беларусью. Публикации в престижном литературном издании Кавказа считаю одной из своих лучших творческих удач.

...Мои мятущиеся мысли улетают вдаль под стук колес приближающегося поезда. Эмоции встречающих набирают самый высокий градус ожидания. Сейчас проводницы, опустив лесенки, соединят многокилометровый, оставшийся позади путь следования поезда с конечным

Хасан Тхазеплов предложил сделать «Золотого орла» символом международного «круглого стола». Первый заместитель главы администрации президента Беларуси Александр Радьков и министр информации РБ Лилия Ананич идею гостя поддержали.

пунктом прибытия, и пассажиры ступят на перрон минского железнодорожного вокзала.

Выбрав оптимальное для обзора место, глазами, словно странички в книге, «листаю» приезжих – и не признаю среди них моего пассажира. И вдруг из пятого вагона появляется... орел. Издалека он чудится мне настоящим, тем самым, который гордо парит над горными вершинами. И я понимаю, что на такой сюрприз способен только ожидаемый мною гость с Кавказа. Так вот он где – Хасан Тхазеплов. Лучезарная улыбка моего друга озаряет вечерний минский вокзал. Давай обнимемся, дорогой Хасан!

Сувенир с Кавказа очень нужен по сценарию одного из самых впечатляющих мероприятий праздника – конкурса юных чтецов «Живая классика». Предполагалось, что один из участников будет читать стихотворение Чингиза Айтматова «Письмо учителю», и потому Хасану Миседовичу было предложено привезти белорусскому школьнику маленький подарок. Но не будь это Хасан, если бы не отправился в дорогу с птицей под стать своему росту.

Хасан очень живописно описывал свое путешествие, но у меня было предчувствие, что ему, отменному поэту, не хватает красноречия передать все оттенки его мытарств со скульптурой – не иначе как произведением искусства. Как оказалось, на вокзале в Москве орел мог и не дожждаться

своего хозяина. Хасан, имея неотложные дела в Союзе писателей России, на несколько часов оставил железного попутчика на попечение одного знакомого. Когда вернулся, вокруг птицы уже шел бойкий торг. Собралось немало желающих приобрести восхитительного орла. Мне хватило дороги до гостиницы, где обосновывался гость, чтобы понять, как нелегко «парить с орлом».

Но в этом и есть Хасан Тхазеплов – человек не только с большой птицей, он сам – человек большого полета. И нам, белорусам, и многочисленным зарубежным писателям (они были очень искренни в своих признаниях), казалось, что Хасан Тхазеплов олицетворяет собой весь Великий Кавказ. Настолько он представителен как поэт, добрый как друг, радушный как любой кавказец.

Невольно думалось, как один, очень достойный человек, может создать авторитет всей своей Родине, своему народу. В Беларуси испокон веков таких поводырей называют светочами.

Хасан Тхазеплов, судя по его творчеству, взял на себя такую же главную роль – Караванщика, того, кто всегда идет впереди, – *«Я веду караван бедуинской тропой»*. Он понимает, как нелегок этот путь – *«Где следы на песках замечает пургой»*. Невероятно много требуется сил, чтобы осилить дорогу – *«Путь восточный тяжел, и верблюды устали»*. Только сильный духом может преодолеть все преграды на пути к благородной цели – в этом уверен не только поэт, но и все, кто следует за караванщиком – *«Но идем мы к живительной вере святой!»*.

С глубокой мудростью поэзии Хасана Тхазеплова – Хасани – белорусский читатель познакомился с большим интересом. Его стихи публиковались в газете «Літаратура і мастацтва», в журнале «Неман».

Теплые слова от белорусских коллег звучали и в адрес журнала «Литературная Кабардино-Балкария», когда издание отмечало свой 25-летний юбилей. Все знают о большой подвижнической деятельности его главного редактора по укреплению позиций литераторов на Кавказе. Вокруг журнала объединены писательские силы маститых творцов, оказывается поддержка молодым начинающим авторам. Слово писателя звучит в стране высоких гор – громко, авторитетно.

С огромной радостью в Минске была воспринята пришедшая в начале этого года из Москвы новость о том, что замечательный поэт из Нальчика – в числе лауреатов Большой литературной премии России. Такой высокой оценки удостоена его книга «Путь караванщика».

Пусть, дорогой Хасан Миседович, этот путь Караванщика будет как можно долгим. Пусть те часы, которые ведут счет времени, для тебя будут самыми старинными. Беларусь любит и помнит поэтов, которые воспевают лучшие человеческие ценности – мир, любовь, добро.

Хасан ТХАЗЕПЛОВ,
заслуженный работник культуры РФ,
лауреат Большой литературной премии России

ДОБРАЯ ПЕСНЯ

Солнце ли высветит радости наши,
День ли настанет вчерашнего краше,
Время ль наступит посева семян, –
Добрую песню разносит Хасан.

В зной ли палящий, в жестокую вьюгу,
Чтобы сердца прикипели друг к другу,
Чтобы не сбился с пути караван, –
Добрую песню разносит Хасан.

Чтобы с мечтой о несбыточном чуде
Не расставались хорошие люди,
Чтобы их души не застил туман –
Добрую песню разносит Хасан.

Ты прочти страницу эту,
Смысл в раздумьях отыщи.
Ходим мы по белу свету
Собирать устав души.

Для души свои законы
На земле и в небесах.
Ты взглядишь в черты иконы:
Разве жизнь не в тех чертах?

Жизнь, кочуя по Вселенной,
До тебя дошла теперь.
Ты – теперь переселенный
В мир людей из тайных сфер.

Ключ от тайн в душе упрятан,
А душа в терзаньях спит,
Будто Бог совсем не рядом,
Чтобы спящих осудить.

И приверженцы Корана,
И адепты христиан
Делят общество на кланы, –
Значит, в жизни есть изъян!

Будь ты сто раз христианин,
Иль буддист, иль чти Коран,
Помни: ты пока Землянин
И живешь среди Землян!

Кто кого переиначит?..
Есть ли смысл в земной борьбе?
И для Бога много ль значит
Форма верности судьбе?!

Верь Всевышнему, как в Благо,
Не давай хулить устам.
Верь в душе и верь без страха,
Чтоб не стало страшно Там...

КНИГА ЖИЗНИ

Страницы жизни пролистая,
Текут сквозь Душу Времена.
Где жизнь земная, непростая,
Людской заботою полна.

Что человечеству угодно
И что грозит издалека.

И человек стремится рьяно,
Стремглав проникнуть в суть вещей,
Не сознавая – может, рано
Раскрыться тайнам для людей?!

Природа мира, все сгущаясь,
Влечет к себе незримо люд
Не для того, чтобы, прощаясь,
Творить над ним последний суд.

В ладах ли он со смыслом здравым?
Готов ли душу он открыть
Благим небесным переправам –
И с вышним миром говорить?

Природа, видимо, трудилась,
Вселяя в нас Вселенский Дух,
Чтобы, страдая, научилась
Душа открыть для Неба слух.

Конечно, мир откроет тайны
И явит истинный свой лик.
Шаги к Познанию неслучайны,
А мир и сложен и велик.

Но то ли нынче происходит
В делах и помыслах людей?!
Как будто усыпляя, водит
По-над обрывом чародей.

И тот, кто в жизнь пришел сегодня,
Увидеть должен сквозь века –

И книгу жизни вновь листая,
В спираль свивая Времена,
Судьба витает, как святая,
Над жизнью, балуя меня.

ЭПОХА СВЕТА

Эпоха Света наступила,
Благой сошел на землю Дар.
Теперь и сердце отпустило,
Уставшее от тайных кар.

И взгляд блуждал за горизонтом,
Определяя свой исход.
Вот так народы, полным фронтом,
Все ж одолели тяжкий брод;

Так человечество сумело
Экзамен Высшей жизни сдать,
И потому-то чувство грело
В надежде – сможет отстрадать.

Высокой миссии поверив
Перед вселенским Бытием,

Земное все с небесным сверив,
Идет на свет и на подъем.

И неслучайно, что сегодня
Все дальше видит человек,
И ближе мысль его к природе,
Вступая в звездный долгий век.

Природа, видимо, простила
Людей греховные дела,
И вновь отпущена им сила,
Чтоб жизнь по Кругу снова шла.

Привет тебе, Эпоха Света,
Спасенье всех земных племен!
Душа тобой теперь согрета –
Теплом всех будущих времен.

ЗДРАВСТВУЙ, ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Здравствуй, добрый человек,
Мой товарищ в брэнном мире!
Проводив двадцатый век,
С ним ушли его кумиры.

Что поделатъ, все века
В разных распрях уходили –
На земле наверняка
Все народы так и жили.

Разум жизнь не защищал,
А закон бывал разнуздан:
Кто-то судьбы разрушал,
Кто-то Роком был осужден.

Здравствуй, мудрый человек,
Мой товарищ и спаситель
От безнравственных калек,
Возглашавших: «Я – Учитель!»

Ты попроще их, добрей,
Чуткость сердца понимаешь.
Среди множества людей
Ты – мой истинный товарищ.

Но не смел тебя назвать
Близким сердцу человеком:
Думал, сможет жизнь сломать,
Что меня связует с веком.

Но уж, видно, повелось,
Что из жизни бег – не выход!
Пусть и тяжело мне жилось,
Я не сделал спешный вывод.

Что поделатъ – в век такой
Все росло в стране безумство,
За душевной широтой
Не смогли отринуть буйство.

Здравствуй, честный человек,
Ставший жертвой в склочном мире,
Где прошел тяжелый век,
Все смешав в кровавом пире.

Здравствуй, славный человек,
Стойкий житель в грешном мире!
Ты не сломлен в страшный век,
Где за власть дрались кумиры.

Жаль, что в нас порочат честь,
Как какую-то забаву!
Но в тебе та стойкость есть,
Что дана тебе по праву.

Здравствуй, гордый человек,
Чья душа лелеет веру,
Что пришедший новый век
В нашу жизнь добавит меру!

Но пока кричу: «Беда!» –
Может, и сгущая краски,
Бесконечна череда
Бед, а лица – часто маски.

Здравствуй, добрый человек!
Вот и канул век плачевный...
Да поможет новый век
Обрести покой душевный!

Какая странная эпоха!
Какое тождество опять
С прошедшим веком. Точно эхо,
Как будто время мчится вспять.

И люди те, что были раньше.
Вот только в лицах чуждый след.
И их обман обставлен краше,
И в их устах не слышен бред.

Как будто их встречал я в свитах
В той череде святейших лиц,
Безвкусно золотом увитых,
Стоящих среди знатных жриц.

Кольцо веков, тысячелетий
Замкнуло в нас свое звено,

И мы не поняли, что в клетки
Нас затолкали всех давно.

Какая чуткая тревога...
Из дней суровых мысль бежит.
Опять таинственна дорога
И дальний путь к сердцам лежит.

И люди те же, те же лица,
Вот только мир, как лед, застыл –
А в нем те лица вереницей
Узором Хронос разместил.

Бесстрастны, холодны, циничны...
В них – осененная судьба...
А судьбы наши – идентичны,
И выразительна мольба.

На то и дышло, чтобы вышло!
А вышло так: народ – не рад!
И общество в мученьях выжило
И обнажило голый зад.

А будущие нас вспомнят...
И утописты отдохнут.
И дети века щель разломают
И полной грудью жизнь вдохнут.

Наш коммунизм не там, где ищем,
Его упрятали давно!
Мы до сих пор на эхо свищем
В надежде выкликать Его!

Сказали: бродит по Европе...
А Он – в архивах, между строк.
А Он – в ...измической утробе
Выращивает генный срок!

Рукою жесткой управляли
Обезголосившей страной,
Высокомерно презирали
Народ, привыкший быть толпой.

Не под счастливою звездой
«Надежда мира» родилась,

Своею страшною судьбою
Разрушив поколений связь.

Так Революция хирела.
И люди исхудали с ней,
И души их уже не грела
Таинственность ее идей.

И в поиске народ очнулся
Пред ликом близкого конца,
И, оглянувшись, ужаснулся
В кольце тернового венца...

А может, вновь готовят дышло?!
Ведь всякий вождь к себе зовет!
Ох, как бы вновь чего не вышло,
Как водится, наоборот!

ШАМБАЛА

С. Н. Перуху

Там, за стеной ледяного тумана,
Скрыта земля, где тепло и уют.
Там, говорят, без войны и обмана
Люди с любовью и верой живут.

Там, говорят, равновесие правит.
Знания, праведность – слились в союз.
Там, говорят, очищения славят
Высших духовных кармических уз.

Там, за стеной ледяного тумана,
Будто бы скрыта высшая власть,
Что проявляется в людях, как прана,
Объединяя помыслы каст,

Чтобы затем обращать их в природе
Той очистительной силой земли,
Чтоб изнуренные в распрях народы
Травмы души залечить бы смогли.

Там, за стеной ледяного тумана,
Скрыта земля, где тепло и уют.
Там, говорят, без войны и обмана
Люди с надеждой небесной живут.

*Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства...*

Николай Гумилев

Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.
А я-то думал: в партии – оплот,
Без хитростей, трибунного искусства.

А я-то думал: жизнь – как луг в цветах,
И помыслами правит благородство,
Но мы давно запутались в сетях,
Раскинутых злонравьем и уродством.

Я верил в неподкупный монолит
Простого человеческого братства,
Покуда не увидел, что творит
Ущербное духовное пиратство.

И я, терзаясь, думу думать стал
О том, кому я верил эти годы,
Кто в полной неприглядности предстал
Пред ликом всколыхнувшейся свободы.

Клокочет обновленный горизонт,
Живет надеждой общества брожение.
Я верую: у жизни есть резон.
И суждено народу возрождение.

Егору Исаеву

Если сила сторон
Возвышает обман
И, как благо, во лжи
Возрастает изъян, –
Как же жить нам тогда
На отцовской земле,
Если стон наш
Не слышен
В далеком Кремле?

Как же можно спастись
От бездушных идей,
От упреков немых,
Нелюдимых людей?!
Как же силу вернуть
Истомленной земле,
Если сами дерутся
В роскошном Кремле?!

Если сердцем народ
Зарыдал от невзгод,
То не значит,
Что может
Заплакать народ!

Он научен всему,
Как хозяин земли,
Чтоб Его обмануть
До конца не смогли.

Кто-то вздумал
Спастись –
Ускользнуть от вождей,
От обмана,
Затей
Нелюдимых людей,
Где несметною силой
Идут господа,

А за ними – война
И невзгод череда.
Если сила сторон
Возвышает обман
И, как благо, во лжи
Возрастает изъян, –
Как же Родина наша
Смогла б устоять,
Если мы не смогли
И себя отстоять?!

1990

Пробежала конница по сердцу,
По душе проплыла суета,
Словно бродит Чуждое по свету
И за мною ходит по пятам.

Все приметы жизненной развязки
С возрастом становятся ясней,
Видя в возбужденной летней пляске
Отраженье юности своей.

Я хотел извечной покориться
И не слышать стоны и мольбы.
Я хотел с потоком Мира слиться
И очистить примеси судьбы.

Но шагнуло время через сердце,
Превращая в память каждый миг –
Все, что суетою обернется,
Чередой метаний и интриг.

Так и бродит Чуждое по свету,
Подгоняя каждого к концу...
И несправедливость мира эту
Я несу с молитвами к венцу.

Я хотел извечной покориться,
Но она отвергла и меня.
Так зачем тогда на свет родиться,
Если Ты не отпрыск Бытия?

Пробежала конница по сердцу,
По душе проплыла суета,
Словно бродит Чуждое по свету
И за мною ходит по пятам.

АДЫГИ

Удар судьбы все чаще поражает
Тайник души, сплетенный из забот.
А тут еще и некто угрожает,
Что самое святое в нас убьет.

А самое святое у Адыга
Издравле – Хабзэ и его Нэмыс.
И это, видно, сказано от Бога
И может означать: «Держись! Борись!».

И наше время летописью станет.
Хулителей к итогам приведут.
А бред высокомерных в догмах канет,
А там потомки имена сотрут.

И то, что сердце иссыхает ныне,
Поймет лишь тот, кто честью дорожит
И смотрит с исторической вершины,
Чтобы о нем пространственно судить.

И тот, кто хочет все поправить сегодня
И сеет кровожадно свой призыв, –
Не может сделать ничего народу,
Он истеричен и умом ленив.

А мой народ природе доверяет, –
Он призван был высокому служить.
А если что – судьба ведь покарает;
Она и справедливость сторожит.

И старый мир – Владыка всех столетий –
Нас принял снова и пути открыл;
Любовью к жизни мой народ согретый
Недаром миру службу сослужил.

Тепло сердец в нас снова засияет.
Тайник души откроется мирам...
Вот как бы одолеть нам, что зияет
У стен высоких, где сияет Храм.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Икона. Олицетворение данной России
милости Пречистой Богоматери, символическим
знаменем – Берегини славян.

Даруй спасение народу
И вышней милостью яви
С ним разлученную Свободу,
Им сохраненную в крови.

Убереги потомство наше,
Преумножая каждый род,
Чтоб было нас мудрей и краше
И не изведало невзгод;

Чтоб обессилела утроба,
Таящая коварный плод,
Чтоб не рождались ложь и злоба,
Чтоб был разрушен их оплот.

Чтобы гармонию Природы
Познали люди, чтоб считать
На сотни им, не старясь, годы;
Мечтам, надеждам – явью стать.

Придай могущество закона
И навсегда установи, –
Что пробуждает в нас икона, –
Стремленье к истинной любви.

Да будет дело нам такое,
Что мужественным лишь дано,
Чтоб в гипнотическом покое
Не опускались мы на дно.

Даруй спасение народам,
Благословение яви,
Дай им постичь твою природу,
Пусть Вера крепнет в их крови.

Яви землянам милость Бога,
Эпоху Света подари.
И с каждого взыскуя строго,
Заблудший путь их озари.

Не то истома одолеет,
Сердца заставит онеметь,
Когда землян Любовь не греет,
А просветленья нет и нет.

С. Есенину

Жаль, что нет тебя сегодня.
Может, ты и здесь, в другом
Воплощенье благородном?
Ведь душа твоя кругом.

И твоя душа с моею
Разговор ведут опять,
Что и я за жизнь болею,
И народ хочу понять.

Жаль, что нет тебя сегодня,
Ты б увидел наш народ:
Как он строит все, что модно, –
Все хватает, все берет.

Вот по этой-то причине
У меня душа дрожит,
Видя, как идет к пучине
Наш народ, уставший жить.

Захлестнувшись в перестройке,
Он в агонии горит.
А удел, Сережа, горький,
Но, что делать, – надо жить.

А душа добра отдачей,
К доброте зовет народ.
Наш народ еще ходячий –
Значит, будет крепкий род.

Мы с надеждой и отрадой
Обретаем новых глав.
Ты-то жил в стране парадной,
Где народ был словно сплав...

Жаль, что нет тебя сегодня.
Может, ты воспел бы новь
В тех ее чертах природных,
Как велит душевный зов.

1990

Я не знаю тьму ночную,
Я живу среди светил.
Запах звезд я телом чую –
Звездный хадж я совершил.

В пору юного творенья,
Мысль с душой соединя,
Ждал я в чувствах единенья,
Звездным отблеском горя.

И в порыве вдохновенья,
Всем творениям небес
Веря, шел на исцеленье
В звездный мир, как просто в лес.

И узрел я все людское,
Все порывы всех страстей –
Но не понял, что такое
Человек в природе всей.

Душа слуга ли?
Друг ли?
Приходит, чтоб уйти?
Иль что-то ищет в мире,
Чего нельзя найти?!
Летит везде и всюду?
Иль есть стезя своя?
Иль с ней в Земле пребуду,
Уже Землей живя?!
ДУША!
А может, все же
Когда-то ты была
Звездой голубою

И среди звезд плыла?
Потом, когда-то, любо
Воплощена во мне?
А я отесан грубо
И вижу лишь во сне
Тебя?!
Но ощущаю все же,
Что ты одна во мне,
Что ты всего дороже,
Что Ты всего мудрей!
Но я не знаю: Кто Ты?
Я – Ты? Иль Ты – не Я?
Во мне миры-пустоты

Ничто в себе храня?!
И, обращаясь к предкам
Эпохи доземной,
Мне говорят о редком –
Что не был Я землей!
Тогда кем был Я ранее?
В ком воплещусь Я впредь?
Вот знать бы все заранее,
Какой настал черед!
После Себя кем буду,
В полете вечном... там?..

Все о Земле забуду,
С людьми где выростал?!
И все земные блага,
Что Я трудом добыл,
Как испаренья влаги?..
И Я, что не был... был?... ..
Мне помнятся Барьеры
Из Мира в МИР иной?!
Мы – Звездные Курьеры?!
Творцы Земли родной?!

А. Б. Канокову

Луч благодати вновь озаряет
Храмы души, изгоняя печаль.
Наш Эгрегор всю страну очищает
И открывает туманную даль.

Те искушения, что ослепляли,
Наш Искупитель поверг и смирил,
Чтобы друг друга не оскорбляли,
И человек только благо творил.

Мы как надежда, как оправданье
Наших колен и святой старины;
Мы очистительной жертвы страданье –
Для возрождения нашей страны.

В нас не останется принципов ложных.
Нас назовут пилигримами вновь.
И в превращениях немислимо сложных
В этносах мощных очистится кровь.

Видно, рождается Светоч духовный,
И возвращается истина к нам.
Значит, потомству верит Верховный,
В души вернув свой сияющий храм.

Мы как сыны чудотворного света
И прорицатели новых времен,
Что подтверждается звездною метой
И возвращением славных знамен.

Луч благодати льется отрадно,
В прах обращая все крепости зла,
Значит, идет возрождение ладно,
Чтобы с души безысходность сползла.

Скачет смена жизни
По родной земле,
Радуя Отчизну,
Что была во мгле.

Смотрит смена жизни
С трудною судьбой,
Что времен капризы
Сеют вразнобой.

Мы по долгу службы
Чистим наши дни,
Укрепляя дружбу,
Что была в тени.

Поднимаем веру
До высот души,
Чтоб разрушить меру,
Взросшую во лжи.

Не оглохли люди,
Люди не слепы.

Души их в остуде,
В них инстинкт толпы.

В людях силу духа
Кто-то усыпил.
А в сердцах разруха
Пригасила пыл...

Скачет смена жизни,
Скачет по земле,
Радуя Отчизну,
Что была во мгле.

И смеется шумно
Молодой народ.
Дай же Бог, чтоб умно –
Сохранил он род...

Скачет звездный отпрыск
В звездные миры.
А душа – как пропуск
Этой детворы.

Смерть – как корабль Божий,
Души плывут на нем.
Жизнь – как корабль тоже,
Кажущийся сном.

Боже, скажи во благо:
Правда, что жизнь – во сне?
Правда, что смерть – отвага
В этой земной возне?

Правда, что я однажды
Буду иметь причал?
То ли имеет каждый
Общим исходом начал?

Ты не мое ль подобье
Вновь отправляешь в путь,
Чтоб над моим надгробьем
Было кому вздохнуть?

Бог ниспослал испытанье земное
С тем, чтоб духовность я снова собрал!
Все, что во мне накопилось дрянное,
Чтобы я детям не передал!

Не для того ли вы бьете поклоны,
Чтобы деянья свои искупить?
Вы умножаете детские стоны, –
Как во грехе вам не боязно жить?!

Муки детей разбудить вас успели? –
С тем, чтоб в себе всю духовность собрать!
С тем, чтобы подлость вы сеять не смели!
С тем, чтобы злом этот мир не венчать!

Бог ниспослал испытанье земное,
Чтоб распознать в испытании себя...
Чтобы деяние это святое
Не позволяло вам жить не любя!

И я сотворил бы несчастье Земное,
Но Богу спасибо, что я не такой!
Мое назначение в Мире иное,
И правит Всевышний моею судьбой.

Меня вдохновляет на добрые вести
И путь указывает всеильной рукой...
А здесь, на Земле, процветание мести –
Идут друг на друга зловещей ордой.

И топчут себя и планету нещадно.
Душа у Планеты усталой болит.
Откуда ж в тебе, Человек, кровожадность?!
Ведь Ты предназначен бессмертье творить.

Твое милосердие – спасенье от порчи!
Ты можешь вселить благоверье благим.
Ты – в жизни Земной жизнетворческий кормчий,
А кормчий не должен быть кормчим плохим!

И ключ от небес заключили в тебя же,
И путь до Судьбы осветили Душой...
Один Ты приставлен священной стражей,
Хранящей земной и небесный покой.

Новые ценности, новые цели
Новой духовною силой полны.
Значит, в космических фазах успели
Вычислить тех, кто духовно больны.

Та трансформация чувств и эмоций,
Как верования, зреют в процесс.
Значит, сознание страждущих наций
Вновь обретает генный прогресс.

Так происходит и творчество Духа
И обновляется внутренний рост.
Даже в движенье нежнейшего пуха
Реализованных сил нам не счесть.

Там, где субстанция импульсом правит
И вдохновленному выжить дает,
Жизнь скорректирует, где-то подправит,
Там и ошибки людские поймет.

Новые ценности, новые цели
Новой духовною силой полны.
Те идеалы, что прежде имели,
В новые ценности обращены.

Так изменяются в жизни законы.
Если диктатор выносит вердикт,
Нам остаются лишь только поклоны,
С тем, чтоб диктаторам не навредить.

КРЕСТ

Будто вновь ко мне стремится
Тайна древняя твоя.
Мне легко с тобой молиться,
Мысль о жизни не тая.

Я не знаю, что случилось
С теми, кто создал тебя.
Но все общество крестилось
С давних пор, тебя любя.

Ты – как знак из дальней дали, –
Ты идешь издалека.
Из сакральной ты морали
К нам стремишься сквозь века.

Но случается сегодня
Трудно суть твою понять:
Кто-то чтит, и всенародно,
А иные и винят.

Изучая по эпохам
Жизнь и Судьбы древних лет,
Собираем мы по крохам
Твой правдивейший портрет.

Все же верой к нам стремится
Тайна древняя твоя.
Мне легко с тобой молиться
На пороге Бытия.

У ХРАМА

Милосердною печалью
Ты с моей душой плыла.
И луна фатой венчальной
Над тобой лучи плела.

Видно, Господа охрана
Сберегла вселенский Дух.

Шло сияние из храма,
Украшая чувства двух...

И душевность засверкала,
Разрывая пелену...
Видно, долго жизнь искала
Ту волшебную волну.

Иди, присядь, подруга, –
Что вспомним, что споем,
Посмотрим друг на друга –
Давно мы не вдвоем.

Ты плакала, смеялась –
Ах, господи, прости!

Мы вспомним, как влюблялась
До кончиков ушей,
Как после – отдалялась,
Мол, все прошло уже.

Иди, присядь, подруга,
Налей в бокал вина.
Мы вспомним, как друг друга
Кляли, себя виня.

Как снова ты влюблялась,
Клялась любовь возрасти.

Мы вспомним, как украдкой
Сидели под луной
В объятьях страсти сладкой,
Какой-то неземной.

Иди, прижмись, подруга,
И сердце отогрей.
В душе такая вьюга, –
А ты налей, налей!

Налей, чтоб все забылось,
Чтоб снова ты клялась,
Чтоб сердце вновь забилося,
И песня полилась!

А то душа скучает,
Густеет в сердце мгла.
Быть может, жизнь венчает,
Что ты во мне зажгла?

Садись, прижмись покрепче,
И спой для сердца вновь,
Чтоб сердце было легче, –
В нем плачется любовь.

А то в душе истома,
На сердце пелена,

И мысль бежит из дома
Туда, где ты одна.

Открой, подруга, сердце,
Быть может, вновь найду
Тропинку к тайной дверце,
Оставленной в саду.

Перелистаем вместе
Страницы прошлых дней,
Без лести и без мести,
Когда нам жизнь видней.

Не мог я знать в то время
О будущей судьбе,
Что сердце, тверже кремня,
Воротится к тебе.

Приду и постучу я
В окошко лунным днем.
Быть может, Бог, врачую,
Любовь зажжет огнем.

ДЕВИЧИЙ ПЛАЧ

Если захочешь покинуть меня,
Не говори мне об этом.
Пусть не согреться уже у огня,
Не улыбнуться рассветам.

Лучше скажи, что в любой стороне,
В долгой разлуке
Слышишь печальный мой голос
во сне,
Видишь зовущие руки.

Лучше скажи, что готов принести
Росные ландыши снова,

Чтобы сумели они расцвести
Песней от верного слова.

Знаю – случается наоборот,
Но о тебе вспоминая,
Буду я ждать возле наших ворот,
Все это зная.

Пусть не согреться уже у огня,
Не улыбнуться рассветам.
Если захочешь покинуть меня,
Не говори мне об этом.

Подошел ли Я вплотную
К той критической черте,
Где природу, мне родную,
Загубили Черти Те?..

Те, которые без Бога
И без ангельской трубы
Вьются около порога
Всекосмической судьбы.

Подошел ли Я к границе,
Где порок, имея власть,
Искажая наши лица,
Плоть высасывает всласть?

Где Вы, Люди, Жизнелюбы!
Где ты, Сила всей Земли?!
Жизнью правят благорубы,
Что нас к бездне подвели.

И шагнуть боюсь к границе,
И назад идти нельзя...

Изощряются в столице,
Приказаньями грозя.

Может, время, брат, такое?
Каждый оскорблен и бит.
Неприятием покоя
В каждом сердце яд горит?!

Может, так, а может – эдак.
Жизнь в любви не терпит Яда!
С высоты Вселенских веток –
Человечество не стадо.

Но, как видим, вероломно
Проникая в суть вещей,
Силой черною, погромно
Сокрушают мир Людей.

Как же Я наказан этим!
Или это лишь испуг?
Если мы без ВЕРЫ едем?
Если будет пропасть вдруг?

* * *

В пропорциях мира, чудес и надежд
Живу по гармонии света.
Я – как золотое сечение звезд,
Я – как эволюция где-то.

И в жизни земной, как духовный поток,
Текут мои мантры строго,
Цепляясь за новый верховный виток,
По принципам Истины Бога.

И в той абсолютности Истины, там,
Где все подвергается воле,
Меня ты разыщешь по нежным следам,
Как ищут тропиночку в поле.

В пропорциях мира, чудес и надежд
Лечу по гармонии света!
И там золотое сечение звезд
Увидят как Истину где-то.

Владимир КУДАЕВ,
заслуженный работник культуры КБР,
лауреат Государственной премии КБР

ВЕРНЫЙ СЫН ДВУХ БРАТСКИХ НАРОДОВ

Очерк

Владимир Сафарбиевич Кебеков родился в селении Старый Лескен Кабардино-Балкарской Республики, выпускник СКГМИ, прошел путь от бетонщика до руководителя республиканского масштаба. Ему присвоены звания: «Заслуженный энергетик РФ», «Почетный строитель России», «Заслуженный работник Минтопэнерго России». Удостоен высшей награды РСО-Алания, Почетной грамоты и других знаков отличия Кабардино-Балкарии, ордена Дружбы и Почета Республики Южная Осетия, медали «За заслуги перед Байконуром», многих общественных наград.

*Владимир Сафарбиевич
Кебеков*

Северная Осетия и Кабардино-Балкария имеют давние и крепкие братские отношения. Мы все по праву гордимся ими и готовы на многое, чтобы они никогда и ничем не были омрачены. Во все времена существовала категория людей, которые всю свою жизнь посвящали святому делу укрепления этих связей, заложенных еще нашими далекими предками. К ним с полным правом можно отнести Билара Емазаевича Кабалоева, родившегося на кабардинской земле, мужавшего в Кабардино-Балкарии, а затем посвятившего всего себя процветанию Осетии. В качестве руководителя республики он сделал все, чтобы его сородичи жили достойно. При этом Билар Емазаевич никогда не забывал и вскормившую его Кабардино-Балкарию – часто бывал здесь, поддерживал самые теплые связи с первым секретарем обкома КПСС Т. К. Мальбаховым, признанным политическим авторитетом и государственным деятелем масштаба страны. Об их дружбе до сих пор ходят легенды, настолько она была крепкая. Теплые взаимоотношения двух лидеров зеркально отразились на отношениях двух братских республик, давая мощный импульс их дальнейшему расцвету. Позже, уже после советской власти, он также часто приезжал в Кабардино-Балкарию, принимал участие во многих знаковых мероприятиях.

Помню, однажды он принимал участие в церемонии подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между Кабардино-Балкарией и

РСО-Аланией, это было в период правления В. М. Кокова и А. С. Дза-soхова. После завершения официальных церемоний, он встал, выступил очень сердечно, затем, извинившись, перешел на кабардинский язык и без единой помарки высказал все свое благорасположение к нашей республике. Разве возможно переоценить такое явление!

Однако ничто не вечно. Покинули свои должности и эти достойнейшие аксакалы, как ушла безвозвратно и общественно-политическая формация, которую они представляли всю жизнь. Если совсем откровенно, постепенно начали терять свою цену и такие понятия, как дружба, братство, единение, уступая давлению золотого тельца. В связи с этим остро встал вопрос о необходимости иметь такое связующее звено, которое не позволило бы ослабить достигнутые братские отношения между Осетией и Кабардино-Балкарией. Это тем более было важно потому, что сразу после распада великой страны появились устойчивые тенденции развала всех ранее существовавших горизонтальных, вертикальных, хозяйственных, дружеских и иных связей.

Конечно, поручением начальства или росчерком пера такие вещи не делаются – здесь требуется веление души человека, который этим будет заниматься. Вскоре стало понятно, кто станет тем звеном, что дальше будет связывать две братские республики, – это Владимир Сафарбиевич Кебеков. Природа этого человека такова, что ему всегда удается для всех быть своим, незаменимым, родным – ничего взамен не требуя. Главный секрет этого, теперь уже редкого явления – в его бесконечном обаянии, которое, в свою очередь, зиждется на человеческой доброте, глубокой порядочности и уважительном отношении к людям. Кроме того, Владимир Сафарбиевич больше всего желает, чтобы усилия старших и уважаемых людей не пропали зря и была продолжена кропотливая, порой никем не замечаемая работа по укреплению братских, дружеских связей Осетии и Кабардино-Балкарии. А кто лучше справится с такой сверхважной задачей, чем Владимир Кебеков, если он по рождению и национальности осетин, а по месту рождения и воспитанию – больше кабардинец, еще в детстве в Анзорее выучил язык, узнал и впитал в себя обычаи и традиции. Тем он и покоряет всех, с кем приходится общаться – детальным знанием ментальности обоих народов.

Возможно, он привлекает окружающих своей обаятельной и неповторимой улыбкой, а может, той мудростью и рассудительностью, что идут из глубины опыта рода человеческого, который учит, что доброта согревает, а потому притягательна. Весьма вероятно, что это передалось от отца, известного в Кабардино-Балкарии партийного и советского деятеля. Возможно, она в постоянном соблюдении кавказских обычаев и традиций? Но, наверняка, всем этим вместе взятым, что составляет суть кавказского воспитания, он делает то, что объединяет, сплачивает людей, создает ядро содружества, которое способно выдерживать пресс времени, тяготы жизни, и позволяет в любом обществе быть востребованным.

И вот получается: осетины в Осетии, да и за ее пределами, убеждены, что Владимир Кебеков таков, что не может не быть патриотом Осетии, не знать осетинских обычаев, традиций. И так оно и есть, и, кроме того, он – тонкий знаток осетинской истории. Кабардинцы, среди которых он рос, уверены, что Владимир вобрал все лучшее в себя от адыгов. И это так – он прекрасно владеет их языком, знает и чтит их историю, обычаи и все традиции. Многие сделал для процветания республики. Озрекцы, откуда произошел род Кебековых и где этот род оставил заметный след, уверены, что Владимир чтит их больше, чем анзореевцев, где он рос, а те, в свою очередь, убеждены, что роднее их у него никого нет. И часто это становится предметом спора между ними. И те, и другие всегда рассчитывают на его помощь и никогда не обманываются, это добавляет авторитета Владимиру Сафарбиевичу.

Вдобавок ко всему этому, делу помогает и то, что Владимир Сафарбиевич больше всего на свете хочет, чтобы обе его родины не только жили в согласии, что само собой разумеется, а чтобы их связи развивались и крепчали с каждым днем. И он неустанно способствует этому, при каждом удобном случае поясняя людям преимущество товарищества и братства.

Способствуют этому и дружеские отношения со всеми представителями Кабардино-Балкарии в органах власти России, а также – со стороны Осетии – с членом Совета Федерации РФ Т. Д. Мамсуровым, депутатом Госдумы В. Г. Газзаевым, известным во всем мире А. С. Фадзаевым, президентом Южной Осетии Л. Х. Тиболовым, председателем международного общественного движения осетин Б. Б. Басаевым, президентом СОГУ А. А. Магомедовым, в честь дружбы с которым была высажена аллея голубых елей вокруг университета, со своим дипломным руководителем З. М. Хадоновым, генералом С. Н. Каболовым, профессором Созановым, теплые отношения с братом, В. М. Лагкуевым, многими известными общественными и политическими деятелями. Так же при встречах с Главой республики В. З. Битаровым обсуждаются вопросы укрепления связей между РСО-Алания и КБР.

Среди множества дипломов и благодарственных писем на самом почетном месте – две рамки. В одной – благодарность Главы Республики Северная Осетия-Алания Т. Д. Мамсурова, которая гласит: «Выражаю Вам искреннюю благодарность за поддержку и теплоту, проявленную к жителям города Беслан, пострадавшим в результате чудовищного преступления, совершенного террористами в сентябре 2004 года. Мы всегда будем помнить и считать самыми близкими народу Осетии людьми всех, кто разделил горечь и боль нашей невосполнимой утраты. Желаю Вам мира, добра и благополучия». В другой – благодарственное письмо Президента Южной Осетии Э. Дж. Кокойты: «За большой вклад в дело укрепления мира и согласия на Кавказе, активную и плодотворную деятельность по преодолению последствий гуманитарной катастрофы в Южной Осетии и значимую практическую помощь, оказанную осетинскому народу».

Делу способствует его огромный жизненный опыт, многолетняя парламентская деятельность – сейчас он является депутатом Парламента Кабардино-Балкарии, возглавляя Региональное отделение партии «Справедливая Россия». Все наработанное он умело использует для помощи тем, кто в этом больше всего нуждается. У Владимира Сафарбиевича все дела и помыслы подчинены выполнению задачи дальнейшего сближения двух народов, являющихся ему близкими. Даже образ жизни, поведенческие мотивы, простые человеческие взаимоотношения, если они правильно выстроены, по мнению В. С. Кебекова, льют позитивную воду на мельницу дружбы и братства.

В этой связи вспоминаю речь видного государственного и общественно-политического деятеля России, дипломата Александра Дзасохова на похоронах Т. К. Мальбахова, когда он говорил о привилегированности, высшем образце добрососедства Кабардино-Балкарии и Осетии и значимости в этом Мальбахова и Кабалоева, подчеркивал, что главная задача следующих поколений простая – «... надо лишь не испортить, не ухудшить то, что достигнуто ранее; и сложная – ибо тот высочайший уровень взаимоотношений, которые заложили Мальбахов и Кабалоев, требует постоянных, неослабных усилий по его поддержанию. И мы перед лицом наших народов обязаны крепко держать знамя дружбы, полученное из рук наших предшественников».

Для Владимира Кебекова это не просто слова к случаю – они стали сигналом к активному участию в делах по претворению в жизнь пожеланий таких людей, как Дзасохов. Делу способствуют его огромный жизненный опыт, многолетний опыт парламентской деятельности – сейчас он уже четвертый созыв является депутатом парламента Кабардино-Балкарии. Все наработанное он умело использует для помощи тем, кто в этом больше нуждается. В серьезном деле не бывает мелочей. У Владимира Сафарбиевича все дела и помыслы подчинены выполнению задачи дальнейшего сближения двух народов. Его уважительное отношение к людям, знание обычаев, традиций, истории двух народов, его врожденные учтивость и интеллигентность, начитанность способствуют знакомству и сближению со многими известными людьми, укреплению дружбы между народами, чьим общим сыном он себя называет и которыми он немало гордится. И эта гордость часто имеет вполне осязаемую людьми материальную составляющую. Например, когда Владимир, будучи генеральным директором ОАО «Каббалкнефте-топпром», на границе с Осетией строил нефтеперерабатывающий завод, я стал невольным свидетелем, как ходоки из кабардинского Нижнего Малгобека, что в Моздокском районе Осетии, просили у него трубы на газификацию своего села. И хотя средства на приобретение тех же труб он находил, скажем, нелегко, Кебеков все же им помог. Подобный был случай, когда из квартала, где он рос, приехала группа ходатаев с просьбой о помощи в газификации села – и снова он решил проблему.

В другой раз бывший руководитель того Нижнего Малгобека Николай Кудяев мне рассказывал, что если бы не системная помощь Кебекова топливом для техники, в колхозе случилась бы беда. Он это мог себе позволить, потому что возглавляемое им объединение к тому времени на границе с Осетией построило нефтеперерабатывающий завод, который был передан другим структурам и благополучно разрушен.

Считая его своим, приезжают к нему и озрекцы, и анзореевцы. Много он помогает осетинскому культурному центру, находящемуся в Нальчике. Ведь мелких, малозначащих проблем у диаспоры не бывает – кого-то нужно устроить на работу, другого – определить на лечение, третьему помочь советом, еще кому-то материально. И всем вместе – добросердечием, моральной поддержкой. Владимир Сафарбиевич готов пойти навстречу, и делает это так, как будто это больше нужно ему самому, как будто сегодняшней его отказ равносильна катастрофе. У него самого отношение к обращающимся довольно философское: «Ведь просить о чем-то кого бы то ни было очень трудное занятие. Если человек обращается с просьбой, значит, обстоятельства его к этому вынудили. И потом, если бы они не были уверены, что я смогу помочь – ни за что не пришли бы именно ко мне».

Сопереживать умеют не все. Одно дело горестно покачать головой, вовремя сказать правильные слова поддержки, но совсем другое – искренне воспринимать чужую боль, сделать ее своей, найти возможность оказать посильную помощь пострадавшим. Уметь разделить чужую боль дано не каждому, но Кебеков не такой. Особенно явно это стало заметно во время трагедий как в Южной, так и Северной Осетии – Алании. После трагедии в Беслане он чуть ли не ночевал там, памятуя о том, что поддержка соотечественников в такие моменты многого стоит. И не просто находился в месте событий, но и морально и материально помогал тем, кто нуждался в его бескорыстной помощи.

Владимир Сафарбиевич обладает безукоризненным чувством соразмерности, понимая, каким должно быть почтение к старшим. Понимая, что должно быть осязаемое и заметное окружающим отличие пустого раболепства или, как это часто бывает, прикрытое традициями элементарное чиновничество, подхалимство, от дани уважения к прожитым годам и заслугам. На Кавказе многим присуще данное качество, за что, в том числе, нас кавказцев, уважают повсеместно, но именно у Владимира Сафарбиевича Кебекова оно выражается естественно, как бы само собой разумеющееся, и потому – красиво. Гордое выражение лица этого вечно молодого красавца при этом никогда не теряет привычного образа. К этим обобщениям меня привел услышанный разговор очень уважаемых в Кабардино-Балкарии людей: Героя Социалистического Труда, академика РАН Михаила Залиханова, в то время бывшего министром жилищно-коммунального хозяйства Владимира Мустафова и бывшего председателя Нальчикского горисполкома Али Исмаилова. Они наперебой хвалили вдалеке стоящего В. Кебекова: он – и внимательный, и учтивый,

и воспитанный, и верный слову, знает, как угождать не друзьям, а самой дружбе. Владимира Мастафова, известного своей скупостью на похвалу, на этот раз, казалось, подменили: он длинно и убедительно, подкрепляя яркими примерами, убеждал собеседников в его, Кебекова, удивительных деловых качествах, главными из которых подчеркивалось упорство, целенаправленность, профессионализм, присущие ему с молодых лет. Именно этим аргументировал он свои рекомендации обкому партии, когда настойчиво уговаривал высокое начальство утвердить 30-летнего осетина на важнейшую должность начальника управления жилищного хозяйства республиканской столицы.

Много позже я вспомнил хвалебные речи тех уважаемых людей в связи с одним случаем. Роза Сабанчиева, долгие годы проработавшая председателем федерации профсоюзов КБР, хорошо зная, что я посвятил много времени изучению неординарной личности бывшего первого секретаря обкома КПСС Тимбору Мальбахова, как-то при встрече говорит: «Ты знаешь, какой по-человечески понятный и теплый поступок совершил Володя Кебеков? Он взял и заменил старую невзрачную памятную доску в доме, где жил Тимбора Кубатиевич! А ведь не только он, мы все видели, в каком она состоянии, а поменять догадался только он». Я так же был приятно удивлен.

Подумаешь, скажет, может, иной непосвященный, какая невидаль! Но Тимбора Кубатиевич к тому времени уже не только не занимал никакие должности, его уже даже не было в живых. Дело в том, что преемнику Мальбахова не нравилось ничего, что было связано с именем предшественника – так часто бывает. Этим и объяснялась неказистость и неприметность памятной доски. Но В. С. Кебекова не остановила вероятность неприятностей, и, заказав другую, более богатую и красивую с барельефом, он заменил доску, явно не украшавшую память великого человека.

Поступок сей вовсе не показушный. Кебеков, всей своей сущностью уважал Тимбору Мальбахова, впрочем, как и его друга, бывшего первого секретаря Северо-Осетинского обкома партии Билара Емазаевича Кабалоева. И они оба по-отцовски нежно относились к Владимиру. Я, например, знаю, что он, наблюдая лучшие чувства дружбы двух уважаемых людей, понимая их жажду общения, не раз привозил в Нальчик Б. Кабалоева к Т. Мальбахову домой и после их продолжительного общения, часто далеко за полночь, отвозил бывшего осетинского лидера обратно во Владикавказ. И если бы все это было в бытность их первыми лицами, тогда все понятно. Для полноты картины нашего сегодняшнего героя важно знать, что это было тогда, когда они уже стали пенсионерами, тогда, когда большинству или в голову не приходило справиться об их здоровье, или они опасались того.

Приведу еще один пример не показушного, а истинного его почтения памяти Т. К. Мальбахова. К тому времени прошло уже достаточно

долгое время с тех пор, как умер Тимбора Кубатиевич, а о сооружении ему достойного памятника власти пока молчали. Негласное зондирование показало, что у власти на этом этапе, скажем так, другие приоритеты. Тогда Владимир Сафарбиевич поднял вопрос установления памятника на заседании парламента, справедливо полагая, что от запротоколированного депутатского запроса властям уйти будет сложнее. Так и получилось, хотя вопрос заволокнули. Много раз еще пришлось привлекать ветеранов государственной службы, близких соратников Мальбахова, ходить с ними к руководству, но проблема была решена лишь после вступления в должность нынешнего Главы республики Ю. А. Кокова, который после обращения к нему В. С. Кебекова распорядился ускорить процесс. Владимир Сафарбиевич также принял активное участие в подготовке к переизданию книги «Говорил тихо – слышали все», посвященной Т. К. Мальбахову, и полностью профинансировал ее издание из собственных средств. Он также профинансировал изготовление бюста этому великому лидеру, который установлен в Национальной библиотеке КБР к 100-летию юбилею Мальбахова. Заказал и оплатил все расходы по изготовлению и установке в Озреке бюста выдающемуся государственному и общественно-политическому деятелю Б. Е. Кабалоеву.

Однако, чтобы не получилось, будто Кебеков занимается увековечением памяти лишь великих личностей, замечу, что именно он добился того, что одну из улиц г. Нальчик назвали именем великого строителя, основателя треста «Каббалкпромстрой» Б. А. Левича, установили памятную доску с барельефом в доме, где жил патриарх жилищно-коммунальной сферы В. Ж. Мустафов. В настоящее время на стадии разрешения вопрос установления такой же доски Рылову, который также много сделал для становления и развития жилищно-коммунальной сферы республики. Немаловажную роль сыграл Владимир Сафарбиевич и в присвоении г. Нальчик звания «Город воинской славы». Первое обращение Парламента КБР в федеральные органы власти было отклонено. В. С. Кебеков не захотел отступать, да и не в его привычках отступать, и инициировал повторное обращение к руководству государства. Аргумент был, как говорится, железный – г. Малгобек присвоили это высокое звание, а там бои не проходили. Бои шли на территории Кабардино-Балкарии, в районе Курпских высот, где фельдмаршал Клейст потерял свыше 100 танков. По просьбе Кебекова обращение поддержал своим письмом воевавший в тех местах народный артист СССР Владимир Абрамович Этуш. После этих усилий В. В. Путин издал Указ о присвоении г. Нальчик высокого звания «Город воинской славы».

Таким образом, забота о памяти людей хотя и избирательна, но все же имеет некую специфичность. Главный критерий его подхода – заслуги перед республикой, ее народом.

В этой связи вспоминается один случай: директор школы № 1 селения Анзорей прислал в редакцию газеты «Кабардино-Балкарская правда»,

где я тогда работал, письмо с глубокой признательностью В. Кебекову за оказанную помощь, вспоминая при этом постоянную заботу его отца – бывшего председателя колхоза в этом селе, о школе, о подрастающем поколении. Здесь же извещал редакцию о том, что Совет местного самоуправления хотел назвать улицу Красноармейскую, где тот жил в свое время, именем Сафарби Кебекова.

Владимир Сафарбиевич, с присущей ему рассудительностью, возразил, аргументируя отказ тем, что его отец сам был красноармейцем, и идея переименовать улицу Красноармейскую в его честь ему бы не понравилось, будь он жив.

Письмо непривычно отличалось от каждодневных, поэтому, решив его опубликовать, я позвонил Владимиру Сафарбиевичу, которому давно симпатизировал, с желанием кое-что уточнить. Он уговорил меня не публиковать тот материал. Дело в том, что в то время у него состоялся тяжелый разговор с президентом республики В. Коковым, который настаивал на том, чтобы назначить В. Кебекова главой администрации вновь образованного Лескенского района. Еще раньше В. Коков предлагал ему стать министром топлива и энергетики Кабардино-Балкарии, и он отказался, так как был занят интереснейшим делом фактического становления нефтеперерабатывающей промышленности в республике. Тогда удалось безболезненно отговориться, мол, свято место пусто не бывает, а создать новую отрасль значительно важнее. Но ко времени нашего разговора таких аргументов под рукой не оказались, а президент настаивал, и Кебеков не хотел светиться в прессе и лишний раз его нервировать. Тем не менее, В. Кебеков нашел такие слова, при которых сошлись на том, что он временно возглавит новый район, пока не найдется другой человек на место главы администрации, а В. С. Кебеков будет баллотироваться в парламент республики и как депутат сделает все возможное для возрождения родного Лескенского района. Временную его должность назвали представителем президента КБР в Лескенском районе. Он здесь вошел в новейшую историю Кабардино-Балкарии, первым открыв страницу института персональных представителей президента республики в той или иной сфере.

О способности Владимира совершать неординарные поступки говорит один случай, свидетелем которого я оказался. Как-то в Нальчикском аэропорту встретился с Геннадием Сергеевичем Губиным, занимавшим тогда должность председателя правительства КБР, который, указывая на стоящего недалеко Владимира, сказал, что наш друг опять выкинул «фокус» – официальным заявлением отказался от услуг ведущей политической партии «Единая Россия», выдвинувшей его в депутаты парламента КБР, и решил пойти самовыдвижением по одномандатному округу. Хорошо зная ментальность кабардинцев и балкарцев, могу засвидетельствовать, что это был довольно смелый поступок, граничащий

с отказом от подаренного депутатского мандата. Потому что голосовали за тех, кого власть выдвинула через свою партию. Тем не менее, те выборы Кебеков выиграл 76-ю процентами голосов – остальные три претендента разделили оставшиеся голоса избирателей.

Взявшись за перо, чтобы написать о достойном уважения человеке, я разыскал в своем архиве одно письмо. Читая его, первое, что я заметил – неподдельную гордость учителя за ученика, не забывшего значения первого места учебы: «...Школа была в тяжелейшем положении, – писал директор, – полы в спортзале прогнили, стены облупились. Я обратился к Кебекову, нашему бывшему ученику. Ожидал расспросов, приготовился к длинной речи о тяжелом финансовом положении, отсутствии денег и т.п. Вопреки ожиданиям, помощь была оказана сразу».

Почти ежегодно Владимир бывает на мероприятиях в связи с окончанием учебного года, для лучших учеников им установлена ежегодная денежная премия имени его отца – Сафарби Кебекова, сделавшего для развития Анзорея и Лескенского района много полезного.

Чтобы узнать, что лежит в основе человеческого характера, важно знать, какая мечта его увлекала и звала за собой.

В детстве Володя Кебеков хотел стать морским офицером. Его манили странствия, приключения и опасности, нравилась морская форма, которая, безусловно, подошла бы этому внутренне и внешне красивому человеку. Но хотя он не стал покорителем морей (потому что так решила жизнь), эта готовность объять необъятное, проявлялась во всех его устремлениях, где всегда был поиск, совершенствование.

Работать Володя начал, освоив профессию бетонщика, на заводе железобетонных изделий, где сполна узнал всю тяжесть физического труда. Но уразумел, что дело только тогда изнуряет и не приносит удовлетворения, если не может быть улучшено, не требует работы ума. И хотя он думал, что первый его трудовой опыт – лишь проба сил, так получилось, что жизнь навсегда связала его со стройкой. Он говорит, что полюбил свою будущую специальность уже в армии, где пришлось работать прорабом на большом строительстве.

Что это за большое строительство, я узнал случайно, увидев у него на столе книгу воспоминаний бывшего командующего военно-космическими силами России генерал-полковника Владимира Иванова с дарственной надписью: «Владимиру Сафарбиевичу! Непосредственному участнику строительства космического старта площадки 95 «Байконур». Все сделано добротное, работает и сейчас». Рядом лежала другая книга «50 космических лет космодрома «Байконур», где красовалась надпись «Кебекову В. С. – строителю и ветерану космодрома «Байконур» с пожеланиями добра и удачи. С уважением, начальник космодрома генерал-лейтенант Л. Баранов». Оказывается, наш земляк, будучи по специальности строителем, работал прорабом на всемирно известной

Всесоюзной стройке, где показал себя исключительно с положительной стороны и был награжден медалью «За воинскую доблесть». История Байконура и действующий музей свято хранят те достойные дела, а отзвуки добросовестного труда В. Кебекова слышатся и теперь: не так давно «байконурцы» его нашли, пригласили на юбилейные торжества, где, при большом скоплении народа, к наградам на его груди добавился почетный юбилейный знак «За заслуги перед Байконуром».

Позже, вернувшись домой, уже на гражданке, начав рядовым инженером, Владимир Сафарбиевич прошел все ступени роста. Был начальником жилищного управления города Нальчика, инструктором отдела строительства обкома партии, начальником управления топливной промышленности «Каббалктотпром» (позже – «Каббалкнефтетотпром») и членом правительства КБАССР. Тогда же был удостоен великой чести быть избранным членом обкома партии.

Эту отрасль он возглавлял свыше двадцати лет, имел несомненные успехи. Он стоял у истоков создания в республике новой, до этого не известной здесь, хозяйственной отрасли – нефтегазовой. Впервые на земле Кабардино-Балкарии начали добывать нефть. Новое дело требовало больших усилий, теоретической подготовки и практических навыков. Все это он освоил, и даже защитил диссертацию в области нефтяной геологии. Несмотря на колоссальные трудности, им с успехом была разработана программа развития нефтяной промышленности КБР, активно поддерживаемая в свое время президентом Валерием Коковым. Усилиями Владимира Кебекова она вошла обособленной структурой в федеральную целевую программу по энергетике, и ее первый этап был реализован за счет инвестиций Минтопэнерго РФ.

Владимир Кебеков внес свой ощутимый вклад в развитие реальной экономики Кабардино-Балкарии. Об этом говорят присвоенные ему высокие звания: «Заслуженный энергетик РФ», «Почетный строитель России», «Заслуженный работник топливно-энергетического комплекса РФ», он награжден Почетным знаком Российского союза промышленников и предпринимателей». Он также удостоен высшей награды республики Почетной грамоты Кабардино-Балкарской Республики. Не забыла своего сына и Осетия: он награжден многочисленными почетными грамотами высших органов власти и высшей наградой РСО – Алании орденом «Во славу Осетии», орденами правительства Южной Осетии – орденом Дружбы и орденом Почета.

Владимир Сафарбиевич Кебеков и сегодня в центре бурлящей добрыми событиями Кабардино-Балкарии. Он неутомим, активен, деликатен, к его словам прислушиваются, его понимают, знакомством, дружбой с ним гордятся.

Нина ЕМУЗОВА,
*заместитель председателя правительства КБР –
 министр образования, науки и по делам молодежи КБР*

МИР И РАДОСТЬ ВАМ, ЖИВУЩИЕ!

В Кабардино-Балкарии на протяжении 2017 года проводились праздничные мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева, великого балкарского поэта, выдающегося сына Кавказа, человека с мировым именем.

С целью поддержки детского литературного творчества и создания условий для развития творческого потенциала юных авторов министерством образования, науки и по делам молодежи КБР совместно с правлением Союза писателей КБР, книжным издательством «Эльбрус» и Мемориальным домом-музеем К. Ш. Кулиева проведен республиканский конкурс «Слово твое идет по миру и учит мир радости» на лучшее литературное произведение среди детей и подростков, посвященный 100-летию со дня рождения Кайсына Кулиева.

Конкурс проведен в три этапа (школьный, муниципальный, республиканский) по двум номинациям – «Проза» и «Поэзия» – на трех государственных языках Кабардино-Балкарской Республики (кабардинском, балкарском, русском) с учетом возрастных категорий. На республиканском этапе приняло участие более 250 учащихся. Авторы лучших работ отмечены грамотами министерства образования, науки и по делам молодежи КБР и правления Союза писателей КБР, а всем участникам вручены сертификаты.

В день памяти К. Ш. Кулиева в Доме-музее великого поэта в Чегеме юные авторы читали свои произведения и вызвали живой интерес у всех присутствующих.

Конкурсные работы на самом деле оказались весьма интересными, каждая строчка, написанная детьми, дышит жизнью, их творческие работы приглашают к раздумьям. Чтобы широкий круг читателей мог соприкоснуться с творчеством подрастающего талантливое поколение и окунуться в его миропонимание, было решено подготовить и издать отдельным сборником лучшие работы, представленные на конкурс.

Думаю, что поэту, сказавшему: «Горы созданы для того, чтобы человек становился выше», – понравился бы наш сборник, ибо дети, равняясь на горы и на великого Кайсына, ставят перед собой прекрасную задачу – быть творческими людьми.

С удовольствием приглашаю читателя в удивительный мир детей!

Артур КОКОВ,
*руководитель пресс-службы РКЦ Движения
«Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) в КБР*
Лидия КАМЕРГОВА,
*заведующая отделением «КБКС»
и.о. директора МКОУ «СОШ № 1» с.п. Малка*

БУДУЩЕЕ ФОРМИРУЕТСЯ СЕГОДНЯ

*Сегодня конкурентные преимущества получают те,
кто умеют работать на стыке знаний и навыков.*

В. Путин, президент РФ

В выступлении Владимира Путина на заседании наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив (АСИ) 7 марта 2018 года было ясно сказано: «Мы договорились, что ваши проекты, опыт движения WorldSkills лягут в основу программы модернизации среднего профессионального образования, послужат базой для формирования современной системы профориентации школьников и развития дополнительного образования».

Открывая форум, Нина Гузеровна Емузова сказала, что современный мир многогранен, противоречив, динамичен. Образование и обучение все больше становятся профессионально, технически ориентированными на сферу услуг, на рынок труда. Трудовые ресурсы и рабочие таланты сегодня – это залог повышения качества жизни завтра.

На 6-м Всероссийском форуме рабочей молодежи президент страны Владимир Путин акцентировал внимание на том, что России нужны люди, «готовые к вызову», то есть те, кто «в душе и сердце» хотят ответить на вызовы, стоящие перед страной, и могут это сделать. По

его мнению, внутри каждого специалиста должен быть запущен «ядерный реактор» в виде желания достигать новых высот и добиваться ощутимых результатов.

Президент России Владимир Путин объявил о запуске масштабного проекта по профориентации школьников – «Билет в будущее».

Он стартует уже в этом году. Профориентационный тест охватит не менее 1 млн ребят, а 100 тыс. из них получают тот самый билет в будущее, который даст возможность пройти профессиональные пробы с наставниками.

По оценкам НИУ «Высшая школа экономики», половина образованных россиян работают не по специальности. И это как раз результат отсутствия профориентации. Чаще всего на выбор профессии у нас влияют родители и родственники, жизненные обстоятельства, ожидаемая зарплата. При этом крайне мало людей пробуют себя в той или иной специальности, перед тем как принять одно из самых важных в своей жизни решений.

В предыдущие годы в России произошел сильный перекося в сторону высшего образования. Большинство родителей во что бы то ни стало стараются устроить своих детей в вуз лишь потому, что в обществе это стало своего рода социальной нормой. Нерадивых учеников пугали фразой: «Пойдешь учиться в ПТУ». Однако рынку труда не требовалось столько юристов и экономистов, сколько «производили» вузы. В результате многим выпускникам приходится сегодня устраиваться на работу не по специальности.

Статистика показывает, что более 25% процентов российских выпускников и сейчас получают избыточное образование, которое не пригодится им в будущем. Дипломы вузов имеют 14% продавцов и охранников. В последнее время дисбаланс между высшим и средним профессиональным образованием стал понемногу выправляться.

Увеличивается количество девятиклассников, выбирающих для продолжения учебы колледжи и техникумы. Актуальность профориентации, безусловно, растет. Мир профессий становится сложнее. Сегодня мы живем в век быстрой смены технологических укладов и глобальных подвижек на рынке труда. Многие профессии исчезают

либо трансформируются, появляются новые. Еще десять лет назад в мире не существовало некоторых из наиболее востребованных ныне специальностей, таких, как разработчик мобильных приложений, специалист по продвижению в социальных медиа (SMM), специалист по облачным вычислениям, создатель контента для YouTube-канала, специалист по информационной безопасности. Сейчас такие профессии становятся все более востребованными. Не менее важны на рынке труда рабочие профессии, такие, как облицовщик, парикмахер, повар, слесарь, электрик.

Чтобы не ошибиться с выбором, не потратить годы на приобретение нелюбимой специальности, школьникам важно иметь как можно больше информации о существующих и новых профессиях. Главное: у ребят должна быть возможность как можно больше пробовать. Пробовать что-то делать своими руками под руководством наставников. Только тогда ребята смогут принимать осознанное решение и самостоятельно выстраивать свою образовательную траекторию.

В развитых странах тратятся огромные ресурсы на то, чтобы дать возможность каждому человеку найти дело по душе. Чтобы создавать продукты и технологии мирового уровня, профессионал должен не просто владеть профессией на уровне «могу», он должен быть по-настоящему увлечен своим делом. Таких профессионалов нам нужно начинать воспитывать уже сейчас.

Именно на выявление, развитие и поддержку таких профессионалов направлено движение «WorldSkills», участником которого Россия стала в 2012 году.

Главная цель движения: повышение престижа рабочих профессий и развитие профессионального образования. Это своеобразный центр совершенствования и развития навыков мастерства. WorldSkills объединяет молодежь, производства и педагогов, чтобы научить молодых людей профессиональному мастерству и показать им, как стать лучшими в выбранной ими специальности. От традиционных ремесел до многопрофильных профессий в области промышленности и сферы услуг, при поддержке партнеров, производств, правительства, волонтеров и учебных заведений, WorldSkills оказывает прямое влияние на рост профессионального мастерства во всем мире.

Чемпионат – это многогранное событие, где встречаются руководители государственных органов и образовательных учреждений, представители промышленности и общественных организаций, место, где обсуждаются самые важные и актуальные вопросы, связанные с профессиональным мастерством.

В Российской Федерации чемпионат по стандартам WorldSkills проводится вот уже пятый раз. В 2017 году команда профессионалов из Российской Федерации одержала командную победу на чемпионате мира

в Абу-Даби, а Казань станет местом проведения мирового первенства 2019 года.

В 2016 г. к WorldSkills присоединилась и Кабардино-Балкарская Республика.

В соответствии с Распоряжением Правительства КБР создан региональный координационный центр на базе ГКПОУ «Колледж «Строитель», руководителем центра назначен Суншев З. Ш.

С 27.02. по 02.03.18 г. в Нальчике прошел II Региональный чемпионат «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) Кабардино-Балкарской Республики. Оргкомитетом чемпионата и региональным координационным центром

проведена серьезная работа по подготовке площадок, их оснащению необходимым оборудованием. Работу оргкомитета возглавила заместитель председателя правительства КБР, министр образования, науки и по делам молодежи КБР Емузова Н. Г., в составе оргкомитета – заместитель руководителя управления регионального развития союза «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» Людмила Иванюк, работники министерств, ведомств, представители бизнеса.

Организаторами чемпионата выступили министерство образования, науки и по делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики совместно с региональным координационным центром Движения «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) в Кабардино-Балкарской Республике (Государственное казенное профессиональное образовательное учреждение «Кабардино-

Балкарский колледж «Строитель») при поддержке Союза «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» и правительства Кабардино-Балкарской Республики.

Главной целью явилось развитие профессионального образования в соответствии со стандартами международной организации «Ворлдскиллс» для обеспечения экономики КБР высококвалифицированными кадрами; повышение роли профессиональной подготовки в социально-экономическом и культурном развитии; повышение престижа рабочих профессий, привлечение молодежи в производственные секторы экономики, сферы услуг.

В чемпионате на 6 площадках по 14 компетенциям приняли участие 143 эксперта и 80 конкурсантов: обучающихся и выпускников

профессиональных образовательных организаций высшего и среднего специального образования, молодых рабочих промышленных предприятий в возрасте от 16 до 22 лет. В составе наблюдателей чемпионата – эксперты,

представители Союза WorldSkills Russia, оргкомитета, рабочей группы, организаций и предприятий КБР. Молодые профессионалы увлеченно работали на площадках ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель», ГКПОУ «Кабардино-Балкарский торгово-технологический колледж», «Педагогический колледж ИПП и ФСО Кабардино-Балкарского Государственного университета им. Х. М. Бербекова»,

ГБОУ «Детская академия творчества «Солнечный город», ГКПОУ «Кабардино-Балкарский агропромышленный колледж им. Б. Г. Хамдохова», Кабардино-Балкарского автомобильно-дорожного колледжа.

В работе чемпионата приняли участие Дмитриев Максим Георгиевич – руководитель Управления регионального развития Союза «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)»; Уфимцев Данил Александрович – руководитель Управления регионального стандарта и внедрения демонстрационного экзамена Союза «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия).

Четыре конкурсных дня отличались увлеченной и сосредоточенной работой конкурсантов, насыщенной деловой программой, профессиональным и требовательным отношением

экспертов к работе площадок, повышенным интересом молодежи к чемпионату. Более 3 500 школьников и молодых ребят побывали на соревнованиях, смогли воочию увидеть мастерство конкурсантов. Среди новых направлений в этом году – сетевое системное администрирование, медицинский и социальный уход, выпечка осетинских пирогов, мобильная робототехника, а также презентационно-выставочная компетенция «Мужской национальный костюм (черкеска)». Впервые на чемпионате была организована демонстрационная площадка по компетенции «Мужской национальный костюм (черкеска)». Организаторы чемпионата убеждены, что черкеска широко распространена среди народов России и данная компетенция позволит популяризировать национальную одежду, возродить ремесло предков. На площадке также была представлена выставка прикладных национальных ремесел.

экспертов к работе площадок, повышенным интересом молодежи к чемпионату. Более 3 500 школьников и молодых ребят побывали на соревнованиях, смогли воочию увидеть мастерство конкурсантов. Среди новых направлений в этом году – сетевое системное администрирование, медицинский и социальный уход, выпечка осетинских пирогов, мобильная робототехника, а также презентационно-выставочная компетенция «Мужской национальный костюм (черкеска)». Впервые на чемпионате была организована демонстрационная площадка по компетенции «Мужской национальный костюм (черкеска)». Организаторы чемпионата убеждены, что черкеска широко распространена среди народов России и данная компетенция позволит популяризировать национальную одежду, возродить ремесло предков. На площадке также была представлена выставка прикладных национальных ремесел.

Победители и призеры чемпионата по компетенциям:

Сварочные технологии

Шамшадов Байрам-Али Рашидович – 1 место (ГКПОУ «Прохладненский многопрофильный колледж» МОН КБР);

Алоев Хамид Асхадович – 2 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»);

Хакиногов Аслан Анниуарович – 3 место (КБ «гуманитарно-технический Колледж»).

Облицовка плиткой

Карданов Амир Бесланович – 1 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»);

Абдурахманов Исмаил Хусейнович – 2 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»);

Виндижев Астемир Заурбекович – 3 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»).

Сухое строительство и штукатурные работы

Гусаинов Джамиль Ахмедович – 1 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»);

Чапаев Алим Аниуарович – 2 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»);

Созаев Омар Юсуфович – 3 место (КПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»).

Мобильная робототехника – юниоры

Вадахов Азамат Тимурович,
Храмцов Александр Алексеевич –
1 место (ГБОУ «Детская академия
творчества «Солнечный город»);

Алакаев Мухамед Русланович,
Каров Ислам Асланбекович –
2 место (МКОУ «СОШ № 2» с.п. Че-
гем Второй);

Шибзухов Астемир Асланович,
Эльчепаров Кантемир Аслано-
вич – 3 место (МКОУ «СОШ № 1»
с.п. Малка).

Парикмахерское искусство

Урумова Залина Арсеновна – 1 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»);

Бокова Хава Микаиловна – 2 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»);

Писаренко Виктория Павловна – 2 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»).

Ремонт и обслуживание легковых автомобилей

Хаширов Руслан Асланович –
1 место (ГКПОУ «Кабардино-Бал-
карский автомобильно-дорожный
колледж»);

Барагунов Мурат Эдикович –
2 место (ГКПОУ «Кабардино-Бал-
карский колледж «Строитель»);

Кумыков Кантемир Маратович – 3 место (Терский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В. М. Кокова»).

Технология моды

Петренко Алим Ауладинович – 1 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»);

Дышекова Ларьяна Заурбековна – 2 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»);

Курданова Джамия Алиевна – 3 место (ГКПОУ «Эльбрусский региональный колледж»);

Ткаченко Анна Сергеевна – 3 место (ГКПОУ «Прохладненский многопрофильный колледж»).

Поварское дело

Аталикова Диана Анзоровна – 1 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»);

Кертиев Кантемир Анатольевич – 2 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский торгово-технологический колледж»);

Харитонов Антон Александрович – 3 место (ГКПОУ «Эльбрусский региональный колледж»).

Сетевое и системное администрирование

Тлегуров Ислам Мартинович – 1 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский гуманитарно-технический колледж»);

Пшеноков Марат Асланович – 2 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский гуманитарно-технический колледж»);

Бажов Георгий Александрович – 3 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский гуманитарно-технический колледж»).

Медицинский и социальный уход

Хуранова Эльвира Эдиковна – 1 место (Частное профессиональное образовательное учреждение «Медицинский колледж «Призвание»);

Каширгова Динара Аслановна – 2 место (Частное профессиональное образовательное учреждение «Медицинский колледж «Призвание»);

Тенгизова Диана Аслановна – 3 место (Частное профессиональное образовательное учреждение «Медицинский колледж «Призвание»).

Эксплуатация сельскохозяйственных машин

Алиев Астемир Юрьевич – 1 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский сельскохозяйственный колледж»);

Камбиев Хачим Эдикович – 2 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский агропромышленный колледж им. Б. Г. Хамдохова» министерства образования, науки и по делам молодежи КБР);

Божко Артем Сергеевич – 3 место (Майский филиал ГКПОУ «Кабардино-Балкарский агропромышленный колледж им. Б. Г. Хамдохова»);

Карданов Кантемир Тимурович – 3 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский агропромышленный колледж им. Б. Г. Хамдохова» министерства образования, науки и по делам молодежи КБР).

Преподавание в младших классах

Медалиева Карина Хачимовна – 1 место (Педагогический колледж института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования КБГУ);

Апажева Диана Хасановна – 1 место (Педагогический колледж института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования КБГУ);

Келигова Амина Алихановна – 3 место (Педагогический колледж института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования КБГУ).

Выпечка осетинских пирогов

Шхалишхова Милана Хасанбиевна – 1 место (ГКПОУ «Кабардино-Балкарский колледж «Строитель»);

Селифонова Людмила Сергеевна – 2 место (ГКПОУ «Прохладненский многопрофильный колледж» МОН КБР);

Костюк Валерия Александровна – 3 место (Терский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В. М. Кокова»).

Дошкольное воспитание

Аршулик Яна Андреевна – 1 место (ГКПОУ «Прохладненский многопрофильный колледж»);

Хандохова Милана Владимировна – 2 место (Педагогический колледж института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования КБГУ);

Желудкова Владлена Олеговна – 3 место (ГКПОУ «Прохладненский многопрофильный колледж»);

Дзгоева Милана Аликовна – медаль за профессионализм (Педагогический колледж института педагогики, психологии и физкультурно-спортивного образования КБГУ).

Демонстрационная компетенция – «Национальный мужской костюм (черкеска)»

Абазова Алина Рустамовна – 1 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»);

Кахова Камила Артуровна – 2 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»);

Пшеунова Анжела Арсеновна – 3 место (ГКПОУ «Нальчикский колледж легкой промышленности»).

Все участники и эксперты получили сертификаты за участие во II Региональном чемпионате «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia) Кабардино-Балкарской Республики. Победители и призеры чемпионата получили своеобразную «путевку в будущее» –

сертификаты на трудоустройство от министерства труда, занятости и социального развития КБР.

Деловая программа охватывала все направления чемпионата и включала в себя **семинары** – «Демонстрационный экзамен по стандартам Ворлдскиллс Россия, как форма оценки качества подготовки кадров», «Перспективы реализации федеральных образовательных стандартов СПО»,

«Экспертное сопровождение реализации федеральных стандартов среднего профессионального образования наиболее востребованных для экономики России (ТОП-50)»; **круглые столы** по темам – «WSR: от чемпионата к демонстрационному экзамену», «Интенсивное садоводство в Кабардино-Балкарской Республике: проблемы и особенности научного и кадрового обеспечения», «Стратегия кадрового обеспечения Кабардино-Балкарии», «Движение JuniorSkills», результаты работы и перспективы движения в КБР»,

«Worldskills Russia – 2017» в КБР итоги регионального и национального чемпионатов»; **панельную дискуссию** «Пилотная апробация проведения демонстрационного экзамена по стандартам Ворлдскиллс Россия в 2017 году»; **выставки профмастерства** (свои достижения представили профессиональные образовательные учреждения Минобрнауки КБР); культурные и экскурсионные программы и др. Проведены **мастер-классы** по новейшим технологиям производства с использованием техники, соответствующей международным стандартам.

«Worldskills Russia – 2017» в КБР итоги регионального и национального чемпионатов»; **панельную дискуссию** «Пилотная апробация проведения демонстрационного экзамена по стандартам Ворлдскиллс Россия в 2017 году»; **выставки профмастерства** (свои достижения представили профессиональные образовательные учреждения Минобрнауки КБР); культурные и экскурсионные программы и др. Проведены **мастер-классы** по новейшим технологиям производства с использованием техники, соответствующей международным стандартам.

В проведении чемпионата активно участвовали волонтеры-студенты и школьники. Большая работа проделана волонтерами-медиками.

В торжественных церемониях свое мастерство показали воспитанники ГБОУ ДАТ «Солнечный город», популярные артисты эстрады.

Партнерами чемпионата выступили: Кабардино-Балкарского филиал ПАО «Ростелеком», ОАО Халвичный

завод «Нальчикский», ООО «АстраВелд» г. Астрахань, КЕМРПИ, KNAUF, PLITONIT, TROTTER, КБР МЕДИА, Союз «Объединение организаций профсоюзов КБР», ИП М. Х. Кокова, Врачебная палата КБР, ООО «ВЕНСТРОЙ», ООО «Капитал-Инвест», ООО «АльянсТекстильПром», ООО «Рост Агро», ОАО «Гидрометаллург», Кабардино-Балкарский филиал «РусГидро», КБГУ им. Х. М. Бербекова, ЧУ ДПО «ЦПФ «АстраМед-Фарм», ООО «Инновационная агрофирма «Деметра», ООО «Велес-Агро», ООО «Сады Эльбруса», ООО «Автолюкс», ООО «Эльбрус-Тур», ООО «Русь».

На закрытии чемпионата председатель оргкомитета – заместитель председателя правительства КБР, министр образования, науки и по делам молодежи КБР Емужева Н. Г. отметила возросший уровень профессионализма конкурсантов, выразила уверенность в том, что участие нашей республики в движении «Молодые профессионалы» (WorldSkills

Россия) объединяет молодежь, бизнес, производство и педагогов, что позволит подготовить кадры для экономики будущего, повысить престиж человека труда.

У движения «Молодые профессионалы» (ВорлдСкиллс Россия) – своеобразной «Олимпиады рабочих рук» – огромные перспективы, оно дает новые пути повышения качества профессиональной подготовки и профессионального образования. Мы живем во время компетенций и время навыков. Инвестиции в человеческий капитал позволят создать ту высокотехнологичную экономику, которая необходима. Впереди – новые чемпионаты, новые компетенции, новые задачи. Нам необходимо скоординировать наши усилия, чтобы оперативно и качественно отвечать на «вызовы» времени.

Мухамед КАРДАНОВ,
член Союза журналистов России
с. Исламей Баксанского района

«БУДЕННЫЙ» ИЗ ИСЛАМЕЯ

Очерк

Мухамед Азретович Ордоков

О скоропостижности событий, их быстрой и неумолимой смене на равнине скажут: много воды утекло. А в горах, окинув громады столпившихся милых сердцу вершин, промолвят: сколько раз здесь падал и таял снег. И еще вам поведает легенду. Может быть, эту.

...Жил горец в сакле, скакал на резвом скакуне по крутым тропам, пел вольные, как сами горы, песни, стрелял из винтовки, умел бесшумно снять острым кинжалом врага. Был он скор, как лань; смел, как барс; ловок, как рысь; свободен, как беркут; красив и щедр сердцем, как тур...

Однажды забрался он далеко в горы и повстречал орла. Расправив крылья, тот парил высоко в лазури небес. И тогда горец сказал: «Орел! Я

вижу горы и горы. Скажи мне, они бесконечны?» – «О, нет, – ответил орел, – за семью хребтами – другая земля. Ровная и плоская, как крыша сакли. Там всегда тепло и зелено, там родники, от которых нельзя оторвать глаз».

Улетел орел. А человек затосковал: захотелось ему взглянуть на диковинную плоскую землю. Долго думал он. А потом надел бешмет с газырями, папаху, пояс с кинжалом и пошел. Попадались на пути звери, птицы, предупреждали: «Вернись!». А человек шел. У самой подошвы гор мелькнула среди деревьев тонконогая лань: «Тебе говорили правду, сын гор. Остановись и возвращайся, если не хочешь потерять все, даже скорость и резвость, равную моим».

Не послушал сын гор, шагнул – и открылась его глазам равнина без края и горизонта. И города – из камня и железа, и люди, как тучи пчел... Но тут, ослепленный, со стоном рухнул он на землю. И тогда

из лазурных небес долетел клекот орла: «Ты забыл, сын гор, что силы, мужество, смелость, резвость, свободу и сердце дали тебе горы. Ты изменил им – они взяли у тебя все».

Когда-то эту легенду я слышал мальчишкой у нас, в Нальчике, окаймленном горами. Приглядываясь ко всему, замирал от какой-то таинственности, думал: а не тут ли когда-то, за веками вечными родилась эта легенда? И не сюда ли спустился сын гор и остановился перед невиданным и дивным? Все может быть. По крайней мере, в нашей республике на каждом шагу встречались древние, не сказочные меты исторического разделения на «верхних» и «не верхних». Стояла изъеденная временем и стихиями крепость – безъязыкий памятник тех времен.

...Ходили вместе в школу мальчишки разных национальностей – русские, кабардинцы, балкарцы, грузины – и на той полуразвалившейся, поросшей бурьяном крепостной стене устраивали баталии, делясь на «противников» не по национальному признаку, а по правилам обычного кона. Брели крепостную стену штурмом, полонили «врагов», а после сходились в мирном согласии в одном пионерском отряде и у той же крепостной стены собирали металлолом.

А потом пришла война настоящая. В тот первый военный год уходил в армию сын гор Мухамед Азретович Ордоков. Его, только что окончившего школу, провожала столица Кабардино-Балкарии. Она уже жила грозно-тревожными днями: приходили эшелоны с ранеными, машины то и дело подъезжали к гостинице «Кавказ» – тут теперь был госпиталь. От вокзала и товарных платформ уходили и другие составы. Катились по стальным дорогам на север. Уходили эшелоны с новобранцами. В одном из таких эшелонов уехал и Мухамед.

Город Калининград. Сюда, в пограничное училище, прибыли группа будущих курсантов. Для Мухамеда здесь все было новым, удивительным. И широкая вольная река, с которой связано столько исторических событий! Город многих битв и традиций, тех самых, что ворвались новой струей в вековые отношения сынов гор и долин, разбили «крепостные стены» розни и неприязни.

Но в эти дни войны город внешне притих, примолк, «с ногами» погружался в синюю темень – зашторивались окна домов, стеклянные купола заводских цехов, а внутри шла жизнь напряженная, интенсивная: на полную мощь для фронта работали заводы.

Курсантская жизнь в училище складывалась по военным канонам – будущие офицеры не знали отдыха, между занятиями сменялись на боевом посту: фашистские «Юнкерсы» уже прорывались к Москве. Не ровен час, могли появиться и тут.

И они появились. Над городом тревожно разносились басовитые гудки заводов, мешались с воем сирен. Боевая тревога всколыхнула пограничников на позициях. Припал к прицелу Мухамед Ордоков. Минута

томительная – и вот они, точки в высоком небе, и гул – тягучий, прерывистый. Загрохотали выстрелы. Падали стервятники. Рвались бомбы.

Это был первый бой для Ордокова. Курсантский бой.

А после были и другие. Ордоков стал офицером стрелковой роты НКВД. Рота занимает первое место в полку. За достигнутые успехи Мухамед награжден почетной грамотой. И как лучшему офицеру ему досрочно присвоено звание «старший лейтенант». Он стал заместителем командира роты.

Весна 1943 года. Солдаты калининградского фронта готовились отпраздновать Первомай. Подразделение, где служил Ордоков, получило приказ освободить станицу Крымскую к утру первого мая. Фашистские бомбардировщики беспощадно бомбили позицию, поэтому к станице не было подхода.

– Всем сосредоточиться, подготовиться к атаке, – прозвучал приказ. Подразделение рванулось вперед. В станице, где развернулась жестокая схватка, командир получил тяжелую рану.

– Принимай роту, джигит, – приказал командир.

Теперь от храбрости и умелых действий Мухамеда зависело многое. Ясно виделись лица друзей, звучали их охрипшие голоса:

– Прикрой, Коля... кончились патроны... Прижимают гады...

Ордоков хорошо знал много такого, чего порой они и сами в себе не подозревали. Знал, например, кто как поведет себя в опасной ситуации, у кого хватит мужества переступить черту смертельного риска, а кто может проявить малодушие. Знал не для того, чтобы осудить, а чтобы в нужную минуту быть рядом с тем, кому потребуются его поддержка и помощь.

Подчиненные порой считали своего усатого командира непреклонно твердым, даже суровым, хотя ему приходилось скрывать за этой официальностью свой мягкий и душевный характер. Но в ту ночь, когда приходилось отвечать за всех, когда принял роту, он переживал в душе все, даже мелкие неудачи товарищей.

Но вражеские пули врасплох солдат не застали. В считанные секунды подразделение рассредоточилось, каждый нашел удобную позицию за камнем, в кювете или за углом соседнего дома. И вдруг все увидели бегущего солдата. Испугавшись выстрелов, он растерянно метался на открытой местности.

– Ложись! – закричал кто-то.

Но было поздно. Вражеская пуля его настигла. Раскинув руки, он упал возле дороги. И тут со стороны позиции, занимаемой советскими солдатами, на помощь бросился офицер. В несколько прыжков он преодолел простреливаемое пространство, подхватил раненного на руки... Но тот стал медленно оседать. Фашист стрелял из укрытия почти в упор. «А может, я виноват, что-то недосмотрел?» – мучился Мухамед.

Высока и сурова цена командирской ответственности. Она и не давала покоя. Каждая рана, полученная солдатом, отдается в его сердце. Кажется ему, поступи он иначе, отдай другое приказание, можно было бы миновать потерю...

– Вперед! Отомстим за товарища! – крикнул Мухамед. Солдаты ворвались в станицу и стали забрасывать гранатами дом, откуда стреляли фашисты, и уничтожать прыгавших из окна.

До подбитой машины оставался какой-то десяток метров, когда сильный взрыв встряхнул все вокруг. Ордоков успел услышать глухой треск, какая-то сила швырнула его вперед, он ударился головой в доску... и – тишина.

Слова «жив, командир?» привели его в чувство. Ордоков открыл глаза и увидел озабоченные, взволнованные лица друзей.

– Кажется, жив, – пытаюсь приподняться, ответил Мухамед. – Не надо, я сам. Спасайте раненых. – Но вдруг, словно наткнулся на невидимую преграду, острая боль пронзила грудь, дыхание перехватило. Превозмогая боль, Мухамед добрался до машины, стоявшей поодаль.

Врачи, осмотревшие Ордокова, не могли поверить, что с таким ранением человек способен мыслить, отдавать приказания. Но, видимо, есть чувства, неподвластные ни пулям, ни осколкам, заглушающие всякую боль.

Не помнит Мухамед, как военный хирург несколько часов вел борьбу за его жизнь.

– Ну, брат, и везучий же ты, – сказал ему потом врач.

...У него оказались перебитыми руки, все тело было начинено осколками. «Все это не смертельно, – сказал выдавший и не такое хирург из медсанбата. Но придется всегда ходить в спецпоясе».

Было ему тогда двадцать лет. Возраст, когда человеку мир рисуется в разных красках, а жизнь кажется такой светлой и чистой, что он верит – на все его должно хватить сполна.

В жестокой военной мясорубке он до конца выполнил свой долг перед Родиной.

Как только поправился – снова в строй. В своем письме домой сообщает, как воюет, что жив, здоров, что награжден орденом Красной Звезды.

Потом были бои на кубанской земле. Храброго усатого джигита наградили орденом Отечественной войны, медалями.

После этого Ордоков участвовал во многих сражениях. Но снова дали знать о себе раны. До конца войны оставалось немного времени, когда Ордокову категорически приказали лечь в госпиталь.

Теперь ему казалось, что время остановило свой бег. Его резали и вновь сшивали. Спасали от общего заражения крови.

После возвращения в Кабардино-Балкарию Ордоков долгое время работал в министерстве внутренних дел республики. По состоянию здоровья перебрался в родное село Исламей. Долгое время работал председателем колхоза в одном из четырех колхозов с. Кызбурун 2.

После слияния колхозов в один отважился поступить... в физкультурный институт. На первый взгляд – абсурд: трудно представить, чтобы с покалеченным телом заниматься физкультурой. Но так он воспитывал себя. По многим видам получил первый спортивный разряд. А по волейболу и пулевой стрельбе – высший – мастер спорта. Много лет преподавал военное дело и физкультуру и воспитал много спортсменов-мастеров. Был организатором ансамбля «Исламей» в родном селе, из числа пенсионеров (возраст 70-80 лет). Это он, Мухамед, первым в республики придумал и исполнил танец «исламей» с кинжалами в зубах.

Порой он слышал: «Зачем вам все это?» – но продолжал работать и работать.

...Когда я однажды зашел к нему домой, он собирался в родную школу, на урок Мужества.

– Уговаривали отдохнуть, но когда ушел на пенсию, работы, кажется, не убавилось, – улыбнулся он.

Я смотрел на него и думал: одержимый человек. С его здоровьем больше об отдыхе подумать бы, а он... Все в делах и заботах: встречи, выступления. А потом поправил себя: почему одержимый? Просто человек продолжает жить. Разве это плохо – жить?

В родной республике – ясные дни, солнце заливают и белоснежные горы, сакли, и равнину – во всей природе чудится удивительное согласие. И лишь развалины, разбросанные по «стране гор», напоминают о тех жестоких легендах про вражду гор и долин. Теперь и жизнь, и легенды другие. И орел разрешил: «Иди, человек. Гора благословляет тебя. И пусть твое красивое сердце срастется с сердцами сыновей долины и станет одним. Пусть твоя кровь сольется с их кровью и будет общей. И как ручей отдает свою воду реке, так отдай свою смелость, разум, волю. И от этого все станет сильнее...» И еще много добрых и мудрых пожеланий в этой новой легенде, похожей, скорее всего, на быль.

«ЯЗЫК РОДНОЙ, ДРУЖИ СО МНОЙ...»

В актовом зале Кадетской школы-интерната № 3 г. Терека, в рамках месячника родного языка состоялась литературная встреча. На этот раз гостями у юных кадетов были главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария» Хасан Тхазеплов, главный редактор журнала «Минги-Тау» Аскер Додуев и представитель министерства образования, науки и по делам молодежи КБР, консультант сектора национального образования Лариса Ахаева.

В художественном убранстве актовый зал, где выставлены работы кадетов, посвященные родному языку, на экране, сменяя друг друга, – слайды с фотографиями и очерками ведущих поэтов и писателей Кабардино-Балкарии. Выступая перед ребятами, гости рассказали о своем пути в литературу, акцентируя внимание слушателей на том, что сегодня очень важно знать наше прошлое: традиции, обычаи, культуру человеческих взаимоотношений.

Огромная роль в этом принадлежит великим просветителям: славянского народа – Кириллу и Мефодию, кабардинского народа – Шоре Ногмову, балкарского народа – Кязиму Мечиеву.

В Российской Федерации родным для 130 млн. человек является русский язык, который служит основным средством общения людей. Русский язык – важнейшая часть национального богатства России. Каждый гражданин России должен осознать значимость русского языка – это инструмент межнационального общения. Вместе с тем, не зная своего родного языка, который есть душа воспитания, невозможно понять настоящее и предвидеть свое будущее.

Своими выступлениями именитые гости вызвали интерес к поэтическому и культурному наследию республики. Ответом на вопрос

гостей – задумываются ли наши воспитанники над тем, какое чудесное наследство – родной язык – досталось нам, стали прекрасные выступления кадетов, подтверждающие любовь и гордость к своему языку, признание и уважение всех народов, живущих в Кабардино-Балкарии.

Вот некоторые выдержки из них. Руслан Алагиров, кадет 5 взвода (преподаватель А. А. Лосанова): «На мой взгляд, это очень интересная и занимательная наука – изучение языка. И, к тому же, родной язык просто обязан знать каждый! При всем этом кабардинский язык считается самым сложным в изучении. Но меня радует то, что некоторые мои друзья – балкарцы и русские ребята – имеют огромное желание изучить мой родной язык. И у них это уже получается!».

Амуш Толгуров, кадет 5 взвода (преподаватель А. С. Элекуева): «Я уверен, что наш балкарский язык достоин любви и пристального изучения. Горжусь его поразительной жизнестойкостью: он выжил в годы репрессий. Восхищаюсь его изумительной красотой, когда читаю произведения таких поистине великих поэтов и писателей, как Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Танзиля Зумакулова, Фаусат Балкарова, Салих Гуртуев, Сафар Макитов. Ведь чего стоит только прочесть стихотворение на родном балкарском языке... Это же радость, приносящая удовольствие!».

В этом убедили публику Астемир Долов, Алимбек Тарканов, Астемир Ахомготов, Кантемир Ольмезов, замечательно прочитавшие стихотворения на своих родных языках.

Заключительным аккордом стало выступление членов кружка «Литературная гостиная». Это было первое публичное выступление кадетов перед столь высокими гостями, с которым они блестяще справились. Вот их имена: Идар Шугушев, Ахмед Апажев, Мурат Дышеков, Иван Батоврин, Артем Токарев, Салим Псануков и Анзор Нартоков.

«Родной язык надо любить, как мать, как музыку, и надо уметь хорошо говорить, чтобы передать свою мысль другому человеку ясно и просто», – сказали в заключение писатели, передавшие в дар библиотеке книги с автографами. А Лариса Ахаева вручила кадетам, занявшим II место в республиканском конкурсе, книгу «Слово твое идет по миру и учит мир радости», в которой опубликовано символическое письмо К. Кулиеву от кадетов II взвода кадетской школы-интерната № 3.

Закончилась встреча концертными номерами, которые исполнили Арианна Ашижева, Алим Афаунов и Даяна Гяургиева.

Такие встречи с интересными людьми воспитывают любовь к родному языку – основу, на которой осуществляется формирование духовной составляющей воспитанников. Пусть родной язык всегда остается сильным и мощным инструментом общения!

Жаухар АППАЕВА,
искусствовед

ВСЕЛЕННАЯ ГОР ВАЛЕРИЯ КУРДАНОВА

Очерк

К 70-м годам прошлого столетия «соцреализм» в СССР начал сдавать свои позиции, и в советском искусстве появились многообразные тенденции творческой практики. Полистилизм в культуре вскоре достиг и Кабардино-Балкарии, позволив и здешним художникам обновить язык местного искусства. Балкарский художник Валерий Курданов с самого начала творческого пути, совпавшего с этими переменами в изобразительном искусстве, стремился обрести собственный пластический язык, который бы позволил ему изображать в своих картинах национальный мир родного народа.

Валерий Курданов

В решении вопроса ему помогло обращение к возникшему в 1970-х годах направлению, получившему название «этнофутуризм». Выбор этого направления у части советских художников – представителей малочисленных народов СССР – был связан с желанием не растерять национальную идентичность в массовой глобальной культуре.

Произведения Валерия Курданова всегда были связаны с родными горами. Тонкий художественный вкус и глубокое понимание специфики своего таланта позволили ему передавать в своих полотнах собственное оригинальное видение мира с «балкарским курсивом», сплавив для этого фольклорную традицию с примитивизмом.

В картинах живописца не найдешь изображения городской жизни, поскольку он прекрасно понимал, что город стирает национальные черты культуры этноса. Потому он выбирает село, где еще сохраняются архетипические пласты культуры горцев и одновременно нарождается новое, заставляя вступать в диалог старинное и современное. Свой идеал художник нашел среди простых людей, хранителей того исконного, что есть в народе. Персонажи Валерия Курданова несут на себе явные следы традиционного образа жизни: занимаются исключительно теми видами деятельности, которые были извечно характерны для балкарцев. Они всегда одеты в национальную одежду, к тому времени вышедшую из употребления, но вызывающую у автора острую ностальгию по ее утрате. Ее форма и цвет носят символический характер и полны глубоких смыслов.

Валерий Курданов не хочет смириться с исчезновением из жизни и других важных элементов балкарской культуры. Это заставляет его вновь и вновь воссоздавать в своих полотнах традиционный быт балкарцев, и он прекрасно понимает, что именно в нем коренятся основы мироустройства, образа жизни народа.

Множество используемых живописцем языческих и мусульманских символов из сокровищницы

фольклора и сакральной культуры балкарцев добавляет новые смысловые аспекты понимания этнокультурных ценностей народа. Именно они придают произведениям Курданова вневременной характер, позволяя рассматривать сюжеты и в сиюминутном значении, и в более широком историческом измерении. В картинах художника отражен старинный уклад жизни балкарцев и всегда мастерски выстроен рассказ: ведь нарративность – отличительная особенность его творчества. Вместе с тем, можно говорить о том, что это не просто жанровые картины, а серьезная рефлексия о бытии народа, о национальном духе балкарцев.

Автор удачно сплавляет национальные мотивы с национальными орнаментами, являющимися подлинным маркером культуры балкарцев. В качестве маркера этнической идентичности выступает и антропологический тип его героев. Зритель безошибочно узнает в персонажах В. Курданова неповторимые типажи балкарцев, всегда яркие, меткие, правда, без психологической, портретной характеристики, что не мешает автору через них передать сущность характера всей нации, так сказать, ее душу.

Выбранный Курдановым стилевой принцип, в котором он удачно соединил европейские традиции с местным народным колоритом, позволил ему в эпоху кризиса этнической самобытности создать легко узнаваемое национальное искусство с ярко выраженной балкарской ментальностью, положив начало развитию «этнофутуризма» в Кабардино-Балкарии. «Абсорбировав» это направление, он зримо представил перед соплеменниками их собственную жизнь и мировидение.

Произведения В. Курданова органично сочетают конкретное, наблюдаемое и поэзию национального, внутреннюю экспрессию и декоративность. Для многих своих работ он нашел оригинальную форму, нередко проникнутую доброжелательным юмором, как, например, в

картинах «Гадание на бараньей лопатке» или «За чтением газеты». У него специфическое мироощущение, основанное на гармонии человека с окружающим миром, единстве формы, цвета и света. Основными средствами для передачи эмоций он выбирает активный цвет и экспрессию рисунка. Действие в картинах В. Курданова, как правило, разворачивается во дворе балкарского дома или на улице, на фоне развешенных для просушки или продажи традиционных изделий с балкарскими орнаментами, выполненных местными мастерицами. Сравнивая картины Курданова с большинством картин кабардино-балкарских художников, носящих соцреалистический, то есть безнациональный характер, можно сказать, что искусство Курданова приобрело новое качество – национальный колорит. Оно дает зрителю ощущение жизни как бы в другом измерении – в этнический период.

Используя прием застывшего времени, условный живописный язык, статичность поз, В. Курданову удается передать внутреннюю энергию своих простодушных и наивных героев – «Невесты» и «Жениха», образы которых свидетельствуют об их духовной, нравственной чистоте. Нравственный модуль поведения прочитывается и во многих других образах, созданных живописцем.

В пейзаже живописец также далек от натуралистической трактовки природного мотива. Он писал свои картины не с натуры, а как бы изучив жизнь запоминающим взглядом и «обработав» свои впечатления, излагал свои мысли на холсте в метафорической форме. Ландшафтная живопись построена на сопоставлении локальных цветовых масс, которые кажутся живыми и подвижными. Цвет для автора служит универсальным языком, искусно формирующим пространство картины. Со временем техника письма у него становится смелой и широкой, а колорит преобладает над рисунком.

Для художественного почерка Валерия Курданова характерна форсированная цветность и энергичная манера письма, в которых явственно ощущается переключки с особенностями манеры мастеров живописи мирового масштаба. Конечно, его живопись зиждется на европейских традициях, но инокультурные элементы трансформируются у него под воздействием балкарской ментальности.

Образ пути, дороги возникает у Курданова не часто. Тем больший интерес представляет отличающаяся богатыми ритмами цветowych пятен и узоров картина «Возвращение домой», которая мыслится как жизненный путь, путь нравственно-духовных исканий. Не случайно вспоминаются стихи Кулиева «Жизнь – восхождение».

Валерий Курданов, хотя и обладал внутренней свободой и целеустремленностью, прекрасно понимал, что в советское время не все интересные его темы могли быть реализованы, а тем более представлены на суд широкой публике. Касалось это, в первую очередь, произведений, посвященных депортации балкарского народа. Он разрабатывал эту тему тайком, для себя, в надежде, что когда-нибудь удастся показать свои работы и зрителям. Так, еще в 1969 году он написал символично-аллегорическую картину «Яблоки 1944 года», посвященную годам ссылки родного народа. И только в конце 80-х годов прошлого столетия, во время «перестройки», когда на официальном уровне началось переосмысление трагических исторических событий, в частности, депортации балкарцев, можно было начать разрабатывать эту тему без риска быть обвиненным в национализме или аполитизме. Главным произведением на эту тему стала картина «Приют для спецпереселенцев», в которой в концентрированном виде передана подлинная трагедия балкарского народа, приведшая к массовой гибели людей от голода, болезней, невыносимых климатических условий и моральных мук из-за несправедливости властей.

Он долго размышлял над этой темой, которая потребовала от него огромного напряжения всех интеллектуальных, эмоциональных и психических сил. И лишь высокий профессионализм, тонкое чутье в выборе сюжета и его трактовки, сложный закодированный язык помогли ему сделать картину философской, глубоко трагичной.

В «Приюте для спецпереселенцев» – картине жестокой по своей сути – воплотились раздумья автора над последствиями депортации балкарцев. Не случайно В. Курданов жизнь на чужбине изобразил как кладбище, ставшее истинным приютом для депортированного народа. Но пессимизм картины смягчается надеждой на спасение народа в будущем, которую автор изобразил в виде «расцветающего» каменного цветка, из «бутона» которого появляется мечеть, как символ физического и духовного возрождения народа. Так трагическая тема перерастает в оптимистическую.

Сегодня искусство Валерия Курданова обрело новую ценность. Его картины помогают возрождению культурной памяти балкарского народа, поскольку автор глубоко осмысляет и эмоционально переживает свою связь с прошлым, помогая через свои картины наладить преемственность поколений. Именно поэтому творческое наследие Валерия Курданова представляет собой значимую страницу в искусстве Кабардино-Балкарии.

Ирина ВОЛЬСКАЯ

ПРОДОЛЖАЯ ДЕЛО ОТЦА

Интервью

У врачей Республиканской клинической больницы занятость предельная. Помимо лечения больных, находящихся в стационаре, они несут экстренную службу по всей республике, так как больница скоропомощная. Ежедневно в РКБ поступают тяжелые больные, пострадавшие в дорожно-транспортных происшествиях и на производстве, получившие тяжелые травмы в быту... И всем должна быть оказана незамедлительная помощь ради спасения их жизни.

Наша встреча с доктором Мариной Каловой, которая в течение многих лет трудится в РКБ, состоялась в редакции газеты.

– Марина Асланбиевна, почему Вас привлекла именно оториноларингология?

– Мой папа – Ошноков Асланби Хасанович – был заслуженным специалистом Минздрава КБР, известным в республике и за ее пределами врачом-оториноларингологом, больше 20 лет заведовал лор-отделением РКБ. Когда я оканчивала школу, папа спросил у меня, какую профессию я хочу для себя избрать, кем стать. «Конечно, врачом», – ответила я с уверенностью. «Значит, завтра пойдешь со мной на работу», – строго сказал он.

Следующим утром папа привел меня в больницу, и все летние каникулы я работала санитаркой в операционной, осваивала азы профессии и не разочаровалась в ней. В 1980 году, окончив школу с золотой медалью, я поступила на медицинский факультет КБГУ. Пока училась в университете, работала по ночам медицинской сестрой. После окончания вуза поступила в клиническую ординатуру Московского научно-исследовательского института уха, горла, и носа Минздрава РФ. В общем, прошла медицинскую школу от азов и

рекомендую такой путь пройти всем молодым людям, которые намерены избрать профессию врача.

Хорошей практической школой была работа в лор-отделении 442-го Окружного военного клинического госпиталя имени З. П. Соловьева в Санкт-Петербурге, где я начинала свою трудовую деятельность и научилась делать все операции на лор-органах. Врачебная дисциплина, профессионализм были там на первом месте.

– *Переехав из Санкт-Петербурга в Нальчик, почему Вы стали работать именно в лор-отделении РКБ, а не в частной клинике, где не так тяжело и ответственно, да и заработок больше?*

– Как ни странно это звучит, меня привлекают ситуации повышенной сложности. Они в больнице, особенно на ночных дежурствах, неизбежны, чего нет в частных клиниках. И получаешь моральное удовлетворение, когда их разрешаешь.

Какой бы экстренный больной ни поступил, ты должен спокойно, без лишнего волнения и суеты, быстро принять единственно правильное решение, ради возвращения ему здоровья, а нередко и жизни.

Работая в лор-отделении, я продолжаю дело отца, которому он служил всю свою жизнь. Коллеги, которые работали с папой, заметили, что я унаследовала даже его стиль работы, манеру общения с пациентами.

– *Марина Асланбиевна, каким людям не место в медицине?*

– В медицине не место людям корыстным, безответственным, безнравственным, бездушным, небрежным, непрофессиональным.

Еще 25 веков назад Гиппократ оставил мудрое изречение: «Все, что ищется для мудрости, все это есть и в медицине, а именно: презрение к деньгам, совесть, скромность, простота в одежде, уважение, суждение, решительность, изобилие мыслей».

– *С такой загруженностью на работе Вы достаточно времени уделяли своим детям?*

– Увы, нет. У меня был надежный «тыл», понимающий супруг, замечательный семьянин, отец, который очень много внимания уделял своим детям. Анализируя прошлое, я благодарю его и говорю ему за это «большое спасибо». Сейчас, оглядываясь назад, я часто думаю, правильно ли все это? Наверное, нет. Надо думать, как совмещать работу и общение с близкими людьми, которые тоже, как и твои больные, нуждаются в твоём внимании.

– *Когда вставал выбор профессии у ваших детей, что Вы им советовали?*

– Моя дочь Эльвина желала продолжить медицинскую династию, так как у нее не только дедушка врач, но и бабушка, то есть моя мама – Нахушева Любовь Маремовна. Она была педиатром, лечила детей.

Своей дочери я объяснила, что врачебный труд тяжок и специфичен. Ты не станешь делать красивую причёску и макияж, потому что с утра

до вечера на голове медицинский колпак и маска, наряжаться в красивые платья нет смысла, так как мы – люди в белых халатах.

Эльвина окончила школу с золотой медалью, получила с отличием экономическое и юридическое образование. Сейчас она банковский работник, продолжает учебу в аспирантуре. Сын Инал сразу сказал, что будет ученым, как его папа. Успешно окончил Санкт-Петербургский университет, поступил в аспирантуру, был очень одаренным, умным, талантливым мальчиком.

Два дорогих и безмерно любимых человека – муж Евгений Данилович и сын Инал – несколько лет назад погибли в автомобильной катастрофе.

– *Невосполнимая утрата, тяжкое, незабываемое горе... Откуда черпать силы, чтобы продолжать жить?*

– С этой болью и памятью я буду жить до конца своих дней. Спасает работа и любовь родных. У меня хорошая, заботливая дочь, которая подарила мне замечательную внучку Ливию. Рождение этой девочки вернуло меня к жизни, заставило быть, как прежде, сильной, верить в себя и в высшие силы.

– *Есть ли у Вас какие-либо увлечения вне работы?*

– Много лет я увлекаюсь вышиванием. Это помогает снять усталость после работы. Дома немало вышитых мною картин. Хотелось бы организовать выставку и посвятить ее памяти Жени и Инала.

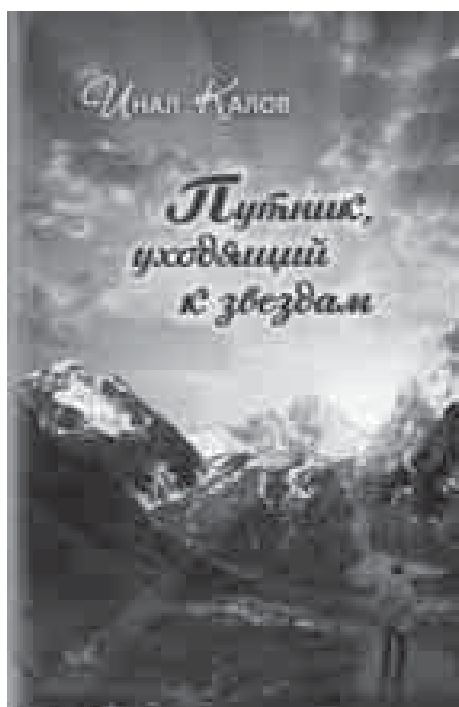
Мне нравится читать философские изречения, мудрые высказывания мыслителей. На работу ежедневно хожу пешком через парк – общение с природой помогает снять нервное напряжение, получить позитивный настрой и, несмотря ни на что, ощутить прелесть окружающего мира.

– *Что для Вас профессия?*

– Дело, которому я посвятила свою жизнь. Любовь к своей специальности отец привил всем своим детям: двум дочерям – мне и Ирине, которая, как и я, работает в лор-отделении РКБ, и сыну Ахмеду – врачу-отоларингологу одной из центральных клиник г. Москвы.

Папа был для нас примером для подражания, нам всегда хотелось соответствовать его требованиям. Мы стремимся достойно продолжать его дело.

– *Доктор, я желаю Вам жизненных сил, здоровья, терпения, чтобы Вы еще долгие годы могли работать, принося людям пользу, возвращая им здоровье. А вознаграждением за нелегкий труд пусть будет благодарность Ваших пациентов!*

От издателя

Эта книга необычная, ее не следует воспринимать как литературный шедевр, поскольку стихотворные строки не готовились к широкой демонстрации самим автором. Возможно, он мечтал, как и любой, кто пишет стихи, чтобы некоторые из них со временем были обнаружены. Ценность книги в ином – в непреходящем, общечеловеческом, что вполне четко читается в названии сборника. И оно о нем, Инале Калове: «Путник, уходящий к звездам». Ушедший к звездам...

Строки начали складываться, когда Иналу было девять лет. Писал для себя – в дневнике, на тетрадных листочках. А еще для самых близких и любимых: мамы

Марины, папы Евгения, сестры Эльвины. Стихи о личных впечатлениях, о себе, взгляды на жизнь вообще. Мальчику было необходимо в особой форме – риторической и торжественной, поведать о своих эмоциях, впечатлениях. Пусть это были незамысловатые стихотворные строки, которые слагались простыми и понятными словами, но в них читаются глубокие размышления, стремление проанализировать явления и события.

Перелистывая страницы сборника, без труда можно понять, что радостное и наивное детское восприятие окружающей действительности в юношестве переросло в осознание и констатацию простых житейских истин, без которых невозможно называть себя мужчиной, человеком, гражданином.

Какими Инал видел свою жизнь и дорогу? Безусловно, радостными, светлыми и достойными. Мечтал сделать мир и людей красивее, добрее, справедливее. Надеемся, что это его желание хотя бы отчасти осуществит сборник стихов, который в память о безвременно ушедших сыне и отце Каловых издадут любящие мать, жена Марина и сестра, дочь Эльвина.

Редакция не сочла возможным вносить излишнюю редакторскую правку и шлифовать рифмы написанных Иналом стихов, сложившихся в скромную книгу. Она, по сути, и есть жизненный путь «звездного» мальчика, каким он себя представлял в одном из детских стихотворений, путь, который нельзя прожить в черновике. Вот и эти детские, затем юношеские стихи написаны Иналом Каловым набело. Раз и навсегда.

Об авторе

Родился 20 августа 1991 года в г. Нальчике. Детство провел в г. Санкт-Петербурге. С отличием окончил гимназию № 14 г. Нальчика. В 2013 году успешно окончил экономический факультет Санкт-Петербургского государственного университета по специальности «Финансы и кредит», специализация «Страхование». Получил дополнительное образование на филологическом факультете СПбГУ по программе «Переводчик в сфере профессиональных коммуникаций». В совершенстве владел английским языком. В годы учебы занимался научно-исследовательской работой. Имел много научных работ, публикаций. Хотел продолжить учебу в аспирантуре. Во время учебы прошел военную подготовку, потому что имел особое мнение о социальной значимости военной службы. За время службы показал высокий уровень развития морально-волевых качеств: честность, самостоятельность, дисциплинированность, смелость, решительность, принципиальность.

Серьезно занимался спортом (тхэквондо, плаванием, футболом), имел за свои достижения грамоты и медали. Увлекался альпинизмом, мечтал покорить Эльбрус.

Обладал высокими аналитическими способностями, математическим складом ума, что не мешало ему хорошо рисовать, писать стихи и рассказы, сочинять песни. Одним словом, Инал был умным, талантливым, одаренным, всесторонне развитым мальчиком с доброй светлой душой и красивой внешностью.

Рано прочувствовав, что такое жизнь, он стремился прожить ее ярко, насыщенно, достойно, торопился многое успеть, но, к великому сожалению, его жизнь трагически оборвалась и многие его мечты так и не сбылись... Он погиб вместе с отцом 16 июля 2013 года в результате дорожно-транспортного происшествия. Ему должно было исполниться 22 года...

ПУТНИК

Идет он вдаль по дороге пустынной,
Он – путник, уставший от жизни...
Ужасной, холодной, застывшей.

У него за плечами
Лишь старинная жесткая ткань...
Погибает он, погибает от жизни...
Так жаль.

Он дойдет до родной земли
И будет долго-долго рыдать,
Упадет на ее холмы,
Осознает, что света ему не видать.

Погибает создание живое,
Погибает от горькой судьбы.
Так и не сбудутся, к сожалению,
Многие его мечты...

Встать он больше не сможет,
Такая у него судьба.
И никто ему не поможет,
Так жестока и страшна она.

...Ветер над ним гуляет,
Не растет на холме трава,
Солнце над ним не сияет.
Природа с ним умерла.

Февраль 2005 г.

МАМА!

Мама! Милая, родная!
Ты красивая такая!
Как матрешка расписная,
Как былинка луговая,
Как росинка на малинке,
Знойным летом ты как льдинка.
Ты мой аленький цветочек,
Аромат весенних почек,
Как березовая роща –
Вот бы мне такую тещу!
Что еще тебе сказать?!
Лучшая на свете мать!

Мама, мама, ты такая,
Словно елка расписная!
Вся красива, вся ясна,
Словно дивная сосна!
Прям калинка, прям малинка,
Прям как дивная осинка!
Ты как стройная береза –
Никакого сколиоза!
Уж не знаю, что сказать...
Счастья, здоровья хочу пожелать!

ВЕСНА

Вокруг красота,
Вокруг лепота,
Я стою на холме.
Весна!

Птички щебечут,
Солнце нам светит,
Небо синее.
Весна!

Пшеница колосится
Под нежным ветерком,

В ручье журчит водичка.
И это все весна!

Ветерок тихонько дует
И ласкает кожу нам.
Барсук яму быстро роет.
И это все весна!

Так прекрасно...
Так чудесно...
Больше нечего сказать,
Кроме как: «Весна сейчас!».

По тропинке лесной я иду,
Пробираясь сквозь солнца лучи,
Песенку веселую пою
Про весенние прекрасные дни.

Вокруг ели, осины, дубы,
Чьи листочки нервно мерцают.
Под солнцем ярким они
От ветра весны колыхают.

Красивые ромашки!
В округе их полно!
На улице так знойно,
А дома тяжело.

И пуговики рубашки
Так хочется сорвать!
И теплый воздух лета
К себе тесней прижать.

СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ

Очерк

Анзор Загазежев

«В нашей республике много высоко- профессиональных, опытных урологов, которые и по уровню знаний, и по уровню мастерства не уступают коллегам, работающим в крупных городах страны, и нет необходимости пациентам отправляться в другие регионы в поисках «знакового» доктора.

К сожалению, до недавнего времени лечебные учреждения Кабардино-Балкарии по оснащенности отставали от центральных регионов, но сейчас ситуация стремительно меняется к лучшему, и у нас есть возможность работать на современном уровне».

Таково мнение известного не только в Кабардино-Балкарии, но и на всем Северном Кавказе врача-уролога Анзора Загазејева.

При поддержке старших коллег

Анзор Мухамедович – заместитель начальника федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть Министерства внутренних дел России по КБР», начальник военно-врачебной комиссии, старший лейтенант внутренней службы.

Более десяти лет выпускник Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова работает в качестве практикующего уролога.

Возможность дополнить полученные в вузе знания, развить профессиональные навыки, освоить современные медицинские технологии молодой специалист получил в ординатуре Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И. И. Мечникова и третьей городской больнице Северной столицы.

«В скоропомощную больницу пациент поступает с предварительным диагнозом, а окончательный порой можно выставить лишь в ходе операции. На ночных дежурствах в Питере приходилось сталкиваться с тяжелыми случаями, где ты был один на один с больным и твой опыт не позволял разобраться в ситуации, но врачам-ординаторам всегда на помощь приходили более опытные коллеги, – вспоминает Анзор Мухамедович. – Со временем пришли опыт и уверенность в своих действиях,

ведь это напрямую связано с количеством проделанных операций, вылеченных пациентов».

«Когда в Нальчике я начал работать в медсанчасти МВД, практикующих урологов на тот период в этом медицинском учреждении не было, не с кем было проконсультироваться. Приходилось полагаться на теоретические знания и собственный небольшой опыт, приобретенный за годы ординатуры в Санкт-Петербурге.

Спасибо огромное моим коллегам в госпитале и особенно руководству в лице начальника – Ахмеда Гисовича Шогенова и начальника хирургического отделения Леонида Мушарифовича Карданова, которые не давали мне паниковать и теряться в трудных ситуациях. Полагаясь на свой практический опыт, они советами помогали мне решать проблему».

Пациент имеет право знать

В статье «Здоровье, дарующее оптимизм» (газета «Кабардино-Балкарская правда» от 17 июня 2014 г.) директор Центра балкарской культуры КБГУ, член Союза журналистов России Светлана Тюбеева, которой довелось общаться с Загазежевым по поводу лечения своего родственника, писала: «Первый и основной принцип медика – не навреди. Анзор Мухамедович не делит пациентов: равное отношение ко всем, его спокойствие и умение поддерживать веру в выздоровление внушают уверенность, что все будет хорошо.

Нередко врачи отмахиваются от вопросов пациентов: это вам не обязательно знать, вы все равно не поймете. Доктор Загазежев придерживается правила, что больному необходимо поэтапно разъяснить все, что будет с ним происходить во время операции, какие у него могут возникнуть осложнения и изменения в послеоперационный период и т.д.

Ухаживая за больным, я убедилась, как важно помимо процедур получать и заряд оптимизма, когда весь персонал больницы готов идти на контакт, а врачи очень внимательны».

К защите диссертации готов

Работая в медсанчасти МВД по КБР, Анзор Загазежев продолжает учиться и нарабатывать опыт в лечении распространенных недугов. Он участвует во всероссийских и международных конференциях, консультируется с более опытными коллегами, профессорами.

Десятилетний опыт практикующего уролога позволил Анзору Мухамедовичу собрать большой научный материал. Аспирант кафедры урологии Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова готовится к защите кандидатской диссертации на тему «Эндопротезирование мочеточника нитиноловыми стентами».

«Мой научный руководитель – профессор кафедры урологии Бахман Гидаятovich Гулиев – один из самых лучших специалистов России в области урологии. Среди питерских коллег он имеет наибольший опыт проведения лапароскопических операций на мочевыводящих путях, и

я ему безмерно благодарен за предоставленную мне возможность совместной работы, – говорит А. Загазежев.

Когда под руководством Бахмана Гидаятovichа я начал работу над диссертацией, профильных операций в России проводилось мало, научных публикаций по данной теме в нашей стране практически не было, пришлось обращаться к опыту зарубежных коллег.

В настоящее время накоплен отечественный опыт проведения эндопротезирования мочеочника, в научных изданиях публикуются статьи директора Научно-исследовательского института урологии Минздрава РФ Алексея Мартова и других ведущих специалистов в области эндоурологии.

Системная работа в медсанчасти, регулярное взаимодействие со старшими товарищами, работающими в Санкт-Петербурге, позволила мне накопить и проанализировать собственный опыт и сформулировать научные выводы, которые я излагаю в диссертационной работе».

В соответствии с современными требованиями

Доктор поясняет, что медицинская практика предполагает несколько вариантов хирургических операций. К примеру, удаления камней из почек. Открытая полостная операция обычно применяется, если нет альтернатив. Эндоскопические и лапароскопические операции имеют ряд преимуществ, они менее травматичны, позволяют снизить риск осложнений, в несколько раз сократить послеоперационный период, в разы уменьшить количество потребляемых лекарственных препаратов, раньше выписывать пациента из больницы.

«Сейчас мы оснащены самым новейшим оборудованием, что позволило выйти на более качественный уровень оказания медицинской помощи пациентам с применением современных методов лечения, намерены активней применять эндо- и лапароскопические методы лечения больных.

Врач может быть самым знающим и опытным специалистом, но, не имея необходимого оборудования, инструментария, он не сможет реализоваться как профессионал, не сумеет помочь людям. К сожалению, не всегда красивыми словами можно решить проблему больного.

Благодаря начальнику нашего учреждения – полковнику внутренней службы Ахмеду Гисовичу Шогенову – медсанчасть МВД имеет одно из самых оснащенных хирургических отделений в республике.

Здесь проводятся эндоскопические операции по удалению аденомы (доброкачественной опухоли) предстательной железы, камней из мочевого пузыря и из мочеочника на различных уровнях расположения. Выполняется лечение непротяженных сужений мочеиспускательного канала.

Специалисты нашей медсанчасти одними из первых в республике с 2012 года стали проводить слинговые операции при недержании мочи у женщин. Операция длится около получаса, и спустя пару дней пациентка отправляется домой.

Недавно приобретено новое оборудование для проведения операций методом чрескожной пункционной нефролитотрипсии (удаление

камней путем прокола через кожу). Мы намерены в ближайшее время приступить к выполнению хирургических вмешательств такого рода.

Хочу подчеркнуть, что в медсанчасти МВД по КБР консультативная помощь, амбулаторное и хирургическое лечение оказываются не только работникам правоохранительных органов, но и другим гражданам. Любой житель Кабардино-Балкарии или иного региона может обратиться в наше учреждение, предъявив необходимый пакет документов.

Некоторые люди, следуя выражению «нет пророка в своем отечестве», выезжают за пределы республики, полагая, что в других городах лучше лечат, но и жители тех городов тоже иногда отправляются на поиски хороших врачей в другие регионы и страны. В нашей республике много толковых, грамотных урологов, с которыми я с удовольствием периодически консультируюсь, приглашаю их помочь на операциях в сложных случаях. Их мнение для меня авторитетно, нет ничего неловкого в том, чтобы спросить у коллеги его мнение и принять совместно верное решение. Ведь у всех у нас одна цель – работать во благо больного.

Еще раз хочу отметить, что благодаря эффективному взаимодействию системы здравоохранения с федеральными и региональными органами государственной власти клинические учреждения Кабардино-Балкарии оснащены современным медицинским оборудованием, и специалисты-медики работают на высоком профессиональном уровне».

Призвание – работа

Анзор Мухамедович признался, что затрудняется ответить на вопрос о предопределенности в профессии: «Призвание это или нет – можно определить только спустя какое-то время. Мне нравится профессия, которую я выбрал под влиянием дяди, практикующего уролога Зубера Анатольевича Загазежева. Он всю жизнь работал в Кабардино-Балкарии, и у меня никогда не было стремления уехать из родной республики.

Работа – это место, где я морально не устаю, даже если тружусь с раннего утра до позднего вечера. Ощущаю удовлетворение, когда вижу итог проделанной работы, успешный результат лечения: человек приходит с жалобами, с мучительной болью, а уходит оздоровленный и потому радостный.

Уверен, что в любой области деятельности, чтобы получить достойный результат, надо вкладывать много физических и моральных сил, а также материальных средств, поскольку необходимо совершать поездки в другие города и страны на обучающие семинары, научные конференции, общаться с коллегами – ведущими специалистами, выписывать профильные журналы, приобретать книги, оплачивать публикации в научных печатных и интернет-изданиях...

Вся наша жизнь – учеба, познание. Тем она и интересна. А если ты способен облегчить человеческие страдания, продлить им жизнь, можешь считать, что не зря пришел в этот мир, ведь ты служишь людям».

Рустам АБДУРАШИДОВ

МЕСХЕТИЯ

*Болью горела
И скорбью томила
Доля изгнанника в нас.
А. Рустем*

*Посвящаю всем депортированным
народам СССР*

Ландышей дыханье
В струйках ветерка,
За рекой багряно
Реют облака.

Солнце плавит пурпур,
Сосны сбились в ряд,
Над землею турков
Радуги горят.

Не дрожат осины,
Ветер пыл унял,
В капельке росинки
Лучик задремал.

Летних ритмов пульсы
Кипень родников,
Встретил косы русые –
И зажглась любовь.

Щечки цвета сливок,
Возраст озорной,
Косы перевиты
Лентой голубой.

Ей шестнадцать где-то –
Сушая мечта!
Жить и жить на свете
Для тебя, красота.

Но страна позвала
Родину спасти,

Сквозь слезу сказала:
«Буду вечно ждать».

Весь народ Союза
Дружен и един,
Мы фашистов гнали –
Брали мы Берлин.

На полях сражений
Многие легли,
Защищая смело
Честь родной земли.

Кровью заплатили –
Пухом всем земля,
Разновозрастные,
Ратные друзья.

Все четыре года
Снился милой стан,
Несказанной силой
Исцелял от ран.

Мужество и храбрость
Пил из родников,
Что меня питали
Там, в краю отцов.

И вот – День Победы!
Все домой, к родным!
Я одной лишь мыслью
Светлой одержим.

Скоро встреча с мамой,
С дедушкой и с той,
Чья коса играла
Шалью голубой.

Возвращались с фронта
Встречи день настал,
Золотой звездой
Мой бушлат блистал.

Командир сказал мне,
Опустив глаза:
«Вам, сынок, в Месхети,
В Грузию нельзя...

Стариков и деток
Женщин ваших, знай,
Выселили в спешке
В азиатский край».

«Явная ошибка!
Так не может быть!
Чтоб товарный поезд
Был людьми набит!» –

«Тот указ кремлевский
Непонятен нам...» –
Командир придвинул
Костыли к ногам.

Вместе с ним в окопах
Ледяных полей,
Мы прошли Европу,
Хороня друзей.

Дымом папиросы
Помянули их,
Веря в избавленье
Земляков моих...

Ордена, награды –
Их не перечеть,
И герои тоже
У месхетов есть.

Многие погибли –
Очень много тех,
Кто детей и близких
Не услышит смех...

Исходил я земли
Азии большой,
Мой народ рассеян
Вражеской рукой.

Я мечтал увидеть
Мамы светлый лик...
Подавил обиду –
К горю не привык.

Исходил дороги –
Много повидал,
Только, тебя, мама,
Я не отыскал.

Средь песков пустыни
Нет песчинки той
Чья коса покрыта
Шалью голубой...

Поиски, скитанья –
Стынут времена.
Не залечат раны
Звезды, ордена.

Нас зовут родные
Дедовы края,
Звезды золотые –
Над Ахал-кая...

Уходящая к солнцу

*Посвящается внучкам Арзу, Айше, Элизе,
Сафие, Айнуре и сестренкам Машакер и Розе*

Глаза осеняли ее красоту,
В них искорки солнца и знанья.
Изгибы Венеры затмили мечту,
Безбрежно ее обаянье.

Пурпурные бусы, манящие взгляд,
И облику равные речи.
Волна золотистых волос – водопад
Ложился шелками на плечи.

Вся сущность моя запылала звездой,
И взрывом сверхновой взметнулась.
Она проплывала, лиясь красотой,
За нею пространство прогнулось!

С едва уловимой улыбкой, она –
Само воплощенье Елены.
Безумная магия встречи была
Лишь тенью от тайны Вселенной.

Вся сущность моя потянулась за ней,
Как волны за следом фрегата.
Вдали зависал над короной огней
Волнительный пурпур заката.

В сад я вышел на заре...

Саади*

Я шел к тебе. И позади
Оставил я зарю.
Себя нисколько не щадил,
Боясь, что не дойду

Мой путь пролег издалека,
Над безднами свисал.
А в зной он баловал слегка
Стеной холодных скал.

Сквозь жар пустынь и сквозь снега,
И где бы я ни был,
Той лучшей жизни берега
Я в странствиях забыл.

Забыл обличия людей,
Что притомляли грудь.
Мой друг, моих печальных дней
Мне музой верной будь.

Твой дивный сад, как Саади.
Стихами отворю.
Я шел к тебе. И позади
Оставил я зарю.

* Один из лучших восточных поэтов. Мудрец. Математик.

Вячеслав МЕЧИЕВ

Вячеслав Мечиев – не гладкий бильярдный шар, который мягко вкатывается в местную поэтическую лузу, он, скорее всего, еще острый многогранник, который царапает, и брать в руки неудобно, он – альбинос, значит, впереди укусы и дружные подножки собратьев по перу. В добрый путь, внук Кязима.

Муртаз Пачев

В День радио на радио

*Работа здесь такая, что печать
Не выдержит!
Не стану я молчать!*

С праздником! Всех, до одного!
Живи, успех, на радио!
Пусть изобрел его Попов,
А совершенствует – Шпилев!
Увидим все без шоу-вздора
В руках талантливых Шпилева,
Что изобрел Жорес Алферов.
Коль с вами Сахалин и Макс,
Тогда скажу: есть все у вас!
Здесь поздравления не лживы
Для Алии и для Марины!
С вами приветливая Римма
И обходительный Жанимов!
От сердца поздравляю всех!
Живи на радио, успех!

У вас «янтарный» есть запас –
Бархатный глас логичных фраз,
Что подает в эфир Ильяс!
А вот где класс, я не устал;
С праздником, Лара и Кямал!
А в аппаратной! Смело, храбро
Настроит фон ваш Мурик Хапов.
Он все настроит без проблем,
Компьютерам – живой модем!

Место особого сюжета
Открою: это – Мариета!
Она у вас, как сладкий пряник,
«Свой человек» всегда во всем!
И в этом никогда не вянет!
С ней вся работа – нипочем!
А где талант откроет Ася,
Там вся программа удалась вам!
Во всем порядок золотой,
Да и не будет там иного,
Где с чистым сердцем, всей душой
Ведет примером Мочалова!

Будь ваш успех во всем благой!
С Днем радио вас и с весной!
Пусть здравствует в вас комитет!
Об этом говорит сюжет,
Уж такова его природа:
Вы – честь эфира, для народа!
И сводки ваши – не бездушный прах,
Живут они, рождаются в делах!
Вопросы есть? Вопросов нет!
Всем вам салам! И всем привет!

Теперь открою, не тая,
Что с вами сердцем ныне я!
Хочу еще сказать, друзья:
Самоукор произошел,
Не то, что Славик – фантазер,
Где здесь Илюха? Где Анзор?
Простите автору позор!
Но их талант в том четко виден,
Что не сочли считать обидой!
Талант – успех, всем все прощать,
Без боя лавры дружбы брать!
Удел не всех, можно мечтать.
Даю совет стишком простым:
Кто в чем виновен, иди к ним!

Так здравствует в вас комитет,
На все вопросы здесь ответ!
Теперь жму руки, все. Привет!
Чтобы талантам дать простор,
Охотно вам поставлю стол!

Но это не предел стихам,
Открыли Рита и Марьям!

В них есть способность неспроста
Все ставить на свои места!
Ведь оператор лишь рассудит,
Что такой праздник еще будет.
Будь радио всегда готовым
Встретить его живым, здоровым,
Впредь зная: не превзойдена
Способность оператора!
И творчеству, не всякий знает,
Конца при жизни не бывает!
Так пусть, что к нам пришло с пера,
Послужит только для добра!
И этим автору открылась
Активностью оперативность!
Чтоб всех приметив, полным штатом,
Он оставался нашим братом,
Ведь весь памфлет – дружбе прививка,
А не «обрывком из отрывка»!
Я ж, вновь напомню, – не поэт,
Но слову дам зеленый свет,
Мол, вам, всего не видя сам,
Честь отдаю как «операм»,
Как громкое тебе «Ура!» –
Способность оператора!

Казалось бы, что все, пора,
Не стоит больше докучать,
Чтоб правды быта не смущать.
Ее не выразить иначе,
Чем как ее откроет Пачев!
Неполным будет стих, плохим,
Без слова, что дается им.
Что – правде быта в самый раз –
Вещает нам в эфир Муртаз!
Так что неправда дождалась,
Придет ее последний час.
Сосредоточен и сердит,
Неправды он не пощадит!

В номере:

<i>Алим Кешоков. Корни. Главы из романа (перевод Л. Маремкуловой)</i>	<i>2</i>
<i>Ирина Белоцерковская. Письма с войны... Очерк</i>	<i>29</i>
<i>Андрей Хакушев. «Я верно служил двум женщинам...». Статья</i>	<i>35</i>
<i>Асланби Ахохов. Из домашнего архива</i>	<i>45</i>
<i>Рубин Физиков. Вопреки всему. Главы из романа</i>	<i>52</i>
<i>Ирина Садовникова. Всюду жизнь. Интервью</i>	<i>71</i>
<i>Нургали Тлупов. В репрессиях уцелел, но война не пощадила. Очерк</i>	<i>76</i>
<i>Книжные новинки. Служение человечеству. Очерк. Стихи</i>	<i>80</i>
<i>Сафарби Бейтуганов. «И в себя иные веянья впитала...». Статья</i>	<i>85</i>
<i>Хаишат Кунижева. Стихи</i>	<i>108</i>
<i>Владимир Зарубин. Стихи</i>	<i>109</i>
<i>Петр Хатуев. Стихи</i>	<i>116</i>
<i>Елена Шогенцукова. Стихи</i>	<i>123</i>
<i>Павел Сидорук. Владимир Высоцкий и Беларусь. Статья</i>	<i>127</i>
<i>Борис Зумакулов. Он был востребован временем... Очерк</i>	<i>129</i>
<i>Светлана Моттаева. Соединяющий времена и эпохи... Очерк</i>	<i>132</i>
<i>Елена Стельмах. Долгого пути тебе, Караванщик. Очерк</i>	<i>137</i>
<i>Хасан Тхазеплов. Стихи</i>	<i>141</i>
<i>Владимир Кудаев. Верный сын двух братских народов. Очерк</i>	<i>159</i>
<i>Нина Емузова. Мир и радость вам, живущие. Информация</i>	<i>169</i>
<i>Артур Коков, Лидия Камергоева. Будущее формируется сегодня. Статья</i>	<i>170</i>
<i>Мухамед Карданов. «Буденный из Исламея». Очерк</i>	<i>184</i>
<i>Хасанби Гуков. «Язык родной, дружи со мной...» Статья</i>	<i>189</i>
<i>Жаухар Аппаева. Вселенная гор Валерия Курданова. Очерк</i>	<i>193</i>
<i>Ирина Вольская. Продолжая дело отца... Интервью</i>	<i>197</i>
<i>Инал Калов. Стихи.</i>	<i>200</i>
<i>Ирина Богачева. Служение людям. Очерк</i>	<i>204</i>
<i>Рустам Абдурашидов. Стихи</i>	<i>208</i>
<i>Вячеслав Мечиев. Стихи</i>	<i>212</i>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Ж. Кандоровой, Е. Бит-Сава, М. Кучменова*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 05.03.18. Подписано к печати 16.04.18.
Выход в свет 26.04.18. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 13,5.
Тираж 720 экз. Заказ № 149. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).